ВАМПИРЫ НЕ СТАРЕЮТ

СКАЗКИ СО СВЕЖИМ ПРИВКУСОМ



18+

САМИРА АХМЕД • ДОНИЭЛЬ КЛЕЙТОН
ТЕССА ГРЕТТОН • ХЭЙДИ ХЭЙЛИГ • ДЖУЛИ МЁРФИ
МАРК ОШИРО • РЕБЕККА РОАНХОРС
ЛОРА РУБИ • ВИКТОРИЯ ШВАБ • КАЙЛА УЭЙЛИ
ЗОРАЙДА КОРДОВА, НАТАЛИ С. ПАРКЕР

Вампиры не стареют: сказки со свежим привкусом

Натали С. Паркер, Тесса Греттон, Виктория Шваб, Марк Оширо, Зорайда Кордова, Ребекка Роанхорс, Самира Ахмед, Дониэль Клейтон, Кайла Уэйли, Хэйди Хэйлиг, Джули Мёрфи, Лора Руби

Аннотация
Зорайда Кордова, Натали С. Паркер. Вампиры не стареют
Введение
Семь ночей, чтобы умереть. Тесса Греттон
Создание мифов,. или Как появляются дети-вампиры?. Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер
Парни Кровавой реки. Ребекка Роанхорс
Укусы и кровь,. или Почему вампиры сосут?. Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер
Выпускной класс – отстой. Джули Мёрфи
Охотник,. или Когда мы говорим «Вампир», вы говорите «Охотник»!. Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер
Парень и колокольчик. Хэйди Хэйлиг

Традиции погребения,. или Почему люди не проверяли трижды мертвые тела перед тем, как закрыть гроб?. Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер

Путеводитель для только что обращенной деси-вампирши. Самира Ахмед

Вампиризм,. или Возможно ли, что вампиры существуют на самом деле?. Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер

С той же добротой. Кайла Уэйли

Волшебное исцеление,. или Воплощение мифа о вампирах. Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер

Вампиры никогда не говорят: «Умри». Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер

Порабощение,. или «Это не те вампиры, которых ты ищешь...». Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер

Бестиарий. Лора Руби

Летучие мыши,. или Милейшие неправильно понятые летающие грызуны. Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер

Зеркала, окна и селфи. Марк Оширо

Отражения,. или «Но сначала дай я сделаю селфи». Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер

Дом черных сапфиров. Дониэль Клейтон

Гробы,. или Как еще можно сохранить красоту?.

Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер
Первое убийство. Виктория Шваб
Поцелуй / Женись / Убей,. или Злодеи, которых мы любим любить. Зорайда Кордова. и Натали С. Паркер
Благодарности
Об авторах

Аннотация

Вампиры – порождения тьмы и лунного света. Они могущественны и опасны, соблазнительны и притягательны. Они пьют кровь людей или сидят на вегетарианской диете. Некоторые светятся на солнце и разъезжают на крутой тачке. Другие ведут дневники и повсюду таскают с собой ручного ворона.

Авторы этого сборника, современные популярные писатели, расскажут вам свои истории о вампирах и попробуют ответить на многие извечные вопросы. Почему все вампиры красавчики? Если они ни в чем не отражаются, то могут ли делать селфи? И почему они никогда не стареют?

Зорайда Кордова, Натали С. Паркер
Вампиры не стареют

Vampires Never Get Old: Tales with Fresh Bite
Zoraida Córdova, Natalie C. Parker
© 2020 by Zoraida Córdova and Natalie C. Parker.
“Seven Nights for Dying” © 2020 by Tessa Gratton.
“The Boys from Blood River” © 2020 by Rebecca Roanhorse.
“Senior Year Sucks” © 2020 by Julie Murphy.
“The Boy and the Bell” © 2020 by Heidi Heilig.
“A Guidebook for the Newly Sired Desi Vampire” © 2020 by Samira Ahmed.
“In Kind” © 2020 by Kayla Whaley.
“Vampires Never Say Die” © 2020 by Zoraida Córdova and Natalie C. Parker.
“Bestiary” © 2020 by Laura Ruby.
“Mirrors, Windows & Selfies” © 2020 by Mark Oshiro.
“The House of Black Sapphires” © 2020 by Dhonielle Clayton.
“First Kill” © 2020 by Victoria Schwab.
All rights reserved.
Published by arrangement with Macmillan Publishing Group, LLC. All rights reserved.
Jacket illustration by Adriana Bellet
Jacket design by Jessica Lauren Chung

Серия «Young Adult. Сумеречная жажда»
Перевод с английского В. Ивановой

Художественное оформление Ю. Девятовой

© В. Иванова, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *



Тем, кто изголодался по необычным, темным историям.
А также Джули Мёрфи и Тессе Граттон за то, что услышали нас, когда мы сказали: «Знаете, чего нам не хватает? Вампиров».

Введение

Заметка от ваших редакторов:

Вампиры — порождение фантазии. Мифа и лунного света. Ужаса и обожания. Когда мы сели, чтобы приступить к работе над этой антологией, никто из нас не смог вспомнить, когда впервые столкнулся с мифом о вампирах. Их присутствие так глубоко пустило корни в нашей культуре, что добраться до истоков в нашем воображении оказалось просто невозможно. Мы вспомнили все истории, что читали в школе — «Дракулу» Брэма Стокера и «Вампира» Джона Уильяма Полидори, — а также те, с которыми познакомились позднее — «Интервью с вампиром» Энн Райс и «Сумерки» Стефани Майер, — но что было первым? Никто из нас не мог сказать.

Почти все из вампиров в нашем коллективном воображении — западноориентированном, надо признать, — это герои историй о власти. Несмотря на распространенный гомосексуальный подтекст и выдающиеся небелые примеры, как «Рассказы Гильды» Джуэл Гомес, вампиры — преимущественно мужчины, белые, цисген-

дерные, гетеросексуальные, физически крепкие. И мы были готовы к историям, по умолчанию подразумевающим такой расклад.

С помощью рассказов этого сборника мы хотим доказать, что нет единого способа описать вампира. В конце концов, существо, способное менять внешность, может носить множество лиц и рассказывать множество историй. В этой книге представлены вампирские истории, дополняющие и переосмысливающие традиционные сказания. После каждого рассказа мы, ваши редакторы, предлагаем короткие заметки, касающиеся мифов о вампирах и того, как наши авторы вносят новизну в художественные средства, которые мы все знаем и любим.

Мы надеемся, что этот сборник вдохновит вас на изучение историй, которые уже были рассказаны, прекрасного собрания мифов, существующих в мире. Мы также надеемся, что он вдохновит вас выдумать собственных монстров, осмыслить их сквозь призму вашего собственного опыта. Вампиры могут не существовать в реальности, но историями о них мы можем делиться. Вампиры бессмертны, способны перерождаться и обречены всегда жить в наших ночных кошмарах. Потому что вампиры никогда не стареют.

Мы очень рады, что вы решили присоединиться к нам в этом путешествии из гроба в темноту.

С наилучшими пожеланиями,
Зорайда и Натали

Семь ночей, чтобы умереть
Тесса Греттон

Измаил сказал мне, что из девочек-подростков выходят лучшие вампиры.

Это прозвучало как стихотворная строчка, но он уже побывал у меня в штанах, так что я была склонна ему верить.

Он нашел меня благодаря рисункам, развешанным на стене в «Эль Кафе», где я работала. Я принесла несколько набросков и попыталась налепить их на открытые кирпичи с помощью клея, за что меня отматерили, а Томас сказал, что, если я не могу придумать способ развески, который не повредит стену, возможно, я не заслужила права быть художницей. Я протянула веревку от настенной вешалки до полки и прикрепила к ней свои рисунки. По десять долларов за каждый. Я работала над ними, когда не могла уснуть по ночам, пока смотрела телевизор с выключенным светом или после полуночи, когда мне светили только уличные фонари через окно. В таких условиях сложно заметить ошибки, так что я могла лишь втирать в бумагу свои чувства и

продавать их как оттиски мрачного настроения. Понимаете?

Я знаю, что делаю.

Измаил пришел в конце дня в четверг, когда мы работали до семи. В январе, так что солнце уже давно село. Меня там не было — я предпочитаю открывать кафе, пусть мне и приходится быть на месте уже в пять утра, потому что я работаю одна и просто раскладываю всё по местам, ничего не мою. Включаю автомат эспрессо, опускаю стулья, выбираю радиостанцию, проверяю наличие молока и всего прочего и жду, когда мисс Тина принесет маффины на день. Солнце восходит позади нашего квартала магазинов, так что свет как будто постепенно накаляется, пока в разгар утра не поднимается над зданиями и не отражается от смотрящих на восток окон магазина напротив, ослепляя меня до слез, хоть я и стою в глубине кафе за стойкой.

Очевидно, Измаил заказал капучино с насыпанной поверх пенки корицей, напоминающей высохшую кровь, и держал его перед собой, рассматривая мои рисунки. Купил один из них под названием «Вой» и спросил, как связаться со мной, чтобы кое-что у меня заказать. Томас сказал ему, что меня можно застать во время

открытия кафе в выходные или во вторник, когда у меня поздно начинаются уроки в школе и я работаю до девяти утра.

Он уже ждал в субботу, когда я открыла дверь ровно в половине седьмого. Для постоянного посетителя в этом не было ничего необычного. Да я и не возражала, потому что этот вампир был ну просто очень симпатичным. Маловат ростом для парня, но двигается, как атлет, знаете, который может сорваться с места еще до того, как вы успеете что-либо понять. Он был в узких джинсах, рубашке на пуговицах и жилете с цветочным узором, и это сработало. Одежда отлично сочеталась со светлой, нежной, как персик, кожей, темно-русыми волосами, аккуратно уложенными за уши, и зелеными глазами. В смысле, прямо зелеными. Как океан. Как хвост русалки. А движения его рук были такими неспешными. На указательном пальце он носил странное блестящее черное кольцо, которое словно парило в воздухе, когда он указывал рукой, протягивал мне деньги и засовывал десятку в банку для чаевых.

(Это стало первым предупреждающим флажком, привлекшим мое внимание.)

А еще он был намного старше меня. Лет тридцать, как мне показалось, или, может, двадцать

пять, прежде чем я увидела его глаза, которые делали его еще старше, потому что он не моргал и не оглядывался вокруг. Его пристальный взгляд задержался на мне, потом на моих рисунках, потом на кассовом аппарате. На что бы он ни смотрел, он *смотрел только на это*.

Он сказал, что ему понравился мой стиль, и спросил, как у меня это получается — «Золой в темноте», — ответила я, — и он тихо рассмеялся, в то время как его лицо особо ничего не выражало. Потом он спросил, не хочу ли я выставиться в галерее. Если да, то я должна прийти и посмотреть место, а потом мы поговорим.

Я достала свой телефон и сказала:

— Мне нужна ваша фотография, чтобы отправить в полицию, если я вдруг исчезну.

Когда я приподняла телефон, он улыбнулся, и, Пресвятая Дева Мария, что это была за *улыбка*. Я сделала снимок и отправила его Сидни со словами: «Если я исчезну, этот парень по имени Измаил Абрамс хочет выставить мои рисунки в галерее». На что она ответила мне: «Надеюсь, он просто хочет, чтобы ты ему за это дала», — и добавила кучу эмодзи в виде баклажанов.



В первый раз он укусил меня прямо в промежность, но мне было плевать, потому что он только что загубил меня для всех остальных парней. Но не для всех остальных девушек — девушки в этом куда лучше, особенно Сидни.

Как бы то ни было, полагаю, где-то там внизу есть вена.



Другая вампирша, Сети, согласилась, что из девочек-подростков определенно получаются лучшие вампиры, но не по той причине, по которой думает Измаил. Она сказала, дело в том, что девочки-подростки одновременно крайне обозленные и очень легко ко всему приспосабливаются, а именно это необходимо для выживания на протяжении столетий.

Я спросила, почему Измаил это сделал, и он ответил: «Из-за твоего искусства», словно это было очевидно. Он прислонился к затемненному окну своей квартиры этажом выше галереи (да, у него таки была галерея). На нем был шелковый халат, покрывавший его тело мягкими складками в поистине вампирской манере. Он протянул руку к трубке кальяна, медленно затянулся и выпу-

стил струйки дыма по бокам от своих крошечных клыков, словно чертов дракон. (Кальян на основе розового табака и яблочного сока — слишком ядреный, на мой вкус.)

Сети закатила глаза и откинула голову, так что ее густые огненно-рыжие кудри свесились позади спинки кушетки. Одна ее нога покоилась на подушке, а другая была прижата к мозаичному полу — обе в армейских ботинках. Она была почти голой, если не считать шорт из красного бархата и майки, словно сплетенной из паутины. Даже свет камина касался ее смуглой кожи осторожно, словно мог ее обжечь. Мне бы очень хотелось заняться сексом и с ней.

Она сказала:

— Измаил, ты прямо настоящий викторианский бродяга, — а мне: — Дело в лобной доле твоего мозга, она еще не вполне развита. Так что ты по большей части знаешь, кто ты, но готова идти на большие риски, не требуя значительной награды. А людей, которых растят в этой отвратительной стране в качестве девочек, учат ко всему приспосабливаться. Так что вы вырастаете целеустремленными — или бесполезными.

Я была более чем уверена, что Сети родилась где-то на Среднем Востоке, но очень, очень давно.

Ее нос был таким, каким я представляла себе нос Сфинкса, а еще было что-то особенное в ее бровях. Плюс имя, которым она пользовалась. Я проверила — это было имя какого-то фараона. Она была моложе Измаила — обоим было где-то около века, но внешне она выглядела на девятнадцать или двадцать. Я спросила, откуда она, и она ответила, что ее народа больше нет, но это не важно.

— Я не рассказываю эту историю кому попало. Поделюсь с тобой, если доживешь до ста.



Они дали мне выбор. Жить вечно, как дитя ночи (да, Измаил именно так и сказал), или забыть их и дожить до конца моих дней, сколько бы их ни осталось, при свете солнца.

Следующим утром, лежа рядом с мамой, я обо всем ей рассказала, просто чтобы выговориться. Мама постоянно повторяла, что, если дать себе выговориться, это поможет найти верное направление. Когда я всё объяснила, стало понятно: раз уж я так громко заявляла, что не могу выбирать, с кем хочу спать — от своей природы не уйдешь и так далее, — сейчас мне стоит отнестись к выбору, кем и чем я хочу быть, очень и очень серьезно.

— Ты бы хотела жить вечно, если бы у тебя была такая возможность? — спросила я у Сид, когда мы шли по коридору во время перерыва. Когда на улице было холодно, мы обе проводили час в аудитории с мисс Монро, и я обычно читала то, что нам задали по биологии. Тогда мне не приходилось нести этот увесистый учебник домой.

Сид наклонила голову и подтянула скрученный пояс своей плиссированной юбки. Я всю зиму ходила в брюках, но Сид говорила, что когда она подтягивала юбку настолько, чтобы каждому учителю хотелось взять линейку и проверить, не слишком ли юбка короткая согласно уставу школы, — только тогда она по-настоящему чувствовала себя католичкой.

— Как какой-то Горец, или вампир, или типа в петле времени? — Сид знала эту игру.

— Как вампир. — Я даже не старалась принять безразличный вид — я смотрела на нее так, словно безумно хочу вонзить свои зубы в ее белую шею.

Ее губы изогнулись в улыбке, потому что ей нравилось, когда я становилась такой чертовски напряженной, она говорила, что это мой художественный облик. Она толкнула бедром дверь в аудиторию.

— Наверно. Ну, если бы вампирам не приходилось жить вечно, а можно было бы просто жить столько, сколько хочешь. А людей нужно будет убивать?

(Я задала Измаилу тот же вопрос. Он провел костяшками пальцев по моей обнаженной ноге и сказал: «Нет, но *можно*».)

Я покрутила головой.

— Единственный недостаток — солнце?

Мы выбрали изогнутый ряд выцветших старых театральных кресел и плюхнулись вдали от большинства одиннадцатиклассников, у которых тоже не было урока.

— И святая вода, и кое-какая магия.

— Магия, ага, значит, мы не какие-то вирусные вампиры, а демонические.

Сети и Измаил не показались мне какими-то особенно демоническими, но, полагаю, технически это было верно.

— Ага.

— Думаю, я могла бы согласиться, но, наверно, подождала бы пару лет до совершеннолетия. И, может, попыталась бы скинуть парочку фунтов.

У меня округлились глаза. Об этом я даже не подумала. Если превращение сохранит мое тело таким, какое оно сейчас, у меня навсегда останут-

ся это пузо и складки жира вокруг лифчика.

Я сползла по театральному креслу вниз, чтобы положить затылок на спинку и уставиться в потолок.

— А ты будешь жить вечно вместе со мной? — прошептала Сид мне в ухо.

Такой опции не было — вампиры четко дали мне это понять. Только я, и, если я попытаюсь обратить кого-то в первые пятьдесят лет, они убьют нас обоих.

Я быстро поцеловала ее.

— Конечно. Мы будем вместе править ночью и бесчинствовать по всему свету.



Тем вечером Измаил вывел меня на долгую прогулку по району Пауэр энд Лайт[1], где бары обменивались неоном и басами, словно на языке любви. Замерзшие парочки и компании друзей перебегали от ресторана до отеля или парковки в облачках выдыхаемого ими тумана над головами, похлопывая ладонями перед своими ртами, одетые в куртки друг друга, смеющиеся и матеря-

[1] Примечания: 1

Район ресторанов, магазинов, офисов и развлечений в центре Канзас-Сити, штат Миссури, США.

щиеся на мороз. На мне было длинное пальто и шарф, но Измаил впервые накормил меня своей кровью, и я едва чувствовала холод. Эта магия согревала меня изнутри. Семь ночей подряд — это было основой ритуала. Он пьет мою кровь, я пью его. Если бы мы остановились после шестой, то несколько дней мне было бы плохо, а потом я бы выздоровела. Но осталась человеком.

Мы пошли на север от Центра Спринта мимо темных зданий делового центра, пока бары не отдалились друг от друга, а местных, направляющихся домой или уговаривающих своих маленьких собачек пописать на двух квадратных футах покрытой инеем травы, не стало больше тусовщиков. Я просунула руку под локоть Измаила, что показалось ему очаровательным, и он не возражал против топота моих ботинок по тротуару, в то время как его ноги ступали совершенно бесшумно. Он был сексуальной тенью и мог защитить меня абсолютно от всего.

Я спрашивала себя, каково было бы идти по этой улице одной и всё равно не бояться. Никаких ключей, сжимаемых между пальцами наподобие кастета, никакого учащенного пульса, и если бы кто-то назвал меня лесбиянкой, я могла бы без лишних волнений послать его на три буквы

— или, что еще лучше, разорвать его проклятое горло.

— Ты взволнована, — тихо произнес Измаил.

— В этом всем такая власть.

— Да. И опасность. Ты должна будешь, если присоединишься к нам, научиться думать о том, как выжить не только завтра, но и в следующие десять или сто лет. Составлять планы, основы на вечность. Только тогда ты сможешь позволить себе жить в моменте. Ты можешь казаться человеком, но только если будешь думать, как монстр.

— И что это значит?

— Повсюду есть камеры и телефоны, подслушивающие нас. Мы выживаем, потому что нас не ищут. Если кто-то захочет найти тебя — захочет найти вампира, — они найдут. В этом мире невозможно спрятаться, теперь невозможно, и у тебя должна быть личность.

— Поэтому у тебя есть галерея.

— Чтобы я мог платить налоги. Я в системе.

— Звучит скучновато.

Он одаривает меня настоящей улыбкой — слишком прекрасной, чтобы описать словами.

— Нет никакой скуки в том, что ты понимаешь.

— Звучит прямо как стих, — с трудом проговариваю я, едва способная дышать после такой улыбки.

— Представь, что можно сделать, когда у тебя есть десятилетия на обучение. Представь, какими могут быть твои рисунки через сто лет, после того как ты поживешь в Таиланде, Германии и Новом Орлеане. Представь, с кем ты можешь познакомиться. Что ты можешь испытать.

Мы приблизились к Речному рынку, где рестораны стали более вычурными или, по крайней мере, имели в названиях слова типа «гастропаб», и я подумала о том, чтобы всё это нарисовать: падающий под углом свет от витрин магазинов впереди и мерцание звезд — одно теплее другого. Смогу ли я изобразить что-то вроде теплоты?

— Это стоит солнца? — тихо спросила я.

— Ты научишься создавать свое собственное.

Я подумала о Таиланде и Новом Орлеане, о танцах и выворачивании языка от нового наречия и новых понятий. Подумала обо всем том сексе, который у меня мог бы быть. О музыке, которую я могла бы услышать. И у меня вдруг защемило в груди.

Неожиданно для себя я заплакала.

Слезы немного подмерзали на моих ресницах,

и, когда я попыталась их стереть, под пальцами у меня было что-то холодное и сухое.

Измаил не делал ничего — только держал меня за руку.

— Отведи меня к моей маме, — попросила я.

Его вздох был крайне меланхоличным, но он исполнил мою просьбу.



Я поделилась с мамой смехотворным аргументом, что оплата налогов помогает монстрам выжить. Это была ее любимая забава — находить смешное в унылом. Однако вместо того, чтобы шутить, я пожаловалась на несправедливость жизни. Разве маме не понравились бы музыка со всего мира и изучение всех языков? Как же фигово, что она не может быть вампиром вместе со мной.

Или вместо меня.



В следующую ночь ритуала, после того как я коснулась пальцем крови на запястье Измаила и нанесла каплю, словно «дизайнерский» нарко-

тик, на свой язык, Сети повела меня на прогулку.

Она сказала:

— Измаил умен, но я знаю, как жить.

Мы пошли в клуб, который был в прямом смысле подпольным. Он время от времени появлялся в пещерах под берегами реки, объяснила Сети, и я определенно была для него недостаточно взрослой, но она провела меня внутрь.

Я танцевала и задыхалась, целовалась и визжала, позволив музыке накрыть меня с головой. Она дала мне рюмку дорогой текилы, похожей по вкусу на миндальный леденец, и позволила мне прижаться к ней, словно обещая нечто большее. Когда Сети вонзила ногти в мою руку, я пошла за ней. Я смотрела, как она пьет кровь из локтевой впадины какой-то женщины, в то время как та терлась спиной о Сети. Потом Сети поцеловала меня, на губах у нее был вкус крови, и мне было немного жутко, если честно.

— Когда ты станешь одной из нас, это будет единственный восхитительный вкус на всем свете, — прошептала она мне уже потом, распластавшись на кровати Измаила. — Я знаю, что ты испытала отвращение. Хочешь ли ты стать тем, кто жаждет почувствовать этот вкус? Нельзя выживать вечно, если ты ненавидишь себя.

Сидя на кресле у камина, Измаил выдохнул с легким несогласием. Буквально.

Я тоже растянулась на кровати, свесив голову и положив ноги поперек ее тела, но его я видела перевернутым. Я чувствовала, как кровь приятно пульсирует под кожей головы и в некоторых других местах.

— Почему я? — спросила я.

— Из-за твоего искусства, — отстраненно ответил Измаил, театрально уставившись на огонь. То же он ответил, когда я спросила его, почему, по его мнению, из девочек-подростков получаются лучшие вампиры.

— Уф, — фыркнула я.

Сети засмеялась.

Измаил перевел взгляд на меня.

— Я считаю, что искусство должно развиваться. Сейчас ты уже прекрасно рисуешь, но, как я сказал, представь, на что ты будешь способна через сотню лет.

Сети вдруг встала на колени, согнувшись надо мной. Протянув руку, она схватила меня за волосы и подтянула мою голову вверх. В ее ясных карих глазах светилась страсть.

— Представь, что ты сможешь *изменить* через сотню лет!

Я приподнялась, насколько это было возможно, так как она всё еще держала меня за волосы. Напряжение перетекло в меня по ее рукам, и я чувствовала себя так, словно дрожу, оказавшись перед чем-то крайне важным.

Она спросила:

— Что вызывает в тебе злость? Мы можем исправить это. Мы можем формировать историю, потому что мы способны делать понемногу за раз, дитя. Сердце здесь, разум там, потом еще и еще — по всему миру. Иметь цель — вот что помогает выживать годами.

— Сети нравится соблазнять общественных деятелей и писать гневные посты в блоге, — сказал Измаил.

Он оказался прямо за мной, способный двигаться быстрее, чем любой человек.

— Это работает, ты, выплачивающий налоги лизоблюд, — проворчала Сети.

Его рука схватила ее за горло, и она отпустила меня. Я отползла в сторону, но Измаил улыбался.

— Социалистическая шлюха, — прошипел он.

Я стянула с кровати покрывало и поднялась на крышу, когда их борьба переросла в секс. Воздух на улице был холодным, но очень чистым, и розовый на востоке, за всем остальным городом,

совсем не был цветом крови.



Я составила для своей мамы список всего в мире, что я бы изменила. В нем была всего одна строка.



На пятую ночь ритуала Измаил пришел в мой дом, бунгало 1920-х годов, через две улицы от квартала богачей, окружающего мою старшую школу. Я была в спальне и растирала пастели при свете нескольких свечей с ароматами сосны, глинтвейна и апельсинового сока. Он сморщил нос от отвращения.

— Это бабушка впустила тебя? — спросила я, протягивая ему тяжелый бумажный лист. Большинство людей брали мои работы за уголок, чтобы не испачкать пальцы углем, но Измаил взял ее так, словно это был подарок.

— Нет, она не знает, что я здесь, — задумчиво произнес он, изучая мазки черного и темно-оранжевого. Это был шероховатый гранат, грубо разломанный на две половины. Из него сочи-

лись прозрачные капли, а внизу лежали пять крошечных зернышек — маленькие красные пятнышки, нанесенные моим мизинцем. При более ярком освещении на них, наверно, можно было разглядеть даже линии моих отпечатков. Я на это надеялась.

Губы Измаила приоткрылись, он сделал вдох и нежно улыбнулся мне.

— Очень хорошо, моя Персефона, получи свое следующее зернышко.

Я протянула руку, и он поднял ее, лизнул кожу на ладони и подул, щекоча тончайшие волоски на моей руке. Он притянул меня к себе и поцеловал мое запястье, прикасаясь языком и нежно посасывая, пока у меня не задрожали колени, а пальцы не вцепились в его бедро. Мой рисунок в другой его руке задрожал, он положил его на кровать и впился в меня зубами.

После этого он усадил меня к себе на колени, пока его кровь растекалась по моей кровеносной системе.

— Тебе не нужно прощаться с ними прямо сейчас, — прошептал он. — С ними всеми. Ты можешь не делать этого, пока сама не захочешь. Или пока они не захотят.

«Это хорошо, — подумала я, понимая, что в

любом случае попрощаюсь с ними очень скоро. — Затянутая смерть — отстой. Смерть, о которой ты знаешь, что она уже рядом, — или прощание, о котором ты знаешь, что оно уже близко, — смягчают всё до состояния боли. Ждать прощания — это то же самое». Я сжимаю зубы, чтобы перестать думать об этом.

— И часто ты это делаешь? — спросила я с закрытыми глазами. Мы оба сидели на моем стуле, и ближайшая к нам свеча на столе источала яркий аромат свежей, неукрашенной новогодней ели.

— Да, — его руки обняли меня — мягко, поддерживающе и холодно. — Многие не проживают и года, но те, кто выживает, почти всегда молодые женщины. Тебе необходимо жить, я думаю, из-за всего, чего ты была лишена. Ты уже голодна, и все юные девушки, которых я встречал, были голодны — это облегчает переход. Ты знаешь, как жить с голодом. И со злостью — Сети была права насчет этого. Не с любой злостью, не древней мужской злостью, отточенной ядовитой неприязнью, а праведным гневом, который словно наполняет тебя светом.

— Я не чувствую злости, — ответила я.

— Чувствуешь.

Следующим утром, когда я открыла «Эль Кафе», вошла Сид, чтобы, облокотившись на стойку, пофлиртовать над американо и выполненными в последнюю минуту задачами по математике.

Когда моя смена закончилась, она отвезла меня в школу. В этот утренний час парковка была заполнена, так что мы оставили машину на соседней улице и пошли к главному зданию школы по хрустящей под ногами каше.

— Что не так? — спросила она.

Я пожала плечами. Так много возможных ответов.

Сид натянула поверх ушей вязаную шапку, так что ее коротких волос почти не было видно. На ней было длинное пальто и высокие сапоги, но голые коленки порозовели и обветрились за время двухминутной прогулки.

— Ты злишься? — спросила я, когда мы дошли до широкой лестницы из песчаника, и остановила ее, положив руку в перчатке ей на плечо.

— На тебя? А есть за что? — Она опустила бровь.

— Нет, нет, просто — в целом. Злишься на состояние мира. Например, на системное угнетение,

патриархат и… на то, как отвратительна эта страна.

— Конечно.

— Конечно? — Я поджала губы, абсолютно уверенная, что ответ в духе «да без разницы» на самом деле означает «нет». Я взбежала по ступенькам и влетела в дверь, навалившись на нее всем весом, чтобы открыть.

Сид догнала меня.

— Дело в твоей маме?

Я прямо зарычала, как чертов вампир. Обнажив зубы.

— Да ну на хрен, — огрызнулась она, обходя меня.

Когда она уходила прочь, ее короткая юбка покачивалась с совершенно отчетливым «Ну, теперь я точно злюсь, сучка».

Я подумала о Персефоне и ее шести зернышках граната. Одну половину года она ходила с богом смерти, а на другую половину возвращалась домой к своей матери. Лучшее от обоих миров. Может, именно это меня и злило.



В ту ночь, шестую ночь, я спросила Сети:

— Что, если я захочу кого-то убить?

— Сделай это так, как сделал бы человек, чтобы не привлекать внимания. Напейся, но перережь горло ножом.

Я содрогнулась, спрашивая себя, стану ли я однажды таким старым монстром, что смогу произнести подобное с легкостью.

— Сложно выпить столько крови, чтобы убить взрослого человека, — продолжила она, уводя меня вниз по лестнице в подпольный бар. — Если только не делать это медленно. Мы редко присасываемся к большим артериям, потому что их сложнее контролировать. Слишком сильное давление, ты начинаешь давиться, а брызги крови на одежде выглядят подозрительно. — Она дотронулась пальцем до моей нижней губы. И сладострастным тоном добавила: — Для нас лучше, когда приходится слегка посасывать.

Я фыркнула:

— Ясно, это чтобы не слишком увлечься этим приятным процессом и случайно не выпить из кого-то всю кровь без остатка. А что насчет чеснока, крестов и прочей фигни?

— Чеснок проникает в кожу и кровь и может быть просто невыносимым, но он не опасен. Кресты, соль, святая вода и всё подобное могут быть

пропитаны магией, которая разрушает нашу, причиняя нам вред, но в наши дни это редкость. Этот вид магии почти никто больше не практикует. Только обычные защитные заклинания, сглазы и благословения.

— А есть, ну, типа, охотники на нас?

— Конечно, но у тебя больше шансов быть ударенной молнией.

— А это нас убивает?

— Гарантированно.

Сети очаровала вышибалу и проскользнула за столик, так что мы уселись на высокие стулья, попивая дымящиеся коктейли из маленьких хрустальных бокалов на ножках.

— А солнце?

— Смертельно.

— Почему?

— Оно разрушает магию или убивает демона в нашей крови, полагаю. Ты не вспыхнешь пламенем, но все твои физические изъяны и раны вернутся стократ, так как ты умерла, и ты постареешь. Солнце разрушит заклинание, и ты станешь мертвой, как должна была.

— Прямой солнечный свет? Или любой?

— Прямой, иначе полная луна нас бы тоже поджаривала.

— Ты когда-нибудь видишь рассвет?
— В кинотеатре.
— Надо нарисовать его, пока я еще могу.
Сети медленно расплылась в улыбке:
— Так ты решилась?
В этот момент мне захотелось сбежать.



Когда мы вернулись в квартиру над галереей, там, помимо Измаила, был маленький мальчик. Одиннадцати или двенадцати лет, светлокожий, с медными волосами, с щечками, что называется, как у херувима, и одетый, как взрослый, в узкие джинсы, отполированные лоферы, голубую рубашку на пуговицах с закатанными до локтей рукавами и яркий галстук цвета морской волны с крошечными желтыми цветочками.

— Это Генри, — представил его Измаил. Щеки его были окрашены в ярко-розовый цвет, так что он либо ликовал, либо гневался, либо же в нем было ну *очень* много крови.

Мальчик кивнул мне, как в костюмированном фильме, подняв свои огромные светло-карие глаза. Потом он улыбнулся, и клыки, выглядевшие крошечными во рту Измаила, показались

просто огромными над аккуратными губками этого мальчика.

— Приветствую вас, мисс.

— Ребенок-вампир! — не смогла я сдержать невоспитанный вскрик.

Сети фыркнула. Измаил коснулся моей щеки одной рукой, а костяшками пальцев другой провел по слегка вьющимся волосам Генри.

— Это знак, дорогая: Генри самый старший из моих живых исчадий. Он приехал ко мне как раз вовремя, чтобы поговорить с тобой.

— Это называется, девочки-подростки — самый большой твой успех, — произнесла я, рассмеявшись. Я была ошарашена и одновременно взволнована. Здесь был такой маленький ребенок, который мог в два счета разорвать мне горло.

— Люди, которых вырастили как девочек, — вот как я говорила, если быть точнее, — поправила меня Сети, улыбаясь. — Разве не так, Генри?

Маленький мальчик вздохнул, словно старик, и пошел к серванту, чтобы налить себе стакан виски.

Измаил сказал:

— Я жил как священник во Франции в пятнадцатом веке — в те дни Церковь была самым

безопасным местом для монстров, находящихся при ней, — и служил семье мелкопоместного лорда. Генри, пятый ребенок моего лорда, пришел ко мне, чтобы исповедоваться и покаяться — он злился на Бога и до ужаса боялся, что у него вырастет грудь и округлятся бедра и живот, как у его сестер. Он знал, что должен был стать мужчиной, именно об этом он мечтал, снова и снова, хотя это было грехом. Я сказал: «Я не могу сделать твое тело мужским, но я могу сделать тебя таким же сильным и предотвратить твое превращение в женщину.

— Я решил, что это чудо, а отец Самюэль — ангел, — произнес Генри со значительной долей иронии в голосе.

Я присела на кушетку. Генри протянул мне свой стакан с виски, разрешая сделать глоток. Я в изумлении смотрела на него, а потом задала миллион вопросов о том, каково это — жить в теле ребенка на протяжении почти пятисот лет. Он ответил на некоторые из них.

Несколько часов спустя я позволила Измаилу дать мне шестое зернышко.



На биологии я всматривалась в Сид, чувствуя себя невероятно старой. Я извинилась перед ней, но она проигнорировала меня.

— Загладь свою вину, — сказала она, и я дала ей обещание.

Но я смотрела на нее, спрашивая себя, что она скажет и долго ли будет скучать по мне. Это будет так же, как если бы я умерла? Что все они скажут?

Мама говорила мне: то, что люди говорят о тебе после смерти, — твое единственное наследие. Тогда я не хотела этого слышать. Сейчас я хотела слышать это больше всего на свете.



В седьмую ночь — последнюю ночь — я пошла на кладбище. Проскользнуть туда в темноте было просто, как и всегда.

Измаил откуда-то узнал, паршивец, и уже дожидался меня там. Он стоял, прислонившись к маленькому гранитному обелиску в нескольких могилах от маминой. Ветер колыхал полы его пальто и кудри у него на виске.

Я остановилась, обхватив себя руками.

— Что не дает тебе покоя? — прошептал он.

Ночное небо будто подхватило его голос и осторожно донесло до меня.

— Она заслуживала того, чтобы жить вечно, — прошептала я в ответ, пытаясь не расплакаться.

Измаил долго молчал. А потом произнес всего одно слово:

— Заслуживала?

— Она не была злой, не была стервой, она всегда старалась помочь людям. Я совершенно не такая, так почему я, почему не она? Злость не должна быть ключом к бессмертию, ты, мудак. Разве не должно им быть сочувствие, доброта или что-то хорошее?

— Сети сказала бы, используй свою злость, чтобы исправить это. Измени мир, говорит она.

— А что ты говоришь, Измаил?

Он подошел ближе ко мне, молчаливый и серый на фоне ночного неба.

— Я говорю, что злость так же ценна, как и сочувствие, если творит искусство, подобное твоему.

Застонав, я сжала руки в кулаки. И так вдавила их себе в глаза, что увидела сверкание красных звезд.

— Сегодня, — произнес он, стоя уже слишком близко, и его слова были едва громче дыхания, —

сегодня последняя ночь. Если ты придешь ко мне, всё, что у меня есть, станет твоим. Если не придешь — больше никогда меня не увидишь. Хотя я не могу обещать, что не буду смотреть на твои творения, находясь где-то в этом мире.

Я открыла глаза, но его уже не было.



В прошлом сентябре, завернувшись в одеяло, которое мы стащили из больницы, мама сказала:

— Я живу благодаря тебе, малышка. — Она поежилась, опустила тонкие, как бумага, веки и откинулась на спинку каминного кресла. — Благодаря тому, что ты говоришь обо мне. Что ты помнишь обо мне.

— Это слишком тяжелое бремя! — закричала я — в прямом смысле закричала на нее. — Слишком большая ответственность. Мне всего семнадцать, мама.

— Ты несешь мир на своих плечах, — прошептала она, погружаясь в сон. — Вы все несете.

Ладно, я злилась.

Нет, я была в бешенстве, свернувшись калачиком возле надгробного камня мамы, подняв ноги и руками прижимая их к груди. Я стукалась лбом

о свои коленки с искаженным от напряжения лицом.

Мне до боли не хватало ее. Настоящей, физической боли. Что, если превращение в вампира сохранит и ее? Эта боль постоянно была со мной, всё время. Словно часть меня, внутри моих костей.

— Прыщи у тебя на лбу пройдут, а вот жир на животе останется, — сказала Сети в ответ на мой вопрос. Она посмеялась надо мной. — Магия сохраняет нас такими, какие мы есть, почти в идеальном нашем состоянии. Жаль, что ты думаешь, будто эта пухлая булочка неидеальна, но скоро ты научишься видеть иначе. Доверься крови, магии. Всё, что она оставит тебе, часть тебя.

А что, если я превращусь в вампира и эта боль уйдет? Словно это не часть меня? Что, если магия крови вынет ее из меня? Это будет даже хуже — лишиться ее.



Я медленно приоткрыла дверь галерейной квартиры и подтолкнула ее носком своего зимнего сапога. Измаил ждал у камина, облокотившись на него, словно фотомодель. Сети лежала на

кровати на животе, задрав ноги и медленно покачивая ими вперед-назад. При виде меня она расплылась в триумфальной улыбке.

Я спросила:

— А горе — оно как злость? Я заберу его с собой?

Измаил ответил:

— Подойди, и я покажу тебе, что на самом деле это всё лишь любовь.

Это *совершенно точно* была стихотворная строка, но я поверила и ей.

Создание мифов, или Как появляются дети-вампиры?
Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Как и для многих других сверхъестественных ночных существ, для вампиров существуют особые правила создания. Эти правила редко повторяются от истории к истории. В некоторых традициях всё что требуется — получить укус вампира, и, вуаля, ты уже кровососущий злодей! В других нужно обменяться с вампиром кровью, в третьих это делается с помощью проклятья, а есть и такие, в которых волк, перепрыгнувший через вашу могилу, заставит вас подняться из нее в качестве вампира. Большинство историй, с которыми мы знакомы, включают какой-то вид трансформации: из человека в вампира, из доброго в злого, из живого в нежить. Иногда у того, кто превращается, нет выбора. Что нам нравится в истории Тессы — это то, что выбор полностью лежит на героине, и ей приходится делать его не в одночасье, а на протяжении семи ночей.

Если бы у вас был выбор, вы бы хотели жить вечно?

Парни Кровавой реки
Ребекка Роанхорс

— Это всего лишь песня, Лукас, — произносит Навея тоном, полным презрения. — Никто не верит, что Парни Кровавой реки и вправду появятся, если спеть ее, — она стоит, прислонившись округлым бедром к старинному музыкальному автомату, что притулился в углу «Закусочной Лэндри», и водит ярко-голубым ногтем по списку песен, выбирая подходящую для вечерней уборки.

Опершись на швабру в моих руках, я наблюдаю за ней. Она такая уверенная. Так хорошо владеет своим телом. А я… нет. Я слишком худой, слишком нескладный, слишком высокий. Что-то среднее между птенцом и Слендерменом[2], как если бы Слендермен был шестнадцатилетним подростком с бугристым лицом и волосами, которые он никак не может уложить нормально, сколько бы геля на них ни мазал. Если бы Слендермен был ни капли не крутым.

---

[2] Примечания: 2

Он же Тонкий человек — персонаж, созданный участником интернет-форума Something Awful в 2009 году.

— Твой брат верит, — заявляю я.

Она качает головой.

— Честно, Брэндон последний из всех, кто хоть что-то знает об истории Кровавой реки, и тем более о Парнях.

Она бросает на меня быстрый взгляд и тут же его отводит. Я знаю, что она старается не смотреть мне в глаза, словно отсутствие зрительного контакта позволит ей и дальше не признавать, что мой левый глаз окружает наливающийся синяк. Словно если не смотреть на этот синяк, то его как будто и вовсе нет.

Но непринятие чего-то не заставляет это «что-то» исчезнуть. В большинстве случаев из-за этого всё становится только хуже.

— Ты не веришь в Парней, так ведь? — спрашивает меня Навея.

Навея работает в закусочной вместе со мной, и из всех окружающих она ближе всего к понятию «мой друг», но даже она мне не друг. Если быть честным. Она старше меня и почти окончила местный колледж, в то время как мне нужно еще год отучиться в старшей школе. Это если бы я собирался ходить на уроки. А меня вот-вот исключат. Навея умная, намного умнее меня. Но она ошибается насчет Парней.

— Брэндон определенно знал всё в деталях, — нервничая, возражаю я. Я не хочу, чтобы она разозлилась на меня. Она чуть ли не единственный человек в этом городе, кто хотя бы разговаривает со мной. Но она ошибается. Я это знаю. — Их побег, их убежище за старой шахтой, то, что они сделали, когда за ними пришли горожане.

— А что насчет песни? — спрашивает она, снова фокусируя взгляд на музыкальном автомате. — В это ты веришь?

— Нет. — Это была наименее правдоподобная часть. Но даже ответив «нет», я тут же жалею, что не сказал «да». — Но…

— Тссс… Вот мой микс. — Она давит на маленькую белую кнопку, и через пару секунд начинает играть песня. Однако не та, что я ожидал.

Из музыкального автомата вырывается медленный стон скрипки в сопровождении ритмичного постукивания по барабану из стиральной доски[3], а потом и банджо, мягкий перебор струн которого напоминает женский плач. Потом начинает петь мужчина:

«Я шагал вдоль реки, мне луна освещала

---

[3] Примечания: 3

Музыкальный инструмент, представляющий собой оригинальную стиральную доску или предмет с аналогичными свойствами, специально изготовленный для исполнения музыки.

дорогу,

Я догнал паренька, дружелюбен и мил был он очень...»

Навея нахмуривается.

— Это не та песня, которую я выбрала. — Она ударяет ладонью по боку автомата, но песня продолжает играть:

«Но под маскою ангела прятался демон жестокий,

Что лишил меня жизни той ночью».

— Это песня Парней Кровавой реки, — произношу я непривычно высоким от волнения голосом. — Та, о которой мы только что говорили! — Я никогда ее раньше не слышал, но это точно была она. Когда Лэндри успела добавить ее в автомат?

По позвоночнику у меня пробегает дрожь, когда скрипка присоединяется к мелодии в минорном ладе, и я не уверен, в музыке ли дело или в чем-то еще, но в зале как будто становится холоднее, а за тонкими оконными стеклами — еще темнее.

— Я ее не выбирала! — жалуется Навея. Она снова хлопает рукой по проигрывателю. — Сама заиграла. — Она бросает на меня подозрительный взгляд. — Если это какая-то дурацкая шутка,

Лукас…

«Он сказал мне: я с гневом рожден и в печали спеленут,

Получив, что положено мне, пировать буду кровью…

Урожай наш созрел, и пришли мы собрать нашу жатву».

— Я этого не делал! — протестую я, смеясь. — Это ты сделала. Если кто тут и играет, так это ты.

— Ну, тогда выключи ее! — В ее высоком голосе звучат нотки паники, и я понимаю, что она говорит серьезно. Я выпускаю из рук швабру, так что она со стуком падает на пол, в три быстрых шага подскакиваю к задней части музыкального автомата и нажимаю на кнопку экстренного выключения.

Несколько мгновений мне кажется, что он не отключится, словно мы оказались в каком-то в фильме ужасов и эта вещь живет сама по себе, но, конечно же, автомат вырубается, как ему и положено.

Наступает тишина. Свет за стойкой меркнет из-за скачка электричества, неоновая вывеска на окнах моргает, а потом напряжение восстанавливается с резким свистом. Откуда-то с улицы в

ночи доносится вой.

У меня по коже пробегают мурашки из-за накатившей волны страха. Мы с Навеей переглядываемся.

— Никогда больше не разрешим Брэндону рассказывать нам страшилки, — говорит она, нервно проводя ладонями вверх по рукам.

— Определенно, — рассеянно отвечаю я, вглядываясь в ночной мрак. Я не уверен, что именно и почему я там высматриваю. Просто такое чувство…

Навея вздрагивает, словно от холода.

— Я только что говорила тебе, что, если спеть эту песню, эти уроды тут же объявятся, и ты ее включаешь? Тебе не кажется, что это немного слишком?

— Я же сказал, это не я.

— Ну, кто-то же это сделал!

За окном мелькает тень. Там кто-то есть, на парковке. Наверно, енот или скунс. Но большой.

— Наверно, это Брэндон, — бормочет Навея.

— На парковке?

— Что? Нет. Наверно, это Брэндон установил эту песню. — Она выглядывает в большое переднее окно. — Что ты имел в виду, говоря «на парковке»?

— Ничего. Просто мне показалось, что я увидел животных в мусоре, — может, это был Брэндон. Ему вполне могла показаться очень веселой идея напугать нас до ужаса. И всё же. Как он мог установить ее заранее? И Лэндри никогда бы не согласилась на такое. Она очень настороженно относится ко всему, что касается музыкального автомата.

— Я хочу домой, — говорит Навея, засовывая руки в карманы толстовки. — Это всё уже слишком.

Я вздыхаю. Я тоже хочу домой. Ночь теперь выглядит очень мрачной, словно над нами кто-то подшутил, а мы не в курсе.

Она вытаскивает из кармана телефон, снимает блокировку и яростно что-то печатает.

— Где Брэндон? Так и знала, что надо было заставить его дождаться конца моей смены.

— Могу тебя подвезти, — даже говоря это, я внутренне содрогаюсь. Может, это уже слишком, слишком самоуверенно. Как я говорил, мы, в общем-то, не друзья.

Она поднимает на меня взгляд, и я вижу, как эмоции сменяют друг друга у нее на лице: удивление, подозрение, сомнение, пока, наконец, всё остальное не перекрывается ее желанием как

можно быстрее выбраться отсюда.

— Ладно, конечно. Почему нет.

Я улыбаюсь, испытав странное облегчение. Возможно, ее отказ на мое предложение подвезти задел бы меня сильнее, чем я готов признать. Дело не в том, что Навея нравится мне в этом плане. Мне ни одна девушка не нравится в этом плане. И она это знает. Но я городской лузер. Никто не хочет проводить слишком много времени с лузером. Это могло бы улучшить мою ситуацию.

Она наклоняется, поднимает швабру, которую я уронил, и протягивает мне. Я киваю на тряпку и брызгаю из бутылки на стойку.

— Будет быстрее, если ты поможешь.

Она неодобрительно фыркает, но перегибается через стойку, хватает средства для уборки и приступает к работе. Я начинаю мыть полы, и мы убираемся в тишине — никто из нас больше не хочет связываться с музыкальным автоматом. Но я не могу выбросить эту песню из головы, и прежде чем успеваю это понять, мы оба начинаем ее напевать.

Осознание приходит к нам обоим одновременно, и мы умолкаем. Никто из нас не поднимает взгляда, словно по молчаливому соглашению притворяться, будто ничего не произошло, но

ужас проникает мне под кожу, заставляя сердце биться быстрее обычного.

Примерно в полночь мы решаем, что постарались достаточно. Навея помогает мне убрать все средства, и у двери я пропускаю ее вперед, после чего запираю закусочную. Я останавливаюсь на парковке, выискивая глазами тень движения, которую видел ранее, но ничего не вижу. Говорю себе, что это наверняка был всего лишь енот, как я и подумал.

Мой старый автомобиль еле тащится по пустым улицам Кровавой реки. Я вообще бы отказался от машины, если бы у меня был выбор, но она была нужна мне, чтобы возить маму на еженедельные приемы к врачам в больницу в соседнем городке. По этой же причине я устроился на работу к Лэндри. Моя зарплата, если ее так вообще можно назвать, тратится на оплату этого куска металлолома, а всё, что остается, уходит на медицинские счета мамы.

Кровавая река — совсем небольшой городок. Примерно четыре квадратных мили размеченных улиц. Мы находимся в двух дюжинах миль от основной автомагистрали. Это один из тех городков, что были важны, когда здесь проходила железная дорога и были полны зернохранилища.

А сейчас, с автострадами федерального значения и самолетами, когда никто больше не выращивает зерно в таких количествах, люди сюда не приезжают. Кровавая река — то, что некоторые назвали бы умирающим городом. В смысле, здесь есть закусочная, футбольные игры старшей школы довольно популярны в пятничные вечера, а некоторые места пытаются завлечь туристов на речные сплавы и нахлыстовую рыбалку в близлежащей реке, но единственное, чем мы по-настоящему известны, что дало название этому месту, — это кровавая резня.

Что не пользуется особой популярностью у туристов.

Мы проезжаем старое кладбище и ползем по пустым улицам мимо заросших дворов и одноэтажных бунгало с облезающей краской на дощатых стенах. Я сворачиваю, где просит Навея, и мы подъезжаем к трейлеру на блоках и куче битых машин, как попало припаркованных на гравии.

— Мне сюда, — говорит она.

Я останавливаюсь. Мы почти не разговаривали по дороге.

Она открывает пассажирскую дверь. На потолке загорается маленькая лампочка, и я вижу ее

лицо. Ее кожа цвета белого персика, практически полная противоположность моей темной, а волосы выкрашены в блонд, темные у корней. Ногти у нее длинные и ярко-голубые, с маленькими стразами на кончиках. Она замирает, высунув одну ногу в голубых джинсах, в то время как всё остальное тело пока в машине. Она оглядывается на меня, прикусив нижнюю губу, широко распахнув светло-карие глаза.

— В чем дело? — настороженно спрашиваю я.

— Спасибо за то, что подвез, — говорит она. — Я знаю, что люди в городе делают тебе много дерьма, потому что ты…

— Индеец?

— Гей.

Мы оба краснеем от смущения. Тишина растягивается, словно еще один одинокий квартал этого свалочного города.

— Мне жаль, что так получилось с твоим глазом, — торопливо произносит она.

Мое сердцебиение учащается, но я морщусь, словно не понимаю.

— О чем ты?

— О том, что Джейсон Винтерс избивает тебя, что он и Тод Твинс постоянно избивают тебя. О том, что по этой причине ты не ходишь в школу.

Ну, поэтому и потому что твоя мама больна.

Я тупо таращусь на нее, желая, чтобы она на хрен заткнулась.

— Мне кажется, именно поэтому тебе так нравится история о Парнях Кровавой реки. Это как фантазия, верно? Идея о том, что эти Парни придут и спасут тебя от твоей дерьмовой жизни в этом дерьмовом городе.

Мое лицо вспыхивает, краска заливает и шею.

— Мой интерес к Парням Кровавой реки вообще никак с этим всем не связан, — с безразличным видом вру я. — Это просто хорошая история.

— Уверен?

— Абсолютно.

— Потому что я бы на твоем месте…

И я вижу, что она не собирается понимать намек.

— Доброй ночи, Навея, — говорю я, протягивая руку и открывая ее дверь еще чуть шире.

Она хмурится.

— Доброй ночи! — повторяю я.

Она откидывается на спинку и протягивает свою ладонь к моей. Я одергиваю руку. Это происходит на автомате, ничего личного, но ее рука зависает в воздухе. Свет над нашими головами отражается в стразах на ее ногтях. Она убирает

руку и говорит:

— Я пытаюсь быть доброй к тебе. Пытаюсь проявить сочувствие.

— Оставь себе, — грублю я, и уже в тот момент, когда эти слова вылетают у меня изо рта, я жалею о них. Но я не знаю, что она имеет в виду под сочувствием. Для меня оно попахивает жалостью белой девушки, а я не хочу, чтобы Навея меня жалела. Я бросаю многозначительный взгляд на ее трейлер, на развалюхи перед ним. «Ты ничем не лучше меня, — говорю я без слов. — Просто оглянись вокруг».

Ее лицо искажается, и внутри у меня всё опускается неподъемным грузом. Я веду себя, как полный придурок, и знаю это, но всё равно не возьму свои слова обратно.

Она кивает и выходит из машины. Закрывает дверь, и свет на потолке гаснет, погружая меня в темноту.

Стыд накрывает меня с головой, и я издаю стон, проводя рукой по лицу. Зачем я это сделал? Неудивительно, что у меня нет друзей. Неудивительно, что Джейсону Винтерсу нравится пинать меня в лицо. Я же ушлепок.

Я жду, когда она дойдет до двери, и, как только она исчезает внутри трейлера, отъезжаю под

звук скрипящего под шинами гравия. Я уже на полпути домой, когда, изо всех сил стараясь не думать о том, что сказала Навея, вдруг осознаю, что снова напеваю эту песню. Балладу о Парнях Кровавой реки.

Позднее, уже после того, как всё закончится, я буду спрашивать себя, могло ли всё получиться иначе, если бы я что-нибудь сказал. Извинился за то, что повел себя, как мудак, признался бы, чего я хотел и почему меня так интересовали эти Парни, рассказал о том, что чувствую из-за мамы и всего остального. Может, Навея бы что-нибудь ответила и какими-нибудь волшебными словами или теплым прикосновением изменила бы всё. Но я этого не сделал, она, соответственно, тоже, и всё пошло именно так, как уже случалось в нашем умирающем городке, названном в честь кровавой резни.



На следующее утро я обнаруживаю, что напеваю песню Парней Кровавой реки в душе. И позднее, пока варю яйца на завтрак. И снова, когда подготавливаю для мамы лекарства на день, раскладывая их в маленькие отдельные чашеч-

ки, чтобы ей не пришлось угадывать дозировку.

И я понимаю, что мне придется принять тяжелый факт. Навея, может, и не верит в Парней Кровавой реки, но я-то верю. Я верю в них всем своим сердцем. Сердцем, которое словно рассыпается в пыль в моей груди, сердцем, израненным настолько, что иногда мне кажется чудом, что оно вообще еще бьется.

Еще год назад, полагаю, мое сердце было достаточно нормальным для подростка моего возраста. Но потом мой двоюродный брат Уоллес умер от передозировки наркотиков, мой друг Роки переехал обратно к отцу, живущему в большом городе, и, как только начался учебный год, заболела мама. Поначалу никто не верил, что она тяжело больна, и я меньше всех, но к октябрю она уже постоянно ездила в больницу, а доктора давали ей всё меньше и меньше времени. А потом однажды вечером мама усадила меня после ужина, за которым ей было совсем плохо — она без конца кашляла и дышала со свистом, — и рассказала мне правду. Ей не становилось лучше. Если быть точнее, ей становилось всё хуже.

— Это последнее Рождество, которое мы проведем вместе, — сказала она без обиняков, просто как есть. — Тебе скоро исполнится восемнадцать.

Привыкай жить сам по себе.

Но дело в том, что я не хочу жить сам по себе. Некоторые хотели бы, я знаю. Они видят в этом независимость. Свободу. И не сказать, чтобы я не хотел когда-нибудь стать самостоятельным. Когда-нибудь, возможно. Просто не в этом году. В смысле, я уже потерял Уоллеса и Роки, а теперь еще и теряю маму. И мне кажется, что если я не буду осторожен, то следующим, кого я потеряю, буду я сам.



— Эй, Лэндри, — зову я, выкладывая бекон на гриль. — Когда ты добавила в автомат песню о Парнях Кровавой реки?

Лэндри работает с книгами в своем кабинете, но оставила дверь открытой, чтобы следить за тем, что происходит на кухне, а если быть точнее, за мной. Повар сообщил, что заболел, так что я в запарке пытаюсь в одиночку справиться с вечерней сменой на кухне. Закусочная такая маленькая, что я делаю понемногу всего. Уборка, готовка, обслуживание клиентов. Я не возражаю. Это значит, что в день зарплаты у меня в кармане окажется больше денег и я смогу купить больше

лекарств для мамы, а вкусы большинства людей здесь довольно просты. Пока я могу разбивать яйца и собирать бургеры, у меня всё в порядке.

— Какую песню? — отвечает Лэндри хриплым лаем, в который превратился ее голос за десятки лет курения сигарет. — Я не поменяла ни одной песни в этом ящике со времен, когда президентом был Рональд Рейган.

— Нет? — Я пожимаю плечами и беру следующий ожидающий чек. — Может, я ее просто никогда раньше не слышал. А значит, с автоматом что-то не так. Навея вчера вечером пыталась включить свою песню, а провода перемкнуло. Заиграла другая.

Лэндри неразборчиво хмыкает. Я готовлю заказ и, закончив, выставляю тарелку в окно, чтобы ее забрала официантка. Жму на звонок, и появляется улыбающаяся Фиона. Забирает блюдо и исчезает.

Поворачиваюсь, чтобы взяться за новый заказ, и едва не врезаюсь в Лэндри, чье лицо оказывается всего в нескольких дюймах от моего. Я вскрикиваю от неожиданности и отскакиваю на полмили назад.

— Боже, Лэндри, не подкрадывайся так ко мне!

Она пронизывает меня взглядом. Я вижу каж-

дую морщинку у нее на лице, выделения на левом глазу.

— Эта песня играла на этом автомате лишь раз — перед тем, как исчез парнишка Финли. Говорят, он сам ее накликал, и она пришла, — Лэндри сужает глаза. — Ты мечтал о том, чтобы услышать эту песню? — спрашивает она суровым тоном. — С парнями, которые поют эту песню, происходят дурные вещи.

— Нет, — отвечаю на автомате. — Я просто рассказал тебе, что случилось. Я… я не хочу, чтобы… — нервно потираю руки. — Я не пел эту песню.

Она смотрит на меня в упор еще несколько секунд.

— Ладно, — и снова скрывается в своем кабинете.

— Зачем оставлять ее в автомате, если не хочешь, чтобы ее кто-то пел, — бормочу я, и если даже она меня слышит, то никак на это не реагирует.



Я снова в смене, закрывающей кафе, и на этот раз Брэндон приезжает ко времени, когда нужно

забрать Навею.

— Она в туалете, — говорю я, открывая дверь, чтобы впустить его.

Он отвечает хмыканьем, которое может означать что угодно. Он вел себя нормально прошлым вечером, когда говорил о Парнях, но теперь делает вид, что меня тут нет. Как я и сказал, никто не хочет проводить слишком много времени с лузером. Но меня не отпускают слова Лэндри, так что я задаю вопрос.

— Ты слышал что-нибудь о Финли? — спрашиваю я, стараясь придать своему голосу безразличный тон.

Во рту у него жевательный табак, и он зыркает на меня, перемалывая его челюстью, словно корова, пережевывающая траву.

— Дрю Финли?

Я пожимаю плечами.

— Возможно.

— Все знают про Дрю Финли. Он жил здесь в восьмидесятых годах. Большая бейсбольная звезда. Все думали, что ему суждено играть в высших лигах. Но однажды ночью он, предположительно, вдруг слетел с катушек и убил мать, отца, двух сестер и младшего братишку. Ни его самого, ни его тела так и не нашли. Только его семью, обес-

кровленных. Понимаешь, что это значит?

Я кручу головой.

— Кто-то высосал из них всю кровь, — шепчет он.

— Как это случилось? — произношу я сиплым голосом.

— Кто знает? Но главный вопрос в том, что случилось с Дрю. Может, он сбежал, когда пришли убийцы, и порвал со своим прошлым. А может, его похитили. Никто не знает. — Он театрально распахивает глаза. — А почему ты вообще спросил про него?

— Да нипочему. Кое-кто упомянул его сегодня.

— Ага, ну, что бы там ни произошло, по крайней мере, он наконец выбрался из этого дерьмового города, так ведь? — Он хохочет над собственной грубой шуткой.

Навея выскакивает из туалета.

— Готов? — спрашивает она Брэндона, даже не взглянув в мою сторону. Полагаю, она не простила мне, что я был груб с ней вчера. Брэндон едва заметно кивает мне и выходит из закусочной вслед за сестрой.

Когда их машина уезжает, я снова запираю дверь.

В углу поблескивает музыкальный автомат.

Я подхожу к нему и всматриваюсь в список песен. Сердце грохочет у меня в груди, отдаваясь эхом в ушах, словно набатный колокол, но я думал об этом весь день. Мне нужно знать.

Моя догадка такова — не важно, какую кнопку я нажму, результат будет один. Так что я закрываю глаза и вытягиваю руку. Нажимаю на первую попавшуюся кнопку и жду.

Скрипка, ударные и банджо. А потом снова этот голос:

> *«Я шагал вдоль реки, мне луна освещала дорогу,*
>
> *Я догнал паренька, дружелюбен и мил был он очень…»*

На этот раз я слушаю. Всю песню. Когда она заканчивается, включаю ее снова, и на этот раз повторяю слова, чтобы запомнить строки, рифмы и ритм. И на третий раз я уже пою.

Я просто позволяю словам вылетать из горла, щекоча мне язык и огибая губы, и как только я начинаю, они текут потоком, словно сама Кровавая река — неукротимая сила, мощная и древняя. И я вкладываю в нее всё. Все свои чувства, связанные с одиночеством, несправедливостью буллинга со стороны Джейсона и его дружков,

приближающейся смертью мамы, страхом, пронизывающим каждую частичку моего тела. Свое рассыпающееся в пыль сердце. И позволяю всему этому выйти.

Когда песня заканчивается, я чувствую себя полностью выжатым. Доковыляв до ближайшей кабинки, падаю в ней. Мечтаю о стакане холодной воды, но я слишком изнурен, чтобы подняться и налить себе.

И я жду.

И… ничего не происходит.

Я жду тридцать минут, потом еще тридцать, но нет ни движений на парковке, ни затухания света, ни холодного ветерка. Здесь только я, страшные истории и мое убожество. Я прижимаюсь щекой к холодному пластику и позволяю слезам течь из глаз. Спустя какое-то время сажусь и вытираю слезы тряпкой для уборки.

Я встаю, чувствуя себя так, словно моим костям не меньше тысячи лет. Дохожу до машины. Еду по пустым улицам домой. Захожу проверить маму.

Я падаю на кровать, чувствуя себя точно так же, как в начале этого ужасного дня.



Он приходит на следующий день. Я снова в «Закусочной Лэндри». Уже поздно, до закрытия остается полчаса, когда я замечаю его. Он сидит в самой дальней от двери кабинке для четырех человек, возле музыкального автомата, где я вчера вечером рыдал, словно малое дитя. На нем черная ковбойская шляпа, которую я замечаю в первую очередь, и темная джинсовая куртка. Ботинки, обычные для этих мест, подняты на противоположное сиденье. Они тоже черные, и кожа отражает свет, из-за чего ботинки сияют.

Поля его шляпы опущены, пряча лицо, так что, подходя к нему, я вижу лишь кусочек бледной кожи и уголок легкой улыбки.

— Кухня закрывается через тридцать минут, — говорю я, останавливаясь перед ним. Сегодня я работаю за официанта, потому что у Навеи выходной. Я поднимаю блокнот для записей, приготовив ручку.

— Того, что мне надо, нет в меню, — произносит он, мягко растягивая слова. Приподнимает шляпу, показывая свое лицо, и я в изумлении втягиваю воздух. Если бы вы попросили меня описать его, я бы не смог. Кроме изгиба его губ, узкой полоски носа, резко очерченных скул. Это был эдакий идеал — всё, что я могу сказать.

— Вы снимаетесь для телевидения? — выпаливаю я. Потому что в Кровавой реке никогда еще не бывало парня, подобного ему.

Он смеется, и его смех тоже прекрасен, словно дуновение прохладного ветерка в первый осенний день или раскат грома в жаркую летнюю ночь.

— Неа, — отвечает он. — Не снимаюсь.

Я оглядываюсь через плечо, ожидая увидеть сам не знаю что. Свидетеля или скрытую камеру. Джейсон и близнецы пытаются меня разыграть.

— Ты звал меня, Лукас, — протягивает он. — Разве ты не помнишь? Звал моей песней и своим рассыпающимся в пыль сердцем. — Он раскидывает руки в стороны. — Ты звал всех нас.

Я снова оглядываюсь и вижу еще трех парней, идущих по проходу между столами, все чуть старше меня. На них ковбойская экипировка, шляпы и ботинки, потертый деним, за исключением одного, на котором надетая задом наперед бейсболка и джинсы оверсайз.

— Позволь представить моих братьев, — говорит он. — Это Джаспер, а рядом с ним Уиллис. Это Дрю. А я, — говорит он, качнув шляпой, — я Сайлас.

— И вы все… — Я не могу заставить себя спро-

сить. Я боюсь произносить это вслух, они же поднимут меня на смех. Или исчезнут.

— Есть что достойное в этом кабаке? — спрашивает Джаспер, барабаня пальцами по меню. У него низкий голос и какой-то акцент, который мне не удается распознать. Кожа у него того же оттенка, что и у меня, а из-под шляпы виднеются темные волосы.

— Куда бы мы ни пришли, меню мало чем отличается, — смеется Уиллис. Его кожа на тон темнее, чем у Джаспера, а под шляпой свисают тугие черные кудри. Голос высокий, нервный, а черные глаза бегают по залу.

— Что верно, то верно, брат, — с улыбкой произносит Сайлас. Он хлопает ладонью по столу. — Пойдемте куда-нибудь в другое место. — Он наклоняет голову: — Пойдешь с нами, Лукас? Давай разделим трапезу.

— Я? — спрашиваю я.

Парни смеются — ну, Джаспер и Уиллис. Третий парень, рыжеволосый, не произносит ни слова. Он как будто чем-то встревожен и трясет коленом под столиком.

— М-мне надо закрыть кафе, — заикаясь, произношу я.

— Тогда сделай это, — говорит он. — Мы подо-

ждем, чтобы поесть вместе с тобой.

Уиллис снова разражается хохотом, и рыжий качает головой, а я не понимаю, в чем шутка.

Потом они все встают и идут к выходу, вальяжно и грациозно, словно кошки. Я смотрю им вслед, убежденный, что это галлюцинации и я никогда их больше не увижу, после того как они исчезнут за дверью. Колокольчик над выходом звенит, когда они выскальзывают на улицу, один за другим. Последним выходит Сайлас, и он касается пальцами шляпы, глядя на меня, когда переступает порог.

Сердце колотится у меня в груди, и я не уверен, что мне следует делать дальше, но я знаю, что должен пойти с ними. Я знаю, что это рискованно. Я не знаю их, у них могут быть дурные намерения, но что-то говорит мне… нет, что-что внутри меня *знает*, что у них их нет. Что они именно те, кто, я думаю, и пришел, потому что я сам их позвал, и мне суждено пойти с ними, если я хочу снова быть в безопасности.

— Повар, — кричу я, обегая стойку и снимая фартук. — За мной приехали, — ору, надеясь, что он не вспомнит, что я вожу себя сам. — Мне надо идти.

— А как же уборка? — возмущенно спраши-

вает он.

— Не сегодня, — говорю я, улыбаясь. — Буду должен тебе.

— Ты мне должен уже не меньше пяти, — бормочет он, но я знаю, что он всё сделает. Несмотря на его протесты, я никогда не пристаю к нему с просьбами.

— Спасибо!

На минуту забегаю в туалет, чтобы взглянуть на себя в зеркало, отчаянно мечтая, чтобы мое лицо было каким-нибудь другим, не таким смуглым, не таким худощавым, не таким бугристым от прыщей, но потом вспоминаю слова Сайласа о том, что он пришел на зов моего сердца. Я поворачиваю вентиль, брызгаю водой на лицо и провожу влажной рукой по волосам, пытаясь их пригладить, а потом выбегаю из закусочной…

…и влетаю прямо в Джейсона Винтерса.

— Ух ты, — произносит он с притворным смехом, хватая меня за плечи. — Что за спешка, Лукас?

Я замираю. Я чувствую его руки, слишком горячие, давление его пальцев. Я окидываю парковку лихорадочным взглядом. Где Сайлас и остальные? Куда они пошли?

— Ты не видел… — начинаю я вопрос, а потом

вспоминаю, с кем говорю, и захлопываю рот.

Джейсон оглядывается через плечо, и теперь я вижу, что он не один. Близнецы Тод выбираются с заднего сиденья его синего пикапа «Шевроле», смеясь и направляясь к нам. У меня в горле встает комок. Нет, нет, нет. Только не сейчас.

— Слушайте, — говорю я — воспоминание о том, что где-то там меня ждет Сайлас, придает мне храбрости. — Вы можете набить мне морду в следующий раз. А сейчас мне нужно идти.

Джейсон указывает на закусочную за моим плечом.

— Там написано «Закусочная Лэндри» будет открыта еще двадцать минут. Мы с парнями хотим просто по-быстрому перекусить. Ты, конечно же, можешь нам с этим помочь. В смысле, это ведь твоя работа?

Подошедшие к нам близнецы, Тайлер и Трей, оба ржут, издавая тот самый гогот, которым они всегда смеются при Джейсоне. Словно иметь работу — это какая-то шутка.

— Повар всё еще там. Он вам поможет.

Он сжимает мои плечи еще крепче.

— Я хочу, чтобы *ты* нам помог.

То, как он это произносит, действует на меня даже сильнее, чем его пальцы, вцепившиеся в

мое тело. Он смотрит на меня своими светло-голубыми, как летнее небо, глазами и улыбается.

— Я…

— О боже, — восклицает один из двух близнецов, Тайлер или Трей. — Да он собирается тебя поцеловать.

Я не собирался. Конечно же, нет, но мое лицо всё равно вспыхивает. Я открываю рот, чтобы возразить, но не успеваю этого сделать.

Мне в живот прилетает кулак — да так быстро, что я не успеваю даже осознать, что он меня ударил, как тут же сгибаюсь пополам, хватая ртом воздух. Спустя мгновение прилетает второй удар — кулаком мне в скулу, чуть ниже еще не зажившего синяка под глазом, и у меня начинает звенеть в ушах. Я с грохотом падаю на гравий, и крошечные серые камешки впиваются мне в щеку.

Снова раздается хохот, и я обхватываю себя в ожидании удара ногой.

— У вас тут какие-то проблемы?

Я настолько охвачен собственным унижением, что не сразу узнаю этот голос. Перекатываю голову набок и поднимаю взгляд. Это Сайлас, в черных ботинках, куртке и шляпе, с той же легкой улыбкой.

Джейсон ухмыляется.

— Не твое дело, ковбой, — говорит он.

— Еще как мое. Лукас мой друг.

Все три старшеклассника громко смеются.

— Лузер Лукас? Ну, я знаю, что ты лжешь, потому что нет у него никаких друзей.

И он тут же пинает меня в живот. Этот удар не настолько болезненный, как мог бы быть, как бывало раньше, но его достаточно, чтобы заставить меня втянуть воздух.

— Я вроде как попросил тебя прекратить, — говорит Сайлас низким и тихим голосом.

— Или что? — взвинчивается Джейсон, расправляя свои плечи — плечи настоящего футболиста, что почти в два раза шире, чем у Сайласа с его худощавым телосложением.

— Или я тебя убью.

Я моргаю, думая, что мне это послышалось. Но Сайлас здесь, холодный, как вечерний воздух, и невозмутимый, словно он не угрожает, а просто сообщает факты.

У Джейсона и близнецов Тод падают челюсти, поначалу от шока, мне кажется, но потом они словно собираются рассмеяться. Из ночного мрака выныривают силуэты остальных Парней Кровавой реки. Джаспера, молча улыбающего-

ся, с руками в карманах. Уиллиса с горящими глазами, повторяющего «Вас убьем, вас убьем» с придыханием и пронзительным хихиканьем. И Дрю, который тащится далеко позади, повернув кепку козырьком вперед, так что большая часть его лица скрыта в тени.

Джейсон не дурак. Ну, по крайней мере, не настолько дурак. Он быстро прикидывает, обнаруживает, что тут четверо — пятеро, если считать меня, но я уверен, что он не считает, — против него и близнецов. Он поднимает руки.

— Ладно. Отлично. Нам не нужны проблемы. Мы просто приехали поесть.

— С этого дня ешьте где-нибудь в другом месте, — произносит Джаспер низким скрежещущим голосом.

— Эта закусочная закрыта… для вас, — вторит ему Сайлас. — Навсегда.

Джейсон опускает взгляд на меня, а я, должно быть, улыбаюсь, потому что его лицо темнеет, выражая ярость.

— Позже, лузер, — бормочет он, — когда твоих дружков-клоунов с родео не будет рядом. — После этого они с близнецами поспешно уносят ноги.

Я смеюсь, и мне плевать, что это заставляет его удаляющиеся плечи напрячься и что я определен-

но нарываюсь на еще более жестокое избиение, когда рядом не будет Сайласа, чтобы спасти меня. Это стоит того, чтобы увидеть, как Джейсон получает малую часть того унижения, которому он подвергает меня на постоянной основе.

Рука опускается, чтобы помочь мне подняться, и я ее принимаю. Ладонь Сайласа холодная и сухая — почти обжигающе ледяная. Кожа у него скользкая, как стекло, а плоть под ней твердая. Он поднимает меня на ноги, словно я вешу даже меньше, чем на самом деле.

— Ты в порядке? — спрашивает он, помогая мне отряхнуться. Я нервничаю из-за его рук на моем теле, но он ведет себя так, как будто ничего не замечает. Он кажется обеспокоенным, словно его на самом деле заботит то, что со мной случилось.

— Спасибо, — говорю я. — Ты меня спас. — Он и вправду меня спас, и больше, чем в одном смысле.

Он прикасается холодной ладонью к моей щеке, и наши взгляды впервые встречаются. Его глаза — водоворот цвета, они просто невозможные, как глубокие омуты, как детский калейдоскоп. У меня сбивается дыхание, ноги подкашиваются. Между нами что-то промелькивает, наэлектризованное, напряженное. Я покачиваюсь, он поддерживает

меня.

— Всё что угодно ради брата, — протягивает он, всё еще касаясь моего лица.

— Надо было убить их, — говорит Уиллис.

— Не сейчас, — тихо отзывается Сайлас через плечо.

— Он прав, — рычит Джаспер. — Сейчас нам надо поохотиться. Мне просто *необходимо* поохотиться. Прямо сейчас.

Я нахмуриваюсь:

— Что это значит?

— Ничего. — Сайлас улыбается мне, и я чувствую трепет в груди, словно мое сердце жаждет ответить ему такой же улыбкой. — Нам пора. — Он опускает руку и отступает назад. — Еще увидимся, Лукас. Поезжай домой. Позаботься о маме. Ты нужен ей.

— Откуда ты знаешь про мою маму?

— Ты сказал мне.

— Я не…

— До скорого.

И они уходят в ночь, исчезая в темноте, словно их тут никогда и не было. Мое лицо горит в месте удара, в животе ощущается тупая боль, но никогда в жизни я еще не был так счастлив. Уверен, я мог бы воспарить и долететь до дома. Но вместо

этого я сажусь в машину и еду домой, всю дорогу напевая эту песню.



Свернув на подъездную дорожку, замечаю фигуру на крыльце. У меня учащается пульс при мысли, что это может быть Сайлас, хотя я только что расстался с ним у закусочной, но это женщина. Средних лет, с уставшим видом, на плечах туго повязан кардиган, чтобы защититься от студеного осеннего ветра. Ее лицо кажется мне знакомым, но я не могу понять почему.

— Ты Лукас? — спрашивает она, как только я подхожу достаточно близко, чтобы услышать ее.

— Да. А вы кто? И что вы делаете у меня дома в полночь?

— Делия Дэй, прости, что я тут в такое время, — говорит она. — Я адвокат по защите прав пациентов и социальный работник из Городской больницы Беннета.

Так вот откуда я ее знаю. И может быть только одна причина, почему она здесь в этот ночной час.

— Моя мама? — спрашиваю я с комом в горле. — Моя мама в порядке?

— Боюсь, что нет, Лукас. Тебе лучше зайти в дом. — Ее голос добрый. Слишком добрый. Профессионалы говорят таким голосом, когда собираются сообщить дурные вести.

Я замираю, не в силах к ней приблизиться.

— Она в больнице? — спрашиваю я. Меня трясет. Когда меня начало трясти? — Можно мне ее увидеть?

Делия потирает руки.

— Почему бы тебе не зайти в дом? Мы можем поговорить об этом там.

И я понимаю. Именно тогда я понимаю, что именно она собирается сказать. И я не хочу это слышать, потому что, когда я услышу, это станет правдой.

Я шагаю обратно к машине. Делия окликает меня. Я отъезжаю от дома, возвращаясь обратно на дорогу. Не знаю, что я делаю, от чего убегаю, к чему убегаю. Я знаю только, что бегу.



Похороны проходят быстро. Мама была удочерена, и у нее не было ни братьев, ни сестер. Повзрослев, она потеряла связь с приемной семьей, а мой отец в нашей жизни никогда не

присутствовал, так что мы всегда были только вдвоем.

А теперь остался я один.

На похороны никто не приходит, кроме Делии из больницы и окружного инспектора, отдающего мне конверт, который я не хочу открывать, а также нескольких человек из церкви, которых я даже не знаю, но их присутствие кажется вполне уместным. Лэндри присылает соболезнования, но она в закусочной, занята работой.

Когда все уходят и остаюсь только я наедине со свежей могилой в вечерних сумерках, появляется он. На нем всё те же ботинки, всё тот же деним, всё та же шляпа, которую он держит в худощавых руках. Бриз игриво взъерошивает его черные волосы. Тот же бриз, от которого у меня на голове воронье гнездо.

— А где остальные? — спрашиваю я, стоит ему только приблизиться ко мне.

Он встает рядом со мной, глядя на могилу моей мамы.

— Я подумал, что будет правильнее, если здесь будем только мы с тобой.

Я оглядываюсь. Смотрю на его изящный нос, пухлые губы. У меня сбивается дыхание, и он улыбается.

— Парни иногда перебарщивают, — признается он. — Прости, если они напугали тебя.

— Они спасли меня, — торопливо отвечаю я. — Вы спасли меня.

— Джейсон Винтерс тебя больше не побеспокоит. — Он произносит это с такой уверенностью, что я почти ему верю. Но Джейсон издевался надо мной с четвертого класса. И он не прекратит всё это только потому, что ему так сказала пара ковбоев.

— Он просто дождется, пока вы уедете, — тихо говорю я с ощущением, что разочарую его этими словами.

Он смотрит на меня, прищурив глаза.

— Ты и вправду особенный, Лукас. — Его голос меланхоличен, даже слегка взволнован, но я не думаю, что он имел в виду что-то оскорбительное.

Мы стоим в тишине, пока я не говорю:

— Я теперь один.

— Необязательно.

Это именно то, что я мечтал услышать от него, но не смел даже надеяться. Мне хочется крикнуть ему, чтобы он увез меня прочь из этого города, от этой закусочной, этих гопников и моего пустого дома. Но вместо этого я спрашиваю:

— Что мне нужно сделать?

— Разделить трапезу.

— Что это значит?

Он опускает взгляд, хлопая себя шляпой по бедру.

— А что это может значить, по твоему мнению, Лукас?

Я закрываю глаза.

— Как? Как мне?..

Он быстро касается моего плеча.

— Мы позаботимся об этом. Просто будь сегодня в закусочной до закрытия. Приходи, если захочешь присоединиться к нам. Если не захочешь, мы не причиним вреда и уйдем своей дорогой.

— Уйдете? — спрашиваю я ошарашенно, у меня пересыхает во рту. — Вот так просто?

— Только если ты захочешь. Ты призвал нас, помнишь? А мы остаемся только там, где кому-то нужны.

Меня накрывает волна облегчения, вероломного и непрошеного. Не могу представить, чтобы Сайлас ушел. Что я буду делать? Куда я пойду? Что-то в нем дает мне ощущение безопасности, ощущение нужности. Ощущение, что я не одинок.

Ветер обдувает надгробия, разбрасывая листья.

Он надевает шляпу.

— Закусочная, — повторяет он. — Закрытие.

А после уходит.



Я въезжаю на парковку «Закусочной Лэндри» за четверть часа до полуночи. Свет уже приглушен, кафе выглядит закрытым, но внутри двигаются люди, так что я знаю, что там кто-то я есть. Я замечаю фигуру, притаившуюся у двери, и предполагаю, что это Сайлас, но, подойдя ближе, обнаруживаю, что это Дрю. У него в руках бейсбольная бита, и он лениво покачивает ею в ожидании. Я вспоминаю, как Брэндон говорил, что Финли был крутым игроком в бейсбол, и всё встает на свои места.

Дрю смотрит на меня долгим, тяжелым взглядом. Его бледная кожа кажется холодной в свете фонаря, темно-рыжие волосы зачесаны назад. В последний раз, когда я его видел, на нем была бейсбольная кепка, но сегодня он с непокрытой головой. Мне становится неуютно от его пристального взгляда.

— Почему? — вдруг спрашивает он, и это первый раз, когда я слышу, как он говорит.

Я пожимаю плечами, полностью уверенный, что понимаю, о чем он спрашивает.

— Как и все остальные, полагаю.

— У нас у всех разные причины. Джаспер сделал это из мести, я — потому что мы не стали чемпионами штата, и я решил, что хочу умереть, — он усмехается себе под нос, словно не в силах поверить, что был таким глупцом. — Уиллис слетел с катушек, когда убили его жену, а Сайлас…

— Почему тебе пришлось убить свою семью? — быстро спрашиваю я, прерывая его. Не уверен, что хочу знать, почему Сайлас это сделал. Что, если у него были на то ужасные причины? Причины более страшные, чем мечтать о семье и не хотеть оставаться одному.

Он моргает.

— Ты думаешь, я убил свою семью? Ради этого? — спрашивает он изумленно. Потом заходится пустым хриплым смехом. — «Пять мешков с кровью, один для каждого из вас и два для меня», — сказал мне Сайлас.

У меня по позвоночнику пробегает дрожь.

— Сайлас не сказал бы такого.

— Да что ты знаешь о Сайласе? — фыркает он. — Он так носится с тобой, не знаю почему, что делает тебя таким особенным, — он шумно

сглатывает, глядя перед собой и погружаясь в воспоминания. — Со мной он так не носился.

Я хмурюсь:

— В смысле?

Прежде чем он успевает ответить, к двери подходит Сайлас.

— Ты приехал, — он широко улыбается, словно я успел на его вечеринку как раз вовремя, — Заходи, — он тянет меня внутрь, вынуждая Дрю последовать за нами. Я слышу, как он запирает за мной дверь. Встревоженно оглядываюсь.

— Это чтобы нам не помешали, — говорит Сайлас, кладя руку мне на плечи. — Кажется, ты уже всех знаешь, — говорит он, обводя жестом закусочную. Дрю с битой, Уиллис и Джаспер сидят на стульях, облокотившись на стойку.

— Слушай, — говорю я ему, произнося твердым голосом слова, которые я тренировал в машине по дороге сюда. — Я знаю, что всё это значит. Кто вы такие, — поразмышляв над тем, что несколько мгновений назад сказал Дрю, я добавляю: — Не надо быть ко мне снисходительным.

Сайлас молчит, наклоняя голову набок, словно прислушиваясь.

Я торопливо продолжаю:

— Я всё понял. Ты сказал, что Джейсон больше

меня не побеспокоит, и еще до этого ты говорил, что убьешь его, если он еще хоть пальцем до меня дотронется. И я слышал те истории о резне. И о семье Дрю. — Я бросаю на него быстрый взгляд. Его лицо словно вырезано из камня, не выражает абсолютно ничего, и на секунду я начинаю сомневаться, может, я что-то неправильно понял, что меня могут принять за душевнобольного, но я всё равно выпаливаю: — И я хочу, чтобы вы знали, что я согласен. Согласен… разделить трапезу.

Сайлас ждет, чтобы быть уверенным, что я договорил, а потом расплывается в улыбке.

— Я знал, что ты приедешь, Лукас. Нет ничего страшного в том, чтобы быть снисходительным к тому, кто пережил немало бед. Для некоторых людей нужно облегчать переход к кормлению.

Кормление. Я поеживаюсь, сам того не желая. То, как он это произносит, каким-то образом делает всё более реальным. Но я говорю себе, что Джейсон это заслужил. Он был жесток со мной всю мою жизнь и наверняка убил бы меня, если бы подвернулся такой шанс, так что, возможно, я просто его опередил. И если это значит, что я останусь с Сайласом, с Парнями…

Уиллис и Джаспер встают, и передо мной открывается тело, лежащее на стойке.

Я ожидаю увидеть широкие плечи футболиста. Противные каштановые волосы. Напуганные голубые глаза.

Но вместо этого я вижу темные корни, мерцание стразов, широко распахнутые светло-карие глаза.

— Навея?

Я охаю и отшатываюсь назад, когда она издает стон, с мольбой глядя на меня. Уиллис проводит рукой по ее волосам, словно гладя собаку.

— Тссс, — произносит Сайлас, возвращая меня на место, его хватка больше похожа на тиски. — Ты вроде сказал, что готов.

— Не трогайте ее, — говорю я, оборачиваясь к нему. Я хватаю его за рубашку, упрашивая: — Я… я думал, ты имел в виду Джейсона. Или близнецов Тод. Только не…

Слова застревают у меня в горле.

Только не единственный человек в городе, кто был по-настоящему добр ко мне, только не Навея с ее муниципальным колледжем, трейлером и голубыми ногтями. Которая позволила мне довезти ее до дома. Которая пыталась помочь.

— Мы ее не тронем, Лукас. — Его голос тихий. Уверенный. И на мгновение у меня появляется надежда. — Это сделаешь ты.

У меня внутри всё падает. В ужасе мотаю головой.

— Если хочешь присоединиться к нам, придется разделить трапезу.

— Я знаю! Я здесь, разве нет? В закусочной.

— Это не та еда, которую мы едим, брат, — говорит Джаспер. Я оглядываюсь — он ковыряется в зубах, в своих клыках, длинным ногтем.

— Ты что, не догоняешь? — грубо вклинивается Дрю. — Или ты пьешь ее кровь и становишься одним из нас, или становишься донором крови вместе с ней. Она уже точно покойница, а ты в одном шаге от того, чтобы к ней присоединиться, если примешь неправильное решение. От нас тебе не скрыться.

— Дрю говорит правду, — произносит Джаспер глубоким голосом, похожим на ритм барабана в той песне. Песне, с которой всё это началось, когда я хотел лишь того, чтобы кто-то спас меня и я не остался один.

Я качаю головой:

— Нет, я не могу. Она мой друг. Кого-нибудь другого.

— Ты бы предпочел, чтобы ради тебя умер незнакомец? — спрашивает Сайлас. — Пусть лучше это будет друг. Разорви свои последние

связи. И тогда ты по-настоящему сможешь стать одним из нас.

— Я не… Я не хочу этого. — Но это ложь. Я хочу. Хочу так сильно, что меня трясет. Но Навея смотрит на меня, и она плачет, слезы катятся по ее носу, собираясь в лужу на стойке.

— Ты попросил нас прийти, — напоминает мне Сайлас, его теплая рука на моей спине, мягкое дыхание возле уха. Я чувствую его губы у себя на шее, их легчайшее касание, но от этого мое тело обдает таким жаром, что я едва не падаю на колени.

— Да он влюбился в тебя, Сайлас, — произносит Уиллис с понимающим смешком.

— Ну, что скажешь, Лукас? — спрашивает Сайлас. — Мы могли бы попировать, а потом мы с тобой уединились бы где-нибудь. — Его рука обхватывает меня за талию. — Тебе никогда больше не придется быть одному.

Это всё, чего я хочу. Потому что я не могу вернуться в тот дом, к благостным церковным блюдам, пустым комнатам, расставленным бутылькам с лекарствами и всему, что на следующей неделе придет требовать окружной инспектор.

— Я не хочу быть один, — шепчу.

— И не будешь, — отвечает Сайлас.

А потом включается музыкальный автомат, играет скрипка, и мужчина поет:

«Но под маскою ангела прятался демон жестокий…»

— Возьми то, что принадлежит тебе, Лукас, — говорит он. — И стань одним из нас.

Я делаю шаг вперед.

— Нет! — Между нами вдруг оказывается Дрю. Он замахивается своей бейсбольной битой на Сайласа — так быстро, что я едва успеваю проследить за его движением. Обрушившись на висок Сайласа, бита с треском разлетается на щепки. Сайлас падает.

— Беги! — кричит Дрю, и я делаю два поспешных шага к двери, пока мой мозг пытается понять, что происходит.

Джаспер бросается на Дрю, но рыжий уже готов — он выставляет вперед обломок бейсбольной биты, попадая прямо в грудь Джаспера. Джаспер рассыпается в пепел без единого звука.

— Беги, идиот! — снова кричит Дрю, в то время как Уиллис запрыгивает ему на спину и впивается страшными клыками в шею. Дрю вопит, кровь из его горла льется рекой, красной, как его волосы.

Навея вскакивает на ноги. Что бы ни держало ее обездвиженной на стойке, страх или какое-то заклинание, это «что-то» словно разрушилось, когда Джаспер превратился в пыль. Она хватает меня за руку и тащит к двери. Я, спотыкаясь, следую за ней, не в силах оторвать взгляда от Уиллиса, раздирающего горло Дрю. Дрю падает, его глаза закатываются, голова отваливается, словно у сломанной куклы.

Я кричу. Уиллис поворачивается ко мне — его лицо больше не похоже на лицо прекрасного сумасшедшего парня, это лицо монстра. Он делает шаг к нам, пока Навея отпирает дверь, мы перескакиваем через порог и выбегаем на парковку. Прежде чем он успевает последовать за нами, его останавливает чья-то рука.

Это Сайлас. Он потерял шляпу, его волосы слиплись от крови, но лицо его цело. Какой бы вред ни причинила бита, всё уже зажило. Он смотрит на меня, в глазах у него всё тот же водоворот масляной радуги, который я уже видел прежде.

Он что-то говорит Уиллису, тот закидывает голову назад и рычит — от этого звука трясется вся закусочная и дрожат стекла автомобиля у меня за спиной. Но он не идет за нами. Как и Сайлас. Он только наблюдает.

Я задеваю бампер своей машины. Моргаю. Не помню, как пересек парковку. Навея всхлипывает и кричит, чтобы я дал ей ключи. Я слышу песню, играющую на музыкальном автомате, дребезжащее завывание скрипки, просачивающееся сквозь дверь закусочной.

И я понимаю, что не хочу уезжать. Уехать — значит покинуть Сайласа. Если я сейчас уеду, знаю, что никогда его больше не увижу.

— Навея, — шепчу я, но она не слышит меня из-за собственного плача. Я повторяю громче: — Навея!

— Что?! — кричит она в ответ, задыхающаяся и напуганная.

— Я остаюсь, — поворачиваюсь, позволяя ей увидеть меня. Мое признание. Мое желание.

— Я остаюсь, — повторяю. — Но ты можешь ехать.

Я бросаю ей свои ключи. Она тянется за ними, но не успевает поймать, и они со звоном падают на землю. Рыдая, она лихорадочно ищет их у себя под ногами и, найдя, дергает дверь машины и садится на водительское сиденье. Я слышу, как она блокирует двери, потом запускает двигатель, и машина срывается с места, вылетая с парковки, — я едва успеваю отскочить в сторону.

Как только она уезжает, я переосмысливаю происходящее.

Но я здесь, а Сайлас там, по другую сторону стекла.

И я знаю, что должен сделать.

Он ждет, когда я подойду к нему.

Дрожащими руками открываю дверь. Тело Дрю всё так же лежит на полу у моих ног, а Уиллис воет, словно зверь, не сводя с меня взгляда. Но я твердым шагом подхожу к Сайласу, помня о том, что он мне сказал.

— Я хочу, чтобы вы ушли, — произношу почти шепотом. Даже для моих собственных ушей это звучит слишком жалко, так что я откашливаюсь и делаю вторую попытку. — Хочу, чтобы ты и твои парни ушли.

Сайлас наклоняет голову. Музыкальный автомат проигрывает следующий куплет. У меня разрывается сердце.

— Ты хочешь сказать, что нам здесь больше не рады?

Я киваю, хотя мне больно от этого.

— Хорошо.

Он наклоняется, чтобы поднять шляпу. Медленно надевает ее на голову.

— Всё, что тебе нужно было сделать, сказать

мне это, Лукас. — Он делает жест Уиллису, который нагибается и с нечеловеческой силой взволакивает тело Дрю себе на плечи. Сайлас открывает и придерживает дверь, пропуская Уиллиса. Сайлас поворачивается, чтобы пойти за ним, но оглядывается напоследок.

— Но ты должен мне за Джаспера, — произносит он, и его голос так холоден, как никогда прежде. — И однажды я приду забрать свой долг.

Я смотрю, как они уходят. Пока они не исчезают в темноте, пока ко мне не приходит уверенность, что на парковке абсолютно никого нет, даже енотов. А потом я падаю.



Следующим утром Лэндри находит меня на полу и читает мне лекцию о вреде алкоголя и злоупотребления им. Но мы оба знаем, что я не пью, так что она готовит мне стопку оладушек и наливает большую кружку кофе. К полудню приезжают рабочие, чтобы вывезти старый музыкальный автомат, и с этого момента мы ни разу не заговариваем о нем. Навея больше не появляется в закусочной, и несколько недель спустя Лэндри сообщает мне, что Навея переехала,

поступив в какой-то четырехгодичный колледж. Тела Джейсона и близнецов Тод выносит на берег реки через месяц, они обескровлены. Какое-то время ходят слухи о каких-то странных наркотиках, которые как будто появились на рынке, и эта история даже становится главной темой одного прайм-таймового детективного шоу: связь со смертями семьи Финли выглядит слишком странной, чтобы ее игнорировать. Конспирологические подкасты слетают с катушек. Они называют происшествие «Убийством в Кровавой реке», и на какое-то время это становится сенсацией, но люди не имеют ни малейшего понятия, что случилось. На самом деле.

Я порой напеваю мелодию, особенно когда повторяю материал к выпускным экзаменам или готовлю дом к продаже, но никогда не вкладываю в нее душу. Я решил наконец уехать из этого дерьмового города. Поеду в Даллас, или Денвер, или еще куда-нибудь. Попробую пробиться в жизни сам, посмотрю, что из этого получится.

Я задаюсь вопросом, придет ли Сайлас однажды забрать долг за смерть Джаспера, как он сказал. Я знаю — чтобы выяснить это, мне нужно всего лишь спеть для него песню и вложиться в нее. Но я не буду этого делать. Не сейчас. Я пока не готов.

И пока я жду, я буду мечтать о прекрасном черноволосом парне в ковбойской шляпе с цветным водоворотом в глазах.

Укусы и кровь, или Почему вампиры сосут?
Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Давайте признаем: вампиры — комары сверхъестественного мира. Они прячутся в темных местах, передвигаются совершенно незаметно и, когда вы меньше всего этого ожидаете, кусают вас. Кровососущие мифические существа появляются в сказаниях всего мира, от древней вавилонской богини Ламашту, поглощавшей кровь и плоть детей, до индийских сказок об оборотнях-ракшасах и веталах — наполовину людях, наполовину летучих мышах. Так почему же вампиры пьют кровь? Всё просто: кровь — это жизнь. Она необходима живым… и мертвым. Есть причина, по которой «договор, подписанный кровью», называется именно так. Как в земном мире, так и в магическом, кровь — это всё. В рассказе Ребекки Лукас должен принять участие в кровавом ритуале, чтобы стать одним из Парней Кровавой реки. Он должен сделать выбор и принести жестокую жертву. Чтобы стать

вампиром, Лукас должен отнять то, что ему не принадлежит.

А что вы могли бы принести в жертву, чтобы жить вечно?

Выпускной класс – отстой
Джули Мёрфи

Суитуотер, штат Техас, наиболее известен своими энергосберегающими ветряными турбинами, стоящими вдоль автомагистрали I-20 между Форт-Уэртом и Одессой. А также Фестивалем гремучих змей — это событие посвящено измерению, взвешиванию, доению, обезглавливанию и свежеванию змей. У нас даже есть конкурс на звание Мисс Заклинательница змей, где каждая участница должна, помимо прохождения привычных для конкурсов красоты испытаний, обезглавить змею. Тетя Джемма считает, что этот фестиваль неоправданно жесток, а мама говорит, что жестокость — единственный способ выжить в таком месте, как Суитуотер. В нашем маленьком городке не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

Кроме гремучих змей, на самом деле мы *должны* были бы быть известны тем, чего вы никогда о нас не узнаете, и на то есть одна простая причина: женщины моей семьи просто чертовски хороши в том, чем занимаются. Мы, по сути, как те люди,

что спасают мир, когда мир даже не знает о том, что его надо спасать. Ядерная война. Политические убийства. Враждебные пришельцы из космоса. Кто-то, работающий где-то над усилением защиты, чтобы спасти мир, пока остальные живут в блаженном неведении, уткнувшись в свои электронные гаджеты.

Дело, в котором так хороша моя семья, — убийство тех, о чьем существовании великие люди Суитуотера даже не знают. Бессмертных. Кровососов. Детей ночи. Вампиров.

Каждый год во время фестиваля мы видим кучу протестующих, кричащих об издевательствах над животными и вымирании гремучих змей. И это довольно неприятная ситуация, если задуматься. Гремучие змеи — маленькие твари, конечно же, но они ведь не выползают на наши улицы ночью, охотясь на людей, как некоторые вампиры, которых я встречала. Как насчет вымирания вампиров? Ну, это как название маминой любимой песни: «Сладкие мечты»[4]. Один вампир за раз.

Меня зовут Джолин Крэндалл, и я самая молодая из охотников на вампиров в Суитуотере,

---

[4] Примечания: 4

«Sweet Dreams (Are Made of This)» — песня британского поп-дуэта Eurythmics.

штат Техас. Когда мне было тринадцать лет, я поклялась своей жизнью защищать этот неприветливый городок. Пока вампиры чудесным образом не вымрут. Я могла бы посвятить этому вопросу всю оставшуюся жизнь, но в моей клятве не было ни слова о том, что я не могу стать участницей команды по чирлидингу. Берегись, Баффи.

— Готовы? Смелей! — кричу я в мегафон. — Хэй! Хэй! Мустанги! В бой! В бой! В бой! Повторяйте за мной!

Пусть это и банально, но я мало что люблю больше, чем выступать, выкладываясь на двести процентов, в поддержку команды морозной ноябрьской ночью под звездным техасским небом в каком-нибудь городе, где в эту ночь, в этот момент происходит самое важное событие за всю неделю. Короткие разлетающиеся юбки, хруст листьев у нас под ногами, безостановочное движение, чтобы отогнать холод. Эта исступленная энергия, которой мне бы хотелось наполнить бутылку в качестве напоминания на все те дни, когда единственное мое желание — сбежать из этого места и от этой жизни. Мама всегда говорит: чтобы по-настоящему что-то любить, надо это самую толику ненавидеть.

Позади меня команда выполняет построение,

я оставляю мегафон рядом с помпонами и отступаю назад, чтобы занять свое место в основании пирамиды.

— Хэй! Хэй! — снова кричу я, толпа вторит мне, оркестр отбивает ритм.

Я делаю выпад вперед, и Кэрили, миниатюрная белая девушка, встает на мои толстые рябые бедра. Один за другим чирлидеры поднимают ее всё выше и выше.

Я та, кого некоторые люди назвали бы мясистой или жирной. Мое тело не подтянутое и стройное, какого большинство людей ожидают от охотников-убийц. Я пышнотелая белая девушка с округлыми бедрами и почти полным отсутствием груди. Моя задница досталась мне от папы, а он свою унаследовал от мамы. Я этакая рама, из которой получается отличная база для пирамиды, и мой удар ногой с разворота — серьезное оружие. Как оказалось, охотникам на вампиров необязательно быть толстыми, худыми или какими-то еще, когда они способны отвесить солидного пинка.

Моя команда снова и снова повторяет кричалку, пока Кэрили не делает той-тач[5] и не

---

[5] Примечания: 5
Прыжок с максимальным разведением рук и ног в стороны.

приземляется на колыбель из рук.

— Мустанги, впереееееед! — кричим мы.

— Кажется, исход игры уже предрешен, — объявляет диктор через громкоговорители. — Очередная победа «Бульдогов» у себя дома.

Вся толпа на трибунах для болельщиков гостевой команды перед нами начинает стонать.

Пич, стоящая рядом со мной, громко выдыхает.

— Ну что в этом *такого* сложного? — кричит она на футбольную команду. — Что? Мы здесь выполняем смертельно опасные в прямом смысле трюки в воздухе, а ваша единственная задача — гонять мяч по полю. И всё!

Пич моя лучшая подруга — низкорослая кореянка с выкрашенными в блонд волосами и острым, как бритва, языком. В прошлом году она заявилась на фестиваль в костюме окровавленной змеи и кричала о жестоком обращении с животными всем, кто мог ее услышать, пока шериф не выдворил ее с территории. Она единственная, кто в курсе, что моя семья отличается от других. Правда, она не знает, в чем именно. Я обвиваю рукой ее плечо.

— Ну, зато мы всё еще самые совершенные существа в кампусе.

Она смеется.

— Ага. Безоговорочно!

Лэндри скрещивает руки на груди над эмблемой «Мустангов», нанесенной на его красно-белую форму чирлидера.

— Ага. Мне нравится мысль, что футбольная команда Суитуотера работает у нас на разогреве. Все знают, что эти помпоны — настоящие любимцы публики. — Он шлепает себя по обеим ягодицам, чтобы ни у кого не осталось вопросов, про какие именно помпоны он говорит.

Уэйд Томас, белый парень с накачанной грудью, оборачивается на нас со скамейки футбольной команды.

— Вы ведь знаете, что мы вас слышим, да? — говорит он.

— И это хорошо, — говорит Пич. — Всё, что вам всем нужно, чуть больше настоящих разговоров и чуть меньше людей, радостно дующих вам в попу.

Уэйд играет бицепсами и подмигивает.

— И этими губами ты целуешь свою маму, Пич?

— Всех, кроме тебя, — пропевает она.

На табло горит счет: «Гости: 11 Хозяева: 48». Только одно может наводить тоску еще сильнее — наблюдать, как тетя Джемма пытается пригото-

вить ужин изо всех остатков, что накопились из того, что мы заказывали на протяжении недели.

— Вы были близко, парни! — кричит кто-то из толпы.

Я закатываю глаза. Близко? Почему все так беспокоятся о том, чтобы наградить парней типа Уэйда за то, что они делают самый минимум? Хотите знать, кто и вправду был близко? Скитающаяся вампирша, ужином которой на прошлой неделе едва не стал этот самый Уэйд во время одиночной смены на заправочной станции его отца. Большой, сильный Уэйд, просидевший на скамье последние две недели, но чье эго по-прежнему размером с трактор. Ну, он и понятия не имел, как близок был к тому, чтобы стать очередным мешком с кровью.

Однако то, что я спасла Уэйда, нисколько не улучшило ситуацию, потому что я не убила эту странницу, а три дня спустя тетя Джемма обнаружила в пруду на окраине города троих водителей грузовиков с разодранными горлами.

— Так, вы все, загружаемся! — кричу я остальным членам своей команды.

— Принято, Кэп, — отвечает Лэндри, и несколько девчонок из команды-соперника свистят ему. Лэндри горячий. Горячий не только для захолу-

стья где-то в Техасе, а по-настоящему горячий. Это бисексуальный красавчик шести футов ростом с очень смуглой кожей и тугими и гладкими афрокосичками. От него не может отвести глаз весь мир, но он в последнее время не сводит глаз только с Пич — еще бы она это заметила.

Мы все собираем наши знаки, помпоны, спортивные сумки. Уже в автобусе я натягиваю под юбку треники и надеваю толстовку.

— Эй, Кэрили, — кричу я в темном автобусе. — Отличный той-тач!

— Да! — вторят мне еще несколько людей.

— Спасибо вам всем, — отвечает высокий голосок девятиклассницы с задней части автобуса.

Мисс Гарза устраивается в первом ряду со своей лампой для чтения и книгой, пока наш автобус громыхает по дороге.

Я сижу одна, а Пич и Лэндри — через проход от меня, оба пялятся в телефон Пич, на котором включено видео ее любимого бьюти-блогера с подробностями ее весьма неприятного и весьма публичного расставания.

Я никогда не узнаю, каково это — не подозревать о существовании вампиров и о необходимости их бояться, но в такие моменты, как этот, я ближе всего к блаженному неведению. В этом

автобусе я не отвечаю за жизни всех людей в радиусе десяти миль. В этом автобусе мы летим по дороге быстрее любого вампира. Я обожаю безопасность этого автобуса, когда мы едем домой поздно вечером после очередной выездной игры, и я могу ослабить бдительность.

Даже если бы я захотела уклониться от своих обязанностей в Суитуотере, моя анатомия мне бы этого не позволила. Вампиры запускают во мне какую-то реакцию. Мой внутренний свист, каким подзывают собак. Это как когда ты знаешь, что забыл что-то, но не знаешь, что именно, или как то чувство, когда ты просыпаешься среди ночи, понимая, что не написал работу, которую тебе завтра сдавать. Вся эта энергия накапливается внутри меня, и я не могу найти покой, пока не выпущу ее. Внезапно каждый обескураживающий час тренировок с мамой и тетей Джеммой перещелкивает внутри меня, и все остальные желания и заботы испаряются, оставляя во мне одну лишь цель: защитить Суитуотер.

Но здесь, в этом желтом школьном автобусе, несущемся по фермерским дорогам, это чувство исчезает. Ни единого кровососа в зоне видимости.

Никто не знает, что появилось первым: Дом

воскрешения неупокоенных душ или город Суитуотер. Или, возможно, город Суитуотер был основан группой неупокоенных душ. В любом случае правила просты: они не покидают территорию Дома воскрешения, и моя семья позволяет им продолжать использовать их чары для прикрытия в качестве Пятидесятнического приюта для молодежи на окраине города. Это не идеальный компромисс, но он успешно работал на протяжении более ста лет.

Мне нравится считать это место домом временного проживания или центром реабилитации для вампиров, где кровососы учатся контролировать себя и пить кровь из пакетов от частных доноров. Единственная проблема этого рехаба — туда приходят и уходят только три вида вампиров. Первые — это воспитанные вампиры, которые проходят через Суитуотер после успешного пребывания в Доме. Вторые — это вампиры, которые направляются в Дом и ищут последнюю живую, дышащую дозу. Третьи — это те, кто приходит в Дом воскрешения, но не находит покоя и выходит оттуда еще хуже, чем был.

Автобус грохочет по гравию на обочине, меня встряхивает, и я просыпаюсь, только в этот момент понимая, что всё это время я то и дело

погружалась в сон. Автобус останавливается.

— Похоже, это автобус группы поддержки из Суитуотера, — говорит мисс Родос, выглядывая в водительское окно и указывая на припаркованный впереди автобус с включенными аварийками.

Чувство накрывает меня, словно кирпичная стена. Адреналин. Что бы ни было в этом автобусе, ничего хорошего ждать не следует. И у меня такое чувство, что там все или мертвы, или бессмертны.

Мисс Гарза встает.

— Наверно, он сломался. Может, нам удастся избавить их от необходимости высылать еще один автобус.

Мисс Родос давит на рычаг, пневматическая дверь со скрипом поднимается, открывая непроглядную темень поля вдоль дороги.

Я вскакиваю на ноги.

— Подождите.

Вся команда смотрит на меня. Это не первый раз, когда я появляюсь в центре толпы, кричу «Стойте!» или пытаюсь как-то еще привлечь внимание. Если вы спросите горожан, люди даже расскажут вам, что женщины Крэндалл «исключительные в особом плане, но при этом и мухи

не обидят». (Предположительно.) Но в нас нет ничего исключительного, кроме того, что мы знаем о происходящем под носом у смертных больше, чем должен знать любой человек.

— Я, эм, пойду с вами, — в смысле, ну правда, что мисс Гарза будет делать при встрече с вампиром? Бросит ему в клыки свой любовный роман с разрывающимся корсажем на обложке? Ага, это вряд ли.

Мисс Гарза отмахивается от меня:

— Джо, оставайся в автобусе. Ты и вправду думаешь, я позволю ученикам выйти из автобуса на обочину дороги непонятно где? Нет уж, мэм!

Она сбегает вниз по ступенькам прежде, чем я успеваю ответить ей.

Я иду к передней двери автобуса и нависаю над ступеньками. На каждую выездную игру город отправляет один школьный автобус с болельщиками, на котором написано: «Группа поддержки». Чтобы поехать на этом автобусе, необязательно быть учеником школы. Черт, да для этого, наверно, даже не надо предъявлять документы. В конце концов, Суитуотер — такое место, где каждое лицо тебе знакомо. Так что, по сути, в этом автобусе может быть кто угодно и что угодно.

— Отойди назад. Ты слышала, что сказала учи-

тельница, — говорит мисс Родос.

— Да, да, да, — бормочу я. Будем надеяться, что я быстрее того, что ждет меня в этом автобусе.

Затаив дыхание, я смотрю, как она идет по обочине. Если бы мы только были чуть ближе, наши фары светили бы чуть дальше, и я смогла бы разглядеть, что, черт побери, там находится.

Слишком тихо. Есть одна вещь, характерная для людей: где есть люди, там есть шум. Вампиры, так как их жизнь растягивается на долгие промежутки времени, тоскуют по тому, что позволяет скоротать это время. Тишина. Темнота. Для людей же сила в количестве. *Намек, намек, мисс Гарза.*

Когда мисс Гарза стучит в дверь другого автобуса, я отключаюсь от всех звуков вокруг меня и сосредоточиваюсь на ней. *Не заходи в автобус, не заходи в автобус, не заходи в автобус.*

Она заходит в автобус. Конечно же, она заходит.

Да ладно, леди.

Я решаю сосчитать до десяти. Так поступают разумные люди. Они считают до десяти. Один, два, три, четыре — к чертям всё это. Я сбегаю по ступенькам вниз и мчусь к другому автобусу, ожидая найти милую, наивную мисс Гарза в луже ее собственной крови, а также склонившегося

над ее бездыханным телом вампира.

Я взбегаю по ступенькам, и мисс Гарза вскрикивает, потому что я застаю ее врасплох. Я тут же встаю перед ней.

Оглядываюсь вокруг, но… не вижу ни единой капли крови.

— Джо, я же просила тебя остаться внутри, — любезно, сквозь сжатые зубы выдавливает она, отталкивая меня локтем, чтобы пройти вперед.

— Я просто… — *пришла спасти вашу жизнь*, едва не говорю я, но потом вдруг замечаю, что автобус наполовину заполнен болельщиками «Мустангов», и большинство из лиц мне знакомо.

— О, хвала небесам! — говорит мистер Буффорд, спонсор автобуса группы поддержки. — Мисс Гарза предложила нам всем пересесть в автобус команды по чирлидингу. Включая тебя, Дейдра! — говорит он водителю.

Из задней части автобуса доносятся ликующие возгласы.

— Город отправит техпомощь завтра утром, — продолжает он. — А сейчас, пожалуйста, трижды проверьте свои личные вещи. Мы не будем возвращаться за чьими-то телефонами или рюкзаками.

Ну, теперь я чувствую себя просто до крайно-

сти неловко. Но всё равно не могу избавиться от своего ощущения. Я окидываю взглядом всех присутствующих, но здесь слишком темно, чтобы заметить кого-то постороннего.

Когда мы загружаемся в наш автобус, я сажусь на свое сиденье, и так как теперь нас намного больше, нам приходится рассаживаться по двое. Почти все пассажиры другого автобуса находят себе места, не вынуждая меня освободить кресло рядом с моим, пока мисс Гарза не восклицает:

— А, вот! Альма, ты можешь сесть рядом с Джолин.

Высокая худая девушка со слегка смугловатой кожей и шелковистыми черными волосами, заплетенными в рыбий хвост на половину длины, садится рядом со мной. Ее кожа касается моей, и я со свистом втягиваю воздух. Те же чары, что защищают от смертных Дом воскрешения, скрывают ее острые клыки за идеальной во всем остальном улыбкой. Еще один бонус моей работы: на меня не действуют чары.

Когда я была ребенком, рядом с городом была маленькая церковь, занимавшаяся укрощением змей. Ну, знаете, это такие придурки, считающие отличной идеей перебрасывать змей туда-сюда, чтобы показать, что бог защитит их от укусов.

Конечно, может, бог и существует, и, возможно, он действительно защищает людей, но я не думаю, что где-то в Библии говорится о защите идиотов. Однажды вечером мама и тетя Джемма отправились туда, чтобы оценить ситуацию, и я помню, как услышала их разговор, когда они сидели на кухне.

— Это был какой-то кошмар, — сказала мама. — Словно мы смотрели на толпу ничего не подозревающих людей, танцующих на краю обрыва.

И именно такое ощущение у меня прямо сейчас, в то время как мисс Гарза наклоняется к нам из прохода, а мисс Родос заводит двигатель.

— Джо, это Альма. Она только недавно приехала в Суитуотер. Я сама познакомилась с ней только вчера на четвертом уроке. Так ведь, Альма?

— Да, мэм, — любезно отвечает девушка.

— Добро пожаловать в Суитуотер, — произношу я, выплевывая каждый слог.

— Какой… теплый прием, — отзывается Альма. Мисс Гарза садится рядом с мистером Буффордом.

Когда мы трогаемся и шум дороги становится достаточно громким, чтобы заглушить наши голоса, я поворачиваюсь к ней:

— Я должна убить тебя.

Она смеется.

— Что, прости? — произносит она. — Где твои манеры?

— Ты меня слышала. — Она прикидывается скромницей, но на самом деле точно знает, кто я. Инстинкты, дарованные мне свыше, работают в обе стороны.

— Осмотрительность, — говорит она. — Разве это не один из столпов для вас, охотники? Я уверена, что, кого бы ты ни называла своим боссом, он не придет в восторг, узнав, что ты убила одну из нас в желтом школьном автобусе, набитом смертными.

— Ты из Дома воскрешения, — делаю я вывод. — Уезжаешь или только приехала?

— Откуда ты знаешь, что я не просто проезжала мимо? Может, я медленно прокладываю себе путь до Лос-Анджелеса?

Я усмехаюсь.

— Ага, в автобусе группы поддержки старшей школы Суитуотера?

Она раздраженно фыркает, откидываясь на спинку сиденья в такой совершенно человеческой и знакомой манере, что мне становится не по себе. Эта штучка привыкла быть человеком,

и у меня внутри всё сжимается от чувства вины, пока я размышляю, каким человеком она могла быть.

— А может, я просто соскучилась по жизни среди людей? Может, я просто хочу стать на один вечер обычным подростком? — Ее голос звучит так по-девичьи.

На мгновение между нами повисает тишина, прежде чем я издаю нервный смешок. Я не нервничаю из-за нее. С чего бы мне нервничать? Я никогда не нервничала из-за вампира.

И всё же я не думаю, что когда-либо обменивалась с вампиром больше, чем пятью словами. И определенно не с таким… прелестным. Я качаю головой. Прелестный вампир. *Ага, как же*.

Она смотрит на меня пронизывающим ясным взглядом.

— Ух ты, — сдерживая дыхание, говорит она, и выражение ее лица слегка меняется. — Ты и вправду думаешь, что мы все жадные до крови монстры? Не все из нас беснуются в городах, словно толпа парней-подростков в Интернете без родительского контроля.

— Но тебе же для жизни нужна человеческая кровь, так ведь? Так. Конец. Кроме того, ты явный нарушитель соглашения Дома воскрешения.

— Тебе ведь нужна еда, чтобы жить, верно? Но ты не крушишь каждый продуктовый магазин в зоне видимости. У тебя есть приемы пищи. Ты ешь *приготовленную еду*. Для того, чтобы поесть, необязательно впадать в беспамятство. — Ее голос дурманит. Даже очаровывает. Но мне всё равно приходится сдерживаться, чтобы не ударить ее.

— Ты не единственная, кто хочет быть обычной девочкой-подростком, — произношу я, и моя бдительность потихоньку ослабевает. Кроме того, я в любом случае не могу убить ее на глазах у всех этих людей.

— Поэтому большой страшный охотник оказался капитаном команды по чирлидингу в коротенькой юбчонке? Она просто хотела быть нормальной девочкой?

— Как ты поняла, что я капитан?

— От тебя пахнет превосходством, — говорит она.

— Серьезно? — Надо признать, я пока еще много чего не знаю о вампирах.

Она издает мелодичный смешок, откидывая голову назад и выставляя напоказ свою длинную шею, на которую надет пластиковый тату-чокер, подобный тем, что продаются в моллах. Я пом-

ню, как украла упаковку с такими из магазина Claire's, когда мы с Пич ездили на экскурсию в Даллас в средней школе.

— Не в буквальном смысле, — говорит она. — Но со стороны ты кажешься девушкой, которая либо возглавляет, либо вообще не участвует.

— Ух, — отвечаю я с искренним смехом. — Это даже слишком близко к правде.

— Ну, и к тому же у тебя на толстовке написано «Капитан».

Я опускаю взгляд на нашивку курсивом у себя над сердцем.

— Туше.

Она кладет руки себе на колени и закрывает глаза, становясь совершенно беззащитной.

Я ощущаю себя ученым-бихевиористом, и это мой единственный шанс *изучить* мой объект. Мимолетное мгновение.

— Можно задать тебе вопрос?

— Что будет, если я отвечу «нет»?

— Я всё равно спрошу.

— Конечно, спросишь, — говорит она.

— Сколько тебе на самом деле лет?

Она улыбается с закрытыми глазами.

— Что, если я скажу тебе, будто мне сотни — нет, тысячи лет? Получится отличная история,

правда?

— Ты так и не ответила на вопрос.

Ее улыбка тает.

— Моему телу навсегда семнадцать. Тем не менее мне уже восемнадцать лет и сто восемьдесят четыре дня. Ты разочарована?

— Ну так. Вампир это вампир это вампир[6].

— Охотник это охотник это охотник, — в ее голосе явно сквозит отвращение.

— Эй, я всё еще жива, — напоминаю я ей.

— Знаешь, я ведь тоже не просто проснулась однажды, решив стать вампиром. Меня вероломно лишили моей человеческой сущности. Я продолжаю жить так, как умею. — Она произносит это бесхитростно. Невинно.

Этого достаточно, чтобы на минуту заставить меня замолчать.

— Мне свою судьбу тоже особо выбирать не пришлось, знаешь ли. — И это правда. Хоть мне и неприятно признавать это, у нас с Альмой есть кое-что общее.

— Ты не кажешься особо расстроенной этим фактом. — Она вытягивает надо мной руку, и всё мое тело напрягается в защитной реакции. Я

---

[6] Примечания: 6

Отсылка к строке из стихотворения «Sacred Emily» американской писательницы Гертруды Стайн («Rose is a rose is a rose is a rose»).

хватаю ее за предплечье, готовая разорвать его надвое. — Спокойно, котенок. Просто открываю окно.

Моя хватка ослабевает, она давит на ручку окна, морозный ноябрьский ветер вихрем врывается внутрь, и спертый автобусный воздух мгновенно свежеет. Альма глубоко втягивает его.

Прядь волос, выбившаяся из хвоста, скачет у меня перед лицом, и Альма вытаскивает из своей косы невидимку. Одним точным движением она приглаживает мою прядь назад, быстро перекручивает пальцем и закрепляет заколкой.

— Так скажи мне, милый охотник, если ты так предана своему делу, своей судьбе, зачем тратить время на команду по чирлидингу?

Я дотрагиваюсь до своих волос, где только что была ее рука, и у меня не сразу получается подобрать слова.

— Я всегда буду охотником. Пока не умру. Но эти четыре года старшей школы будут в моей жизни лишь однажды. Я ответила на твой вопрос. Теперь моя очередь. Ты мне так и не ответила. Дом воскрешения для неупокоенных душ. Ты только приехала или уезжаешь?

Она вздыхает.

— Быть создателем — всё равно что быть роди-

телем. Стать им может каждый, но не каждому стоит это делать. Можно сказать, последний год был… учебным. Я услышала о Доме воскрешения и подумала, что, возможно, смогу найти здесь то, что ищу. А потом… — Она закрывает глаза и качает головой, словно понимая — то, что она собирается сказать, будет звучать странно. — А потом я увидела вашу школу и не смогла вспомнить, каково это — быть просто… подростком. Я отвлеклась. Но пусть твоя милая головка не волнуется, охотник. Следующая остановка: Дом воскрешения. Никаких промежуточных остановок. Клянусь честью девочки-скаута. — Она поднимает вверх три пальца, давая торжественное обещание.

Автобус сбрасывает скорость, когда мы въезжаем в город. Так как мы остановились забрать пассажиров из автобуса группы поддержки, футбольная команда уже давно разъехалась, и наша группа высаживается у школы последней. На парковке разрозненно стоят несколько машин.

— Никаких остановок, — говорю я Альме, не успевая хорошенько обдумать, стоит ли ее отпускать. — И будет лучше, если я тебя больше не увижу.

Она подмигивает мне, прежде чем выскочить

из автобуса.

— Никаких остановок.

Альма исчезает прежде, чем я успеваю хотя бы посмотреть, в какую сторону она направилась, чтобы удостовериться, что никто из остальных случайно не пересечется с ней по дороге. Я сижу на капоте своей машины, наблюдая, как все медленно расходятся, пока мисс Родос не отъезжает от школы, направляясь на парковку для автобусов. Мисс Гарза говорит мне, чтобы я ехала домой, но дольше всех задерживаются Пич и Лэндри. Мы обсуждаем все яркие моменты этого вечера, а потом Лэндри наконец достает ключи от своей машины и предлагает Пич подвезти ее. Пич бросает на меня вопросительный взгляд и заставляет дать честное слово, что я напишу ей, когда доберусь домой. Когда-нибудь она получит от меня все ответы, которых заслуживает, но сейчас я очень ценю, что она считает меня обычной девушкой, которая должна бояться мужчин в ночи и всего остального, на что можно натолкнуться в темноте.

Когда они уезжают, я жду еще несколько минут, пытаясь распознать хоть какой-то признак присутствия Альмы, прежде чем достать из рюкзака ключи и открыть машину.

Мне не следовало ее отпускать. У меня не выходят из головы те три тела, что нашли мама и тетя Джемма. Если бы я только была быстрее или сильнее, чем та вампирша, что едва не заполучила Уэйда, еще трое людей были бы живы.

Стоя спиной к погруженной во тьму парковке, я вдруг ощущаю дуновение ветра на шее, резко оборачиваюсь и обнаруживаю меньше чем в дюйме от себя Альму. Свободные пряди волос развеваются у нее перед лицом, задевая мои щеки. Одним быстрым движением я хватаю ее рукой за шею и разворачиваю, пригвождая к своему вишнево-красному «Доджу Неону».

— Я же велела тебе ехать в академию. Без остановок. — Дергаю ее вперед и снова толкаю на машину, чтобы придать своим словам больше выразительности. Потом протягиваю руку через открытое водительское окно за деревянным колышком, который всегда лежит у меня в подлокотнике двери.

— Я не выполняю ничьих указаний, — шипит она, спокойно обхватывая мое запястье. Теперь я вижу в ней вампира. В позиции ее тела, в его готовности к драке. Она проводит языком по клыкам. — Кроме того, у меня есть к тебе предложение.

Я приставляю заостренный конец колышка к месту над ее грудной клеткой — месту, которое я так хорошо знаю.

— Я не веду переговоров с вампирами.

Она сглатывает, и ее горло перекатывается под моей ладонью.

— Дай мне выпускной год. Всё, чего я хочу, — это выпускной год, которого у меня никогда не было. Как только я получу диплом и сойду со цены, я сразу уеду. А если нет, охота открыта.

Я пристально всматриваюсь в нее в поисках подвоха.

— Почему именно выпускной год? Выпускной год — отстой. У тебя впереди целая вечность, чтобы снова и снова проживать выпускной год. Почему в Суитуотере?

— А ты попробуй пожить вечность в качестве ученицы одиннадцатого класса. Бесконечно мечтая стать выпускницей[7]. — Она окидывает меня игривым взглядом, словно я вовсе и не собираюсь впихнуть кусок дерева в ее небьющееся сердце.

Ну, это и вправду звучит ужасно. Как мне кажется.

— Кроме того, мне нравится здесь. Мне нравят-

---

[7] Примечания: 7

В США двенадцатый класс школы — выпускной.

ся… люди.

Я еще крепче сжимаю ее горло, и от дискомфорта ее глаза впервые широко распахиваются.

— Когда я пройду через ворота Дома воскрешения, я знаю… я изменюсь. Всё изменится. Сейчас я еще пока чувствую себя человеком. Но когда я окажусь там… среди таких же, как я… я больше не буду прежней. Я хочу пережить это, пока еще могу оценить. И если я почую вампира, пересекшего черту, ты узнаешь об этом первой.

— Если ты тронешь хоть одного человека до выпускного, мое слово обнулится и больше не будет иметь силы.

Она закатывает глаза:

— Ладно.

— Где ты собираешься брать кровь?

— Там же, где брала последние полтора года. В банках крови.

В Суитуотере только один банк крови. Ей придется быть осмотрительной.

— Выпускной год, — повторяет она. — Это всё, чего я хочу.

Мне так много нужно обдумать. Мама. Тетя Джемма. Запасы крови. Другие вампиры, проходящие через город. Но у меня в ушах звенят слова Альмы: «Меня вероломно лишили моей

человеческой сущности. Я продолжаю жить так, как умею». Если бы рядом с Альмой оказался охотник, то сейчас она бы училась в обычном двенадцатом классе и понятия бы не имела ни о чем таком. Как Пич. Или как Лэндри.

Я убираю ладонь с ее горла и опускаю колышек. Всё ее тело расслабляется. Сжимая в одной руке колышек, я протягиваю другую, чтобы закрепить соглашение рукопожатием. У нас впереди тот еще цирк.

Альма берет меня за руку, но вместо того, чтобы пожать ее, тянет меня к себе, и наши губы оказываются так близко, что я могу попробовать на вкус ее вишневый блеск для губ.

— Давай лучше закрепим соглашение поцелуем.

Ее губы касаются моих, и через пару мгновений я бедрами снова вжимаю ее в машину, но уже по совершенно иным причинам, чем несколько минут назад. Ее руки обхватывают меня за талию и притягивают еще ближе.

Внутри меня бурлят эндорфины, словно конфеты-шипучки, брошенные в бутылку с колой, словно раздавшиеся точно ко времени аплодисменты в морозную ночь. Оказывается, целовать вампира может быть так же приятно, как и уби-

вать его.

Охотник, или Когда мы говорим «Вампир», вы говорите «Охотник»!

Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Как и у вампира, у охотника на вампиров было немало интерпретаций — от Ван Хельсинга до Баффи Саммерс и Блэйда. В то время как существует множество способов убить вампира, охотник — его человеческое отражение, противовес его сверхъестественной силе, скорости и чувствам. Охотник, избранный свыше или как-то иначе, изучает секреты вампиров и знает, как им помешать или воткнуть в них кол, что бы ни случилось. Они не всегда занимаются чирлидингом, но обычно это стройные (или очень мускулистые!), цисгендерные, физически крепкие люди. В рассказе Джули мы отправляемся в старшую школу, где полноватая девушка-охотник встречает свою пару — во всех смыслах. И это восхитительное напряжение между вампиром и охотником делает их отношения такими, ради которых можно и умереть!

А кто из этих избранных — вы? Вампир или охотник?

Парень и колокольчик
Хэйди Хэйлиг

Эта ночь ветреная, темная и холодная. Ветер так громко шелестит листьями, что Уилл едва не пропускает тихий звон колокольчика.

Такой неуместный звук для кладбища — по крайней мере, для поздней ночи. В ярком свете дня церковные колокола звонили в полдень или созывали прихожан на молитву… или сообщали о прибытии нового постояльца на кладбище. Но этот звук не похож на глубокий мелодичный перезвон медных колоколов. Он тихий, будто слегка капризный. Звук, которым подзывают слуг, — такой, что в прошлой жизни заставил бы Уилла вскочить.

Но теперь всё это уже позади.

Так что вместо этого он останавливается, нарочно замерев в глубокой тени под деревьями, окаймляющими одну сторону кладбища. Это непросто. Хотя его тело неподвижно, он не может остановить свое сердце. Чем дольше он ждет, тем выше риск быть пойманным — пойманным и уличенным в преступлении, с лопатой, тачкой и

мозолями на руках. Это особенно опасно сегодня, когда похороны еще только прошли — родственники могли поставить охрану, чтобы защитить могилу от похитителей трупов — таких, как он. Но лучше уж получить встречное обвинение от разгневанного горожанина — или даже быть побитым горюющим родственником, — чем отозваться на колокольчик.

Тинь-а-линь-динь, тинь-а-линь, тинь-а-линь. Запах свежевскопанной земли так силен, что в горле у него будто застрял ком грязи, а холод кладбищенского ветра дотягивается до его тела ледяными пальцами сквозь заношенные заплаты на куртке. Но когда он слышит звон колокольчика, какая-то его часть будто возвращается в большой дом на Вишневой улице. Шелест листьев так похож на шуршание его старых юбок, когда он бежит, а в звучании ветра он почти слышит высокий голос миссис Эстер, зовущей его по имени — по его старому имени. Имени, на которое он больше никогда не отзовется.

Сердце Уилла бешено колотится не только из-за страха быть обнаруженным.

Он кривит губы, скрипит зубами. Закидывает лопату себе на плечо. Наконец колокольчик перестает звонить. Когда звук стихает, голос миссис

Эстер тоже исчезает, и к Уиллу возвращается способность дышать.

Ветер срывает клочья пелены с серпа луны, заливающей кладбище серебром и заставляющей тени потускнеть. В ее свете сразу становится виден источник звука. Маленький медный колокольчик сверкает, словно крошечный маяк, венчающий деревянную подпорку, что возведена над свежим могильным холмом. К колокольчику привязана веревка, перекинутая через натяжной ролик и исчезающая в трубе, ведущей к гробу внизу.

Устройство выглядит странно, но Уилл узнает его. Это одно из приспособлений-новинок — «усовершенствованный погребальный модуль», предназначенный для того, чтобы привлечь внимание живых в случае, если несчастный обитатель гроба по ошибке был похоронен заживо. Уилл раньше видел их только нарисованными на меловых досках в университете, где он продает свой полуночный груз, чтобы получить возможность постоять в задней части амфитеатра во время препарирований. Последние несколько месяцев весь медицинский колледж был охвачен разговорами о погребенных заживо после серии трагедий в Пенсильвании.

В первом случае, о котором стало известно, пострадавшей была молодая девушка, подхватившая какой-то новый вид чахотки — она впала в летаргический сон и становилась все бледнее и бледнее, пока ее лихорадочный румянец не стал напоминать кровь на снегу. Когда сошел и он, а ее тело стало холодным, родители девушки похоронили ее в семейной усыпальнице. Их горе еще не утихло, когда ее младший брат впал в такое же состояние. Недели спустя, когда они открыли усыпальницу, чтобы положить его рядом с сестрой, она вылетела оттуда в диком гневе, с красными глазами и морщась от солнца.

Ее спасение называли чудом, но довольно быстро стало очевидно, что погребение заживо повредило ее разум. По крайней мере, семья могла позволить себе поместить ее в приют в Киркбрайде в Филадельфии, куда все богачи отправляли своих безумцев. И, конечно же, ее брат был избавлен от этой участи. Но ходили слухи, что для него без последствий тоже не обошлось — то ли из-за болезни, то ли из-за погребения его сестры. Он очнулся от забытья, но даже недели спустя страдал от потери аппетита и постоянной бессонницы — по крайней мере, так говорит его лечащий доктор, который дважды в месяц читает

лекции в колледже.

Между тем появились и другие слухи о погребениях заживо, и некоторые из них звучали настолько дико, что была очевидна их надуманность. Тело, растворившееся в дым, волк в саване, выпрыгивающий из открытой могилы. Сообщалось также о дюжинах гробов, оказавшихся пустыми, когда их выкопали с целью проверки, — но Уилл знает тому причину.

И всё же студенты и учителя то и дело делились историями о погребенных заживо за пивом или завтраком. Наиболее предприимчивые из них придумывали решения и готовили патенты, от стеклянных крышек и лопат, укладываемых в нижнюю часть гроба, до индивидуальных колокольных башен наподобие этой. Был даже чертеж кладовой с марципаном, сушеными фруктами, колбасами и бренди, а также полным набором посуды и приборов. Но только богачи могли позволить себе такие дорогие меры предосторожности. Гораздо дешевле было попросить друга отрезать тебе голову, прежде чем забить гвозди в гроб.

Конечно же, с учетом того, что остальная часть страны буквально сходила с ума по тому роману Стокера, от этой просьбы тоже могли припод-

няться брови далеко не у одного человека. Эта книга с замысловатым сюжетом, как и идея о существовании вампиров, — также бурно обсуждалась в университете, хотя студенты принимали эту тему намного менее серьезно, чем проблему погребения заживо.

Уилл понимает почему. Век подходит к концу, а вместе с ним умирает старый тип мышления. Существования. В ярком и бесперебойном свете электрических ламп суеверия превращаются в глупость, в пекле двигателя внутреннего сгорания ложные верования сгорают дотла. И под скальпелем и микроскопом человек оказывается намного ближе к животным, чем к ангелам. В секретных местах были обнаружены клетки, а не души. Смерть стала окончательной, нет такого понятия, как вечная жизнь. Образно говоря, погребение заживо вызывает гораздо больше эмоционального отклика, чем история о вампирах.

Тинь-а-линь, тинь-а-линь. Возобновившийся зов возвращает Уилла к реальности. Он сужает глаза. Звон слишком настойчив, чтобы быть ветром: в том гробу кто-то движется. Кто-то отчаянно желает выбраться. Но, несмотря на растущее любопытство Уилла, всё в нем протестует против

ответа. Его старая жизнь мертва и погребена, и он старался слишком сильно, потратил слишком много, зашел слишком далеко, чтобы вскакивать на звук колокольчика.

А впрочем, за спасение жизни может быть получена награда. Особенно если эта семья способна купить такой дорогостоящий гроб. А если у Уилла было бы немного больше денег, он смог бы позволить себе новое пальто, хорошую рубашку и пару брюк, на которых не будет столько пятен. От этой мысли сердце Уилла начинает биться чаще — ведь по одежде так часто судят о человеке.

А с новым костюмом — кто знает? Может, ему удастся занять сидячее место в лекционном зале — где-нибудь в первом ряду. Где Уилл сможет на самом деле видеть препарирование тел, а не затылки остальных парней. Где он сможет увидеть, как анатом раскрывает тайны, которые он так отчаянно хотел разрешить: как работают тела? И почему?

Кроме того, разве это не главная задача доктора? Спасать жизни?

И всё же Уилл никак не может заставить себя сдвинуться с места, пока колокольчик не затихает. Облака, словно шторы, закрывают луну, затенив путь от могил бедняков до зеленой впа-

дины рядом с церковью. Близость к Богу как возможность защитить место погребения — еще одна ценность, доступная только богачам. Свежая могила бугристым шрамом приподнимается в траве, и на нем эта маленькая колокольная башня возвышается над надгробным камнем: «Максвелл Таддеус Хоторн, 1880–1899, любимый сын».

В голове Уилла всплывает образ парня. Они встречались лишь однажды — если это можно было назвать встречей. Миссис Хоторн привела с собой сына, когда пришла навестить миссис Эстер. Максвелл мучил кошку, пока Уилл обслуживал двух женщин. Высокий зовущий голос миссис Эстер всё же был хуже, чем похвала миссис Хоторн — «Какая хорошая у вас девочка!» — но ненамного.

Тинь-а-линь, тинь-а-линь. Уилл намеренно переводит взгляд с колокольчика на надгробный камень. Он удивительно скромный для отпрыска семьи Хоторн — но, конечно же, это временный вариант. Эта часть кладбища заставлена искусно высеченными статуями — разбитыми колоннами рано прервавшихся жизней, рыдающими от нескончаемого горя ангелами, закрытыми урнами, символизирующими вечность. Что бы

ни было выбрано для могилы Максвелла, требовалось время, чтобы это высечь. Вернет ли каменщик плату, если обитатель могилы сам попросит его об этом?

Уилл подавляет смешок. Как будто Максвелл Таддеус Хоторн снизошел бы до того, чтобы самому поговорить с ремесленником!

Наконец звон прекращается. Уилл, хмыкнув, скидывает с плеча лопату и вонзает в землю острую стальную пластину. Могила свежая; земля мягкая. Это идеальная ночь для ограбления могил, темная и морозная, холод держит весь честной народ в домах, за опущенными занавесками. Он сдерживает и запах гнили. Вообще у Уилла крепкий желудок, но примерно каждый месяц его одолевает дурной гумор: скручивающие спазмы в животе, подтачивающие его энергию.

Сегодня влияние регул сказывается особенно сильно, и уже вскоре Уилл начинает потеть. И всё же, несмотря на медленное истечение в животе, кровь у него в венах шумит, когда он поднимает и переворачивает, поднимает и переворачивает. Он находит свой ритм в биении сердца. Он знает о невероятной силе этой мышцы размером с кулак, сжимающейся для того, чтобы качать кровь

по сосудистой системе, работающей в комплексе и разветвляющейся, как корни в земле. На любом препарировании больше всего его интересует именно сердце. Первый орган для развития — место души, — или как они там считают, те, кто верит в души. То, что говорит нам, чего мы хотим — кто мы есть.

Бьется ли сердце Максвелла так же сильно? Не от труда, а от страха? Накрывает ли его клаустрофобия наряду с ужасом от встречи со смертью? Как долго он уже ждет? Молится ли он, натягивая веревку? Богат он или нет, Уилл начинает испытывать жалость к парню в ящике, но всё равно прекращает копать каждый раз, когда колокольчик снова начинает звонить.

Уилл точно знает, в какой именно момент Максвелл Таддеус Хоторн слышит его: колокольчик начинает бряцать, как одержимый. И снова Уилл пользуется этой возможностью, чтобы перевести дух, приставив лопату к надгробию и уперевшись костяшками пальцев в поясницу. Наконец спазм проходит, колокольчик замолкает, и Уилл снова берется за лопату. Но едва не роняет ее, услышав голос у себя в ухе:

— Быстрее!

Уилл хватается за край могилы, чтобы не

упасть. Голос, который он слышит, доносится из воздушной трубки.

— Эй, ты там? Почему ты остановился?

Тон еще более повелителен, чем слова. Для того, кто был похоронен заживо, голос мистера Хоторна звучит скорее раздраженно, чем испуганно. Снова раздается звон колокольчика, и жалость в груди Уилла умирает. Он на мгновение задумывается о том, не оставить ли Максвелла Таддеуса Хоторна в могиле, чтобы остаток ночи тот пытался откопать себя сам. Но львиная доля работы уже проделана. Какой толк бросать ее сейчас со зла? Проглотив гордость — и напомнив себе о первом ряду в лекционном зале, — он прижимает губы к трубке и говорит:

— Эта трубка, кажется, очень узкая. Лучше поберегите воздух.

— Прошу прощения? — отвечает Максвелл Таддеус Хоторн тоном человека, который не привык что-либо экономить. — Этот гроб — лучший из существующих.

Уилл скривляет губы. Только богачи больше заботятся о том, какое впечатление их похороны произведут на публику, чем о самих похоронах. По крайней мере, он прекратил звонить в чертов колокольчик.

— Как бы там ни было, — ворчит Уилл, снова берясь за лопату, — он был сделан для поддержания жизни, а не для разговоров.

— Откуда ты знаешь?

— Я доктор, — отвечает Уилл. Это заявление само сорвалось у него с языка — больше надежда, чем правда. — Ну, или, если быть точнее, — добавляет он, — собираюсь им стать.

— Правда? — Голос, отдающийся эхом в трубке, звучит восторженно. — Так вот как ты меня нашел? Собирался украсть мой труп для занятий по анатомии?

Услышав это обвинение, Уилл мешкает. Вытаскивание тел технически не является незаконным — политики понимают, что это необходимый побочный эффект развития науки, и к тому же есть множество богатых докторов, способных платить им за то, чтобы они смотрели на этот вопрос иначе. Но эта практика дико непопулярна, особенно среди бедных, которые подвергаются наибольшему риску оказаться на столе для препарирования. Уилл и сам перевез в тележке множество бедняков с глиняных полей в амфитеатр — и смотрел, как их плоть уродовали, их тела выставляли для зрелищ, у каждого из них украли то единственное, что им когда-либо было гарантировано.

Естественно, мало кто из похитителей трупов достаточно смел, чтобы достать тело богача. Может, именно по этой причине угроза быть препарированным этому богачу показалась такой забавной? Это такое уморительное соприкосновение с реальностью бедняков? Готов ли он и дальше играть этот спектакль?

— Оценка жертвы погребения заживо будет гораздо более интересна студентам, — заявляет Уилл, продолжая копать.

— Оценка? — Восторг в голосе Максвелла испаряется. — Я не собираюсь позволять кому-то выставлять меня напоказ перед лекционным залом или без конца мелькать в газетах.

— Газеты прознают об этом в любом случае, — говорит Уилл — после шумихи вокруг похорон члена высшего общества скрыть чудесное воскрешение будет довольно сложно.

Голос в трубке категорично произносит:

— Не от тебя.

Лопата Уилла с глухим скрежетом задевает крышку гроба — а вот и приз наконец. Но он колеблется, живот скручивает от спазма. Ответ Максвелла звучит почти как угроза. Проносится порыв ветра. В темноте раздается крик совы.

— Ты, конечно же, понимаешь важность осмот-

рительности, — добавляет затем Максвелл, тон его голоса снова меняется. Теперь в нем слышатся отчаяние — и обещание. — Ты можешь представить себя выставленным напоказ? Чтобы люди глазели на тебя и тыкали в тебя пальцем? Чтобы в разговорах едва могли скрыть за любезностью горящее в их глазах любопытство?

У Уилла снова всё сжимается внутри — но не от гумора, а от сочувствующего страха.

— Могу.

— Я сделаю так, чтобы твое молчание того стоило, — с жаром отзывается его голос. Но бледные пальцы Максвелла уже пробиваются, словно черви, через трещину в деревянной крышке гроба. — Только вытащи меня отсюда!

Уилл бросает лопату на траву и опускается на колени в яме, чтобы помочь расколоть крышку гроба. Он действует аккуратнее, чем обычно, но Максвелл всё равно в испуге отодвигается от расщепляющихся краев досок — от комьев земли, падающих в щербатую расщелину.

Управляясь с другим ночным товаром, Уилл привык протягивать веревку под плечами трупа и вытаскивать тело через дыру. Но Максвелл может выбраться сам, когда отверстие становится достаточно велико для него. Он с опаской выле-

зает и стряхивает пыль с лацкана.

— Почему ты так долго возился? — требует ответа парень с гораздо меньшей благодарностью, чем Уилл надеялся, но примерно такой же, какой он ожидал. В тесном пространстве узкой ямы его близость нервирует — или, возможно, всё дело в очевидной разнице между ними. Максвелл, конечно же, выше. И один только его погребальный костюм стоит как целый год в колледже, в то время как заношенный фланелевый костюм Уилла был куплен за доллар в секонд-хенде, да и это было до того, как он извозил его в грязи с головы до ног.

Уилл упирается ладонями в края могилы, выталкивает свое тело вверх и выбирается из нее. Он чувствует себя лучше, глядя на другого парня сверху вниз.

— Я вытащил тебя так быстро, как смог, — говорит он, а живот снова скручивает спазм. — Это изнурительный труд.

Максвелл скривляет губы при слове «труд». В этот же момент на небе снова проглядывает луна, и зубы парня сияют в ее свете, влажные и белые. В этой усмешке есть что-то отталкивающее, в то время как его бледное лицо слишком красиво. Оно словно высечено из мрамора — как у статуй,

которыми заставлен церковный двор.

— Надо было привести помощь, — говорит Максвелл.

— Мне показалось, вы предпочитаете осмотрительность, — напоминает ему Уилл. Это лучше, чем уточнять, что помощь стоит денег. — В моем деле она очень важна.

— Не сомневаюсь. — С презрительным взглядом Максвелл выставляет вперед гладкую, без единого мозоля ладонь. — Вытащи меня из этой ямы.

Уилл приподнимает бровь. Но если он откажется вести себя как лакей, Максвелл наверняка запомнит его нахальство, а не вмешательство. Стиснув зубы, Уилл берет парня за руку. И тут же, вздрогнув, одергивает ее.

— Вы холодный, как смерть!

Лицо Максвелла на мгновение ожесточается.

— Ничего удивительного. Я же пролежал в этом ящике несколько часов.

Парень снова нетерпеливо протягивает руку, но Уилл колеблется. Он вытащил достаточно трупов, чтобы прикосновение склизкой плоти показалось ему слишком знакомым. Так что на этот раз, взяв Максвелла за руку, он не пытается вытянуть его из могилы. Вместо этого он прижи-

мает два пальца к бело-голубому запястью.

— Это еще что такое? — восклицает Максвелл, пытаясь отстраниться, но руки Уилла сильны благодаря постоянному копанию. Он щупает и давит, ищет, но не находит. — Что ты делаешь?

— Проверяю ваш пульс.

Максвелл одергивает руку, но уже слишком поздно. Оценка Уилла, может, и весьма поверхностна, но диагноз вполне выстраивается — бледная кожа, яркие зубы, явное отсутствие пульса. Недавний наплыв погребений заживо — но нет. Эти тела всё же были мертвы.

Разум Уилла мечется — не из-за цены усовершенствованных погребальных модулей и не от мысли о месте в первом ряду лекционного зала, а из-за воспоминаний о пронзительном смехе студентов на препарировании на прошлой неделе. Труп пришел в двух мешках, а не одном, как обычно, и при поднятии головы с целью показать мышцы горла на стол упала целая головка чеснока. Страх и фольклор подходят романистам, а не врачам. Или, по крайней мере, Уилл так думал, прежде чем его руки обхватили безжизненное запястье Максвелла.

А если миф о вампирах — правда, что дальше? Внутри клетки есть душа? Существует Бог, кото-

рый слышит звон церковных колоколов?

Сердце самого Уилла колотится так громко, словно он слушает его через стетоскоп. Он смотрит на парня в могиле, пытаясь побороть импульсивное желание вытереть руки о свое грязное пальто.

— Кто ты?

— Я мог бы задать тебе тот же вопрос. — Максвелл приподнимает бровь, и на лице у него снова играет та же ухмылка. Его зубы кажутся слишком длинными. И дело не в усохших деснах трупа, а в длинных и заостренных, как у хищника, клыках.

— Я более чем уверен, что колледж не разрешает заниматься медициной *женщинам*.

При звуке этого слова у Уилла широко распахиваются глаза. Внутри у него всё переворачивается из-за этой неправоты. Его снова отвергают.

— Я не женщина, — выдавливает он сквозь сжатые зубы, но Максвелл лишь усмехается.

— Я чую этот запах, знаешь ли. Крови. — Максвелл пожимает плечами, в то время как живот Уилла снова скручивает спазм. — Кажется, осмотрительность даже больше выгодна тебе, чем мне.

Тинь-а-линь-тинь — ветер раскачивает колокольчик, и шелест листьев звучит, как шуршание

юбок. Или это только эхо в голове Уилла? И теперь вместо первого ряда Уилл видит себя на столе в лекционном зале, его тело — объект изучения, а остальные парни пялятся и показывают на него.

— Ты не сможешь никому рассказать, — говорит он, и хотя его обдувают порывы ветра, ему кажется, будто это он оказался в гробу, где заканчивается воздух.

– *Не смогу*? — Максвелл наклоняет голову, словно никогда раньше в своей жизни не слышал таких слов. — Возможно, не расскажу. Может быть, полезно знать какого-нибудь доктора.

Тон его голоса раздражает — то, как он размахивает этим словом над головой Уилла. *Возможно*. Миссис Эстер всегда делала то же самое. «Возможно, ты поспишь после вечеринки; возможно, мы купим тебе новое платье на Рождество; возможно, ты поешь, после того как гости уйдут». Звучит так, будто он торгуется — но чего именно хочет Максвелл? Уилл не читал книгу Стокера, но слышал о ней достаточно, чтобы знать, что этому парню болезни уже не страшны.

— Для чего?

— Чтобы есть, — напрямик отвечает Максвелл. — Мне нужно есть, девушка.

— Меня зовут Уилл. — Его голос рычит — он

выплевывает собственное имя сквозь зубы. — И если ты думаешь, что будешь пить мою кровь, ты сильно ошибаешься.

— Твою кровь? — Максвелл пожимает плечами. — Я предпочитаю что-нибудь почище. Поизысканнее. Приют для безумцев в Киркбрайде, например. Место чистое, кровь голубая. И никто не поверит никаким… жалобам.

— Я не планирую работать с сумасшедшими, — отвечает Уилл, но Максвелл только улыбается.

— Поменяй свои планы, — произносит Максвелл будничным тоном. — Или рискни быть запертым вместе с ними из-за твоего помутившегося сознания. И кто знает? Мне говорили, что такие, как я, могут менять облик. Летучие мыши. Волки. Туман. Конечно же, обличье мужчины тоже досягаемо. Возможно, если ты хорошо послужишь мне, то получишь тело, о котором так мечтаешь.

Возможно. Это слово отзывается эхом в голове Уилла, в то время как Максвелл снова протягивает руку, и Уиллу сложно сказать, делает ли он это, чтобы выбраться из могилы или чтобы закрепить рукопожатием сделку с дьяволом. Молодой доктор уже имел дело с вытекающими жирами, гниющими органами, длинными

волосами, лохматыми клочьями, свисавшими с разлагающихся скальпов, но всему его существу омерзительно касание руки Максвелла. К черту деньги — к черту костюм — к черту первый ряд в лекционном зале.

— У меня тело мужчины, — говорит он. — А ты вытаскивай себя из этой чертовой ямы сам.

Уилл отступает назад, но рука Максвелла вытягивается быстрее, чем он успевает моргнуть. Наманикюренные ногти впиваются в плоть лодыжки Уилла; его бедро щелкает, когда богатый парень дергает его вниз, наполовину затаскивая в яму. Уилл пинает его и вскарабкивается обратно на край могилы, в то время как земляной дождь с глухим стуком осыпает крышку пустого гроба.

— Тело мужчины? В твоей тачке, возможно. — Максвелл вонзает бледные пальцы в почву, выползая из ямы, словно паук. Уилл делает шаг назад и падает, зацепившись ногой за свою лопату. Боль простреливает его спину, когда копчик ударяется о землю. Максвелл ползет к нему, и его глаза горят красным в свете луны.

— Ты состригла волосы и надела драные брюки, но меня тебе не провести. Под грязью и потом твоя кровь пахнет, точно как…

Конец предложения утопает в клокоте, когда

Уилл вонзает пластину лопаты в бледное горло парня. Максвелл вскидывает руки к ране, падая обратно в собственную могилу, — эти мягкие, безупречные руки теперь покрыты крупными сгустками почерневшей крови.

Ничто живое не истекает такой кровью.

Взрычав, Уилл снова всаживает лопату в его шею — один раз, два, три, — пока голова наконец не отделяется от тела. Прямо как в книге Стокера. Когда труп наконец падает замертво, грудь Уилла тяжело вздымается. Слышал ли кто-нибудь крики? Или видел, как Уилл лопатой отрезает голову богачу? Он размышляет о бегстве, но потом снова поднимается ветер. *Тинь-а-линь, тинь-а-линь*.

Уилл не побежит на звон колокольчика.

И это тело определенно будет интересно университету.

Так что, несмотря на страх, пронизывающий его позвоночник, и спазмы, скручивающие живот, Уилл снова спускается в могилу, чтобы обвязать веревкой плечи трупа. Он вытаскивает тело из ямы и засовывает в мешок, а потом тащит до тележки, которую он оставил среди деревьев. Ему приходится идти второй раз — за головой. Подняв ее за волосы, Уилл оценивает алебастровые щеки — теперь еще более скульп-

турные в своей неподвижности — и белые зубы, напоминающие собачьи клыки. Как там говорилось в романе Стокера? Всего один укус может распространить инфекцию, превращая живого человека в вампира.

Уилл оценивает зубы, размышляя над подобной трансформацией.

Но, стоя там, он может чувствовать биение своего сердца — этого мощного органа, с местом для души в его центре. То, что говорит ему, кто он есть на самом деле.

Мужчина. И доктор. И его цель — спасать жизни, а не высасывать их досуха.

Так что он кладет голову в сумку и закидывает на тележку. Тяжело дыша, он везет свой приз в университет, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться — чтобы убедиться, что колокольчик звонит только у него в голове.

Тинь-а-линь-динь, тинь-а-линь, тинь-а-линь.

Традиции погребения, или Почему люди не проверяли трижды мертвые тела перед тем, как закрыть гроб?

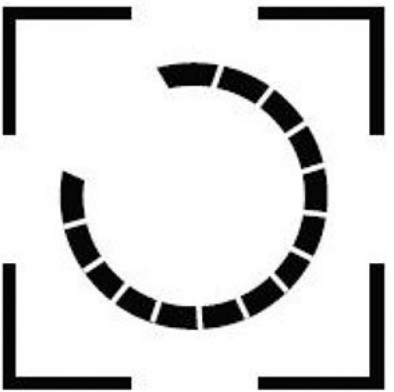
Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Существует так много старинных суеверий, как убедиться, что покойник в могиле не станет вампиром! Например, можно похоронить его лицом вниз, засунуть в рот зубчик чеснока, пригвоздить к земле колом или даже отделить голову от тела. Речь идет об *исключительных* случаях погребения. Но викторианцы подняли эти традиции на совершенно новый уровень. В некоторых случаях они хоронили своих любимых с колокольчиком в руке и трубкой, которая тянулась вниз к гробу, так что если бы погребенный человек очнулся, он смог бы позвонить в колокольчик, зовя на помощь. Справедливости ради стоит отметить, что у них и вправду была маленькая (крошечная) проблема с погребением людей, которые, *как они думали*, были мертвы, но на самом деле всё еще были чуточку живы. У

них также была и проблема с похитителями тел, копателями, которые пробирались на кладбища под прикрытием ночи, чтобы украсть недавно захороненные трупы для продажи медицинским школам. Но только богачи могли позволить себе какую-то стражу. В своем рассказе Хэйди использует все эти идеи и придает им особенно жуткое звучание, задавая вопрос: а что, если человек, звонящий в колокольчик, это не погребенный по ошибке живой человек, а *на самом деле* голодный титулованный вампир?

Как еще проявляется то, что вампиры стали символом привилегий?

Путеводитель для только что обращенной деси-вампирши
Самира Ахмед



Вамперсанд™

Салям, намасте[8] и здравствуй, дорогая.
Стой.
Что бы ты ни делала, НЕ ВЫХОДИ НА УЛИЦУ.
Сядь.

---

[8] Примечания: 8
Здесь и далее в этом рассказе — включения слов из урду и хинди.

Закрой глаза. Успокой свой разум. [*См. Медитация 101: подсказки, уловки и средства для начинающих.*]

А теперь сделай вдох (не буквально, но к этому мы вернемся позже).

Ты растеряна. Твоя память в тумане. Тебе кажется, что сейчас день, что тебе надо собираться в школу, но ты не дома. Ты в темном сарае без окон или на каком-то складе. Мы знаем. Это мы принесли тебя туда. Мы спасли тебе жизнь. (Всегда пожалуйста.)

Всю твою жизнь тебе говорили не слушать незнакомцев. И, давай признаем, это почти настолько же странно, насколько вообще может быть. Но поверь нам. Единственное, что тебе придется потерять, — тебя саму.

Давай начнем с самого начала, как полагается.

Поздравляем! Мубарак! Бадхаи хо!

Теперь ты вампир. Добро пожаловать в жизнь после смерти!

Нам жаль, что мы не смогли принести тебе бурфи, гулаб джамун[9] и другие сладости, а также и украсить твою шею гирляндами из жасмина и роз, но у нас не было на это времени.

---

[9] Примечания: 9
Традиционные индийские десерты.

Кроме того, твоя шея наверняка побаливает или саднит. Прошлая ночь для тебя размыта. Ты не помнишь, где спала. Твое последнее ясное воспоминание — это светлокожий британский турист, — ну, знаешь, англез[10], который попросил тебя показать или посоветовать лучшее место, где подают «чжай» (услышав это, ты поморщилась, но не стала поправлять, потому что, ну, у кого есть на это время), или, может, подсказать, как называется на «индийском» напиток, который они держали в руках, и ты очень медленно произнесла: КО-КА-КО-ЛА. Припоминаешь теперь? Хорошо. Продолжай в том же духе — скоро ты вспомнишь и остальное.

Также ты, наверно, паникуешь, потому что вчера вечером не вернулась домой к назначенному времени, и твоя умми[11] теперь тебя убьет. Хорошая новость: технически ты уже мертва! Это может свести на нет свирепость угроз твоей матери. (Ха-ха-ха, это шутка — разве такая банальность, как смерть, сможет спасти тебя от ее гнева по поводу твоего позднего возвращения? Я тебя умоляю.)

---

[10] Примечания: 10
Англичанин, британец.

[11] Примечания: 11
Мама.

Плохая новость: так как тебе придется избегать солнца (да, это правда), ты наверняка будешь проводить намного больше времени дома с родителями, которые будут бормотать себе под нос что-то о карме, или судьбе, или о том, что теперь тебе уж точно никогда не стать высококлассным кардиохирургом, потому что ни одна больница не назначит четырехстороннее шунтирование на полуночные часы. Юрист тоже мимо, по крайней мере сейчас. (Кому нужен адвокат, который может работать только после заката? Да и суды в это время закрыты.) Честное предупреждение, теперь тебя наверняка ждет непрерывный родительский хор из «Эй-эй-эй» или «Тоба-тоба-тоба», чтобы выразить их стыд и, совершенно точно, множество «И как же нам теперь показаться в обществе?».

Ты наверняка жалеешь, что твоей последней едой в качестве человека был не изысканный бирьяни[12] вместо, так скажем, слишком водянистых, слегка подозрительных пани пури (или как вы там называете эти нафаршированные хрустящие шарики из жареного теста, считающиеся нашей уличной едой), купленных тобой

[12] Примечания: 12

Второе блюдо из риса и специй с добавлением мяса, рыбы, яиц или овощей.

в немного подозрительном ларьке на пляже Джуху или Султан-базаре. Ты ведь местная, тебе следовало бы знать — там его никогда раньше не было! Но ты решила попробовать, потому что чрезвычайно острое виндалу[13] из цыпленка твоей хала джаан[14] — стопроцентный способ сделать желудок стальным. Снова мимо.

Мы понимаем. Ты в растерянности. Мы тоже были. Однажды. Когда-то давным-давно. В далекой-далекой галактике. Шутка! Мы не пришельцы. Тебе нужно встряхнуться. Ты поймешь, что чувство юмора сослужит тебе отличную службу во время твоего путешествия в деси[15] вампирскую жизнь после смерти. Как служило тебе в твоей старой доброй деси-человеческой жизни.

В далекой-далекой галактике.

Вздох. На мгновение предадимся воспоминаниям о юном Люке Скайуокере, нашей первой любви, этом белом парне, который продолжает

---

[13] Примечания: 13

Блюдо из мяса, которое сначала маринуют, а потом тушат с добавлением большого количества специй.

[14] Примечания: 14

Любимая тетушка.

[15] Примечания: 15

Индийский, то, что имеет отношение к Индии.

жить, несмотря на старость и седину, в то время как мы по-прежнему красивы без единой морщинки. Такая любовь не умрет никогда.

Прости. Нас так легко увлечь видениями, где Люк заключает нас в свои объятия и уносит через огромное ущелье прочь от наступающих штурмовиков.

На чем мы остановились? Верно. Мы были такими же, как ты! Нам бы тоже хотелось провести нашу последнюю человеческую ночь в «Тадж Лейк Паласе»[16], осыпаемые дождем из розовых лепестков, как какой-нибудь окруженный вниманием, чересчур мягкотелый турист (думающий, что видит «настоящую Индию»), вместо того чтобы покупать новый кувшин для подмываний для туалета нашей бабушки. Это не значит, что именно это мы и делали. Это просто для примера. Но выбрать идеальный медный сосуд для личной гигиены — дело величайшей важности. Можно считать себя непобедимым, но, к твоему сведению, без кувшина для подмываний всё равно не обойтись.

Не важно. Теперь ты бессмертна! Весь мир

---

[16] Примечания: 16
Элитный курортный отель посреди озера Пикола в Удайпуре, Индия.

— твой «Кохинур»[17] (даже если британцы его украли). И, конечно же, у тебя есть вопросы, особенно теперь, когда твой «родитель» бросил тебя. Он не выжидал поблизости, чтобы, ну, знаешь, принять личную ответственность, или объясниться, или, может, даже извиниться за нарушение всех правил вампирского этикета. Сволочь.

Обычно мы предпочитаем быть подготовленными к таким вещам, но, судя по нашему опыту, у каждого вампирского дитя сразу же возникают вопросы, так что давай разберемся с некоторыми, чтобы облегчить работу твоему разуму.

Я теперь Дракула? Нет, уф, этот парень был мертвецки бледным. Твой меланин не испарится волшебным образом из-за вампиризма.

Мне придется прекратить есть доса[18] и чаат[19], потому что моей единственной пищей теперь будет кровь? Скорее всего, но надежда

---

[17] Примечания: 17

Бриллиант в 105 карат с многовековой историей, который в 1850 году был вывезен из Индии британцами и в настоящее время находится в короне королевы Елизаветы (Великобритания).

[18] Примечания: 18

Тонкие, хрустящие блинчики из чечевичной и рисовой муки.

[19] Примечания: 19

Блюда-закуски с различным составом.

есть. [Нажми, чтобы перейти к «Чем тебе питаться?».]

Мне можно продолжать жить дома? Конечно. Сколько тебе лет, семнадцать? Восемнадцать? И ты не замужем, верно? Так где тебе еще жить? Или ты хочешь, чтобы твою маму хватил удар? Ну, в смысле, еще один? Но не беспокойся, тебе не придется оставаться дома вечно. [Смотреть: «Хамара Гар[20]: Новые дома для новых вампиров».] Вот отрастут твои вампирские ноги, и можешь лететь куда хочешь.

Я могу летать? Только коммерческими рейсами, но мы не рекомендуем. Ой, погоди, ты имела в виду, летать, как Супермен? Нет, конечно, ты же стала вампиром, а не криптонианцем.

Я буду сверкать при свете солнца? Серьезно. Нет. Солнце убьет тебя. Намертво. Пуф. Исчезла. Держись от него подальше.

[Мы всегда здесь, чтобы ответить на все другие твои вопросы. Нажми, чтобы перейти в чат.]

Сейчас ты можешь проклинать свой жребий, но нет причин впадать в отчаяние. Это не трагедия.

---

[20] Примечания: 20

Отсылка к одноименному индийскому драматическому фильму о детях, оказавшихся на необитаемом острове и построивших там убежище под названием «Хамара Гар» («Наш Дом»).

Это «Мать Индия». Что значит ты не смотрела этот фильм? Это же классика. Не важно, у тебя есть всё время в мире, чтобы посмотреть фильмы, которые ты пропустила. Буквально. Привет пересмотру всех восьмидесяти с лишним фильмов Шах Рукх Хана. Наслаждайся.

Как бы там ни было, мы отступили от темы. (Если ты осмелишься назвать Короля Хана всего-навсего отступлением.)

Эта телефонная инструкция — твой справочник, твой путеводитель, твоя поваренная книга. Мы здесь, чтобы отделить миф от реальности.

Зиндабад[21] вампиры!

Кто мы такие?

Мы не пытаемся показаться жизненно важными. Хотя ночное превращение в «демоническую» нежить в высшей степени подходит для пространного рассуждения о природе всего существующего, для этого будет время позже. Также, пожалуйста, отметь: нас обижает использование слов «демонический» и «демон». Они ограничивающие, унизительные и просто неправильные. Запад может придерживаться своей классовой терминологии; мы на сто процентов на стороне

---

[21] Примечания: 21
Да здравствуют.

антивидовой кастовой системы. На данный момент мы собираемся жить в буквенном мире. Фигурально выражаясь.

Называй нас Гумнаам[22].

Всё верно. Анонимы. Но не *me* Анонимы[23]. Мы не собираемся распространять твои личные данные, только если ты и вправду этого не заслужишь. Мы сообщество. Можешь считать нас своими клевыми тетушками, которые всегда готовы одолжить тебе пару тысяч рупий. Только в нашем случае рупии — это совет. Мы не собираемся на самом деле давать тебе деньги. И технически мы не твои тетушки. На самом деле мы подростки, как и ты. Но мы были подростками десятки лет, а некоторые из нас еще дольше, так что наши отсылки к поп-культуре порой устаревают. Не критикуй. Однажды ты станешь одной из нас.

И нет, не все деси-вампиры подростки. Мы вычислили тебя. Каждый раз, когда обращение проходит деси-подросток, наша технология «Вамперсанд™» (объединяет вампирских детей в

---

[22] Примечания: 22

Неизвестный, анонимный.

[23] Примечания: 23

Отсылка к современной международной сети активистов и хактивистов «Анонимус».

сообщество с 2014 года!) сообщает, где ты находишься, и мы посылаем кого-нибудь перенести тебя в безопасное или более безопасное пространство. Потому что мы не можем позволить тебе очнуться у «Ворот Индии», Тадж-Махала или Чарминара в качестве новорожденного вампирского дитя. Ты разрушишь это место. Мы знаем, о чем ты сейчас думаешь. «Я никогда не устанавливала «Вамперсанд™». Естественно, нет. Это шпионская программа, прикрепленная ко всем приложениям социальных сетей на твоем телефоне. Умно, правда? Мы технические гении. В смысле, мы индусы. Марк Цукерберг пытается переманить наших айтишников. Может, мы и кровососы, но не фашисты. Прости, Цук. Нет, значит, нет.

Есть важное правило. Согласно Парижскому соглашению от 1975 года Международный вампирский закон запрещает обращение индивидуумов младше шестнадцати лет. Но регламенты Индии, даже всей Южной Азии, если быть точнее, пошли еще дальше. Деси-вампиры не обращают никого младше восемнадцати лет. Горькая правда в том, что ты несовершеннолетний вампир, и тебя обратил британский турист-ангрез. Нелегально. С момента брексита мы наблюдаем всплеск нелегальных обращений. Британское

вампирское консульство, по всей видимости, не может держать своих соотечественников в узде. Со всей Азии поступают жалобы на англосаксонских вампиров-туристов, пренебрегающих законом и позволяющих себе чрезмерные вольности. Неудивительно, правда? У них всегда была проблема с уважением к суверенитетам других наций. Колониализм: высасываем вашу страну досуха и оставляем вас истекать кровью с 1600 года! И они называют *нас* вампирами.

Всё настолько вышло из-под контроля, что недавно британские вампиры из числа темнокожих, азиатов и этнических меньшинств отделились от остальных — сформировали собственную коалицию для соблюдения международных соглашений, раз их собственная нация этого не может. Как мы осмелились говорить такое? Они отделились от Британского вампирского консульства из-за упорно проводимой им политики, уходящей корнями в империализм, ориентализм и злополучную нетерпимость острой еды. Возможно, когда-нибудь твой путь пересечется с вампиром — поборником справедливости из числа темнокожих, азиатов и этнических меньшинств. Обычно это крутые парни с милым акцентом.

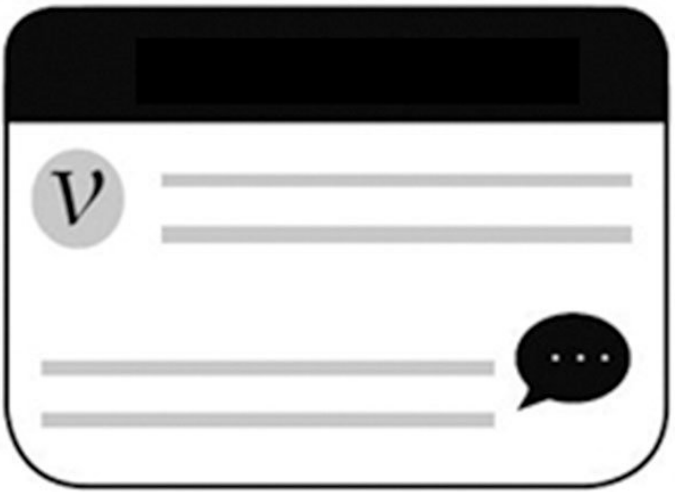
Главная мысль: Гумнаам здесь для тебя.

Мы объединились, когда поняли, что это не просто какой-то случайный пьяный вампир нарушает закон — это вызывающая обеспокоенность тенденция. Здесь несколько десятилетий не было новых вампиров-подростков, а древние обычно держатся сами по себе и, так скажем, похожи на того престарелого дядюшку, что постоянно просит тебя помочь ему с телефоном, потому что он скачал новую операционную систему, но случайно стер свои данные и теперь не может найти тысячу размытых фотографий, снятых им на свадьбе той-то с тем-то.

Мы вступили в этот вакуум! Мы здесь, чтобы ответить на твои вопросы, но, что еще важнее, стать твоим сообществом. Дать тебе понять, что ты не одна. Деси-вампиры саат саат[24].

---

[24] Примечания: 24
Плечом к плечу.



Кто ты?

Ну, кроме того, что ты новообращенный вампир. Вы все разных религий или, возможно, не придерживаетесь вообще никакой религии. Вы говорите на разных языках. Вы из разных регионов. Кто-то из вас может думать, что ваши души были прокляты. Кто-то из вас может верить, что

ваше существование противоестественно. Что вы одни из древних сверхъестественных существ и деси-мифов и верований.

Давай уточним.

Ты не джинн — они оборотни, созданные из бездымного огня.

Ты не ракшаса — многие из них тоже оборотни, рожденные из дыхания Брамы, воины.

Ты не гуль — ладно, они тоже считаются нежитью, но они больше едят плоть, чем пьют кровь. К тому же у них есть изящный навык превращения в человека, которого они съели последним. И они также являются оборотнями! Очевидно, весь этот регион богат на оборотней. Увы, но ты этого не можешь. А иначе бы как только, так сразу.

Ты не демон. Помни, мы отвергаем это унизительное обращение и эту теорию. Твоя душа не была сожрана злобной сущностью — точно так же, как ты не превратилась вдруг в американского миллиардера, считающего, что он может управлять страной, или высасывающего из мира силы капиталиста, летающего на частном самолете в Давос, чтобы посетовать на глобальное потепление, и не видящего в этом иронии. Ты вампир.

Ты осталась тем, кем всегда была. Если ты бы-

ла прилежной отличницей-зубрилой в своей человеческой жизни, то угадай что? Ты всё еще она и есть! И ты молодец, что так усердно старалась, чтобы сдать свои выпускные экзамены на получение аттестата о среднем образовании. Если тебе кажется, что теперь все твои старания коту под хвост, не волнуйся! Мы уже работаем с министром образования над тем, чтобы тебе разрешили отсидеть экзамен, даже если не существует колледжа, в который ты могла бы поступить. И всё же. Если ты была жаворонком, больше всего на свете любившим встать ранним утром и отправиться на пробежку в лучах рассвета, нам очень жаль. Первое время тебе, конечно, придется тяжело.

Вампиры — ночные создания. Солнце нам не друг. Многие из нас спят или читают днем, ну, или пытаются вытрясти душу из кухонного шкафчика со специями, пока наши мамы не сообщат, что вот та семилетняя гарам масала в мутном полиэтиленовом пакете всё еще ничего, спасибо большое. Или обмахивают наших пап или бабушек, спасая от удушающей жары, тем винтажным вышитым ручным опахалом, которое появилось у них еще до изобретения машин. И мы не можем не обратить твое внимание на

то, насколько важными теперь становятся твои навыки уклонения от чего угодно, ведь тебе придется проводить весь день дома, и, вне всяких сомнений, ты будешь до смерти хотеть избежать разнообразных «особых» работ по дому, что твои родители для тебя приготовят.

— Бета, раз уж ты всё равно дома… — Этот рефрен станет тебе до боли знакомым.

Мы шутим, но правду говорят: умному намек — глупому толчок: если в своей прошлой жизни ты была плохим, бесполезным, бессовестным дакоитом[25], не уважавшим своих родителей, ступай прочь. Теперь ты наверняка станешь еще хуже, а нашему сообществу не нужны новые драмы и бандитизм.

Ты бессмертна. И это может одновременно казаться тебе чудесным и пугающим. Твой мир перевернулся с ног на голову. День — это ночь. Многие, кого ты любила, будут сторониться тебя. Называть тебя неприкасаемой. Но перед тобой весь мир — тот, в котором время больше тебе не враг. За исключением того момента, что все смертные, которых ты любишь, умрут от старости.

---

[25] Примечания: 25
Бандит.

Поправка: время больше не враг твоего личного тщеславия. Оно остается грабителем. Но, по крайней мере, оно не украдет твою красоту. И, дорогая, ты просто великолепна.

Чем тебе питаться?

Твоими колонизаторами.

Но ты умираешь с голоду прямо сейчас

Конечно, умираешь. Видишь рядом с тобой вот тот термос? Серебристый, с надписью «Гумнаам», выгравированной над зеленым очертанием Южной Азии? Открой его и пей. Прямо сейчас. Это кровь. Эта идея наверняка кажется тебе одновременно омерзительной и привлекательной. Жизнь вампира как никакая другая полна противоречий. Так что, в общем-то, мало чем отличается от человеческой. Доверься нам, пей. Мы никого не убивали, чтобы получить ее, она была пожертвована. Добровольно, нашими товарищами.

Как и эта телефонная инструкция, термос был доставлен тебе «Вамперсандом™» и нашей невероятной сетью кровных слуг, смоделированной по типу даббавала[26].

---

[26] Примечания: 26

Система доставки горячих обедов, действующая в Мумбаи и других индийских городах.

[*Смотри: Относительная питательная ценность по группе крови.*]

Но давай и вправду поговорим про еду

Многие из вас вегетарианцы. Многие придерживаются халяля. Некоторые из вас следуют принципам ахимсы: не причиняй вреда. В каждом живом существе есть божественная искра. Вне зависимости от вашей религии или личных верований, простой факт состоит в том, что, живя в деси-семье, вы приближались к еде с добродетелью сдержанности — ели то, что просто и естественно. За исключением свадеб, которых, конечно же, сдержанность НЕ касается.

Нам очень не нравится быть гонцами, приносящими дурные вести, особенно когда нас нет рядом, чтобы смягчить удар каким-нибудь свежеприготовленным манговым ласси[27] или успокоить тебя исполнением твоей любимой колыбельной «Чанда Хай Ту», но сейчас день, так что мы очень сожалеем, что не можем быть там с тобой. Однако вампиры живут, убивая людей. Кусая их в шею и высасывая их кровь. Ты ведь заметила острые зубы, да?

Тебе захочется делать это. И ты наверняка бо-

---

[27] Примечания: 27
Индийский напиток на основе йогурта.

решься с этим. У тебя война с самой собой. Мы понимаем. Это нечестно. Ты не должна быть вынуждена отрицать свою суть. Ты можешь жить на крови животных, но каждая частичка тебя будет тянуться к человеческой крови, и однажды ты изголодаешься настолько, что больше не сможешь с этим бороться. И ты будешь чувствовать себя виноватой. Очень виноватой. Мы понимаем. Мы тоже это пережили.

КОРОТКАЯ ПАУЗА

Существует нерушимое правило: никаких детей. Никаких несовершеннолетних личностей. Никаких нищих. Никаких выброшенных на обочину и маргинализованных. Не делай то, что сделали с тобой.

Помнишь деси-способ питания? Ешь то, что легкодоступно, причиняя наименьший вред окружающей среде. Твои воспоминания о прошлой ночи становятся четче? Что произошло? Кто сделал это с тобой без твоего согласия? Помнишь

того британского туриста? Того, кто выглядел слишком бледным и, возможно, был одет в куртку[28] с джинсами и резиновые сандалии, думая, что сливается с местными? Как бы не так.

Теперь ты понимаешь? Твое главная инструкция по еде: сначала ешь колонизаторов.

Вот простой неоспоримый факт: белые британские туристы легкодоступны. Уточним: мы имеем в виду британских британцев: англезов. (*Они*-то в любом случае не считают всех остальных британцами. 😐) Ты когда-нибудь была на пляже Бага во время зимних каникул? Они едва не спотыкаются друг о друга на субботнем ночном базаре Макис, до потери пульса торгуясь с бедным продавцом сувениров. Или у Тадж-Махала во время, эм, буквально любого сезона, пихая друг друга, чтобы сделать идеальный кадр на его фоне, и как-то совершенно забывая, что на самом деле это гробница — место последнего упокоения королевы и ее возлюбленного. Представь, как бы они отреагировали, если бы тысячи деси объявились у могилы Черчилля с похмелья и с жалобами на дели-белли[29]. Конечно, это всё чисто гипоте-

---

[28] Примечания: 28
Длинная, свободного покроя рубаха.

[29] Примечания: 29
Диарея, начинающаяся у туристов во время посещения Индии.

тически. Мы знаем, что каждый из вас если бы и поехал туда, то только ради того, чтобы плюнуть на могилу человека, по вине которого от голода умерли несколько миллионов бенгальцев.

Но мы отвлеклись.

Достопримечательности кишат отдыхающими ангрезами, и мы предполагаем, что, пристально понаблюдав лишь пару секунд, ты выберешь самого беспардонного. Хулигана. Который пьянее и грубее всех остальных. Того, кто во всеуслышание жалуется на антисанитарию или заявляет, что руками едят только нецивилизованные люди, либо вообще утверждает, что британцы оказали Индии услугу (!), колонизировав ее. Ты знаешь, кого мы имеем в виду. Мы доверяем твоему суждению.

Ты, возможно, задаешься вопросом, как тебе заполучить твою жертву. Это на самом деле самая простая часть. Включи свой шарм. Пообещай им сделку. Предложи показать им дорогу в кафе с лучшим бханг-ласси[30]. Скажи, что знаешь луч-

[30] Примечания: 30

Кисломолочный напиток с добавлением бханга — психотропного средства, изготавливаемого из конопли.

шего скручивальщика биди[31] в округе. Замани их подальше и позволь своему инстинкту взять над тобой верх. Ты уже проводила языком по своим зубам? Заметила, какими острыми стали твои клыки? Вуаля! Подними свой вампирский флаг!

НО.

Последнее, что нам нужно, — это чтобы вампиры-туристы заполонили Индию. И да, если ты укусишь человека и выпьешь немного его крови, твой вампиризм передастся (энзимы переносятся при прямом контакте слюна-кровь), и ты его обратишь. И, понятное дело, это нерационально, если мы будем обращать всё больше и больше вампиров, которые, в свою очередь, сократят человеческую популяцию, а это приведет к тому, что останутся только вампиры, которые в итоге вымрут от голода. Нам бы этого не хотелось. Особенно это касается ангрезов, потому что тогда мы просто снова колонизируем Южную Азию британской нежитью.

Нет. Необходимо соблюдать простое правило: если ты добралась до одного из них, ты должна выпить его кровь досуха. Все пять литров. Это будет непросто, да и не должно быть просто. Ты

---

[31] Примечания: 31

Тонкие маленькие азиатские сигареты из необработанного табака с примесью трав, завернутые в лист коромандельского черного дерева.

прожила всю свою жизнь мирно, наверняка без единого проявления жестокости, до сегодняшнего дня. Сама мысль о том, чтобы лишить кого-то жизни, может внушать тебе отвращение. В конце концов, разве не из-за этого ты оказалась там, где ты сейчас? Твою жизнь жестоко осквернили, тебя лишили выбора. Возможно, ты не хочешь продолжать этот цикл. Но, возможно, у тебя нет выбора.

Мы не устанем повторять: если не доводить дело до конца, а отпивать, скажем, один литр, чтобы насытиться, то гарантированно появится новорожденный вампир. Так что тебе нужно убивать их. До смерти. Считаешь, что пять литров — это слишком много? Мы предлагаем работать в парах в случае, если ты переживаешь, что не сможешь поглотить все пять литров. Плюс, если ты вдруг нарвешься в выходной день на неоколониального британца-вампира, тебе наверняка не захочется противостоять ему в одиночку. Они часто ошиваются в округе мародерскими группами, словно их футбольная команда только что проиграла, и они ищут способ отомстить. Так что практичнее ходить парами. Один в поле не воин, и всё такое. В приложении «Вамперсанд™» есть удобная функция «Найди своих друзей», которую

мы уже включили для тебя, так что, когда наступит ночь, иди и найди своего ближайшего нового лучшего друга или подругу. (Хочешь попробовать? Вперед. Ну, только, знаешь, не выходи на улицу, если там еще светит солнце.)

Мы хотели бы кое к чему тебя подготовить: некоторые туристы-ангрезы до ужаса пресные. Это те, что выросли на национальной кухне, включающей такие великие блюда, как бобы на тосте, и в которой главной приправой является соль (кто-то должен уже наконец сказать им, в самом деле, что это минерал, а не специя). Рядом с термосом ты увидишь пакетик со специями. Мы предлагаем тебе насыпать их немного на язык перед тем, как пить. Благодаря им кровь пойдет намного легче. Не стесняйся экспериментировать со специями! Наслаждайся жизнью!

Ты всё еще слышишь голос в голове, говорящий, что убивать — это плохо? Но при этом чувствуешь, что не можешь отрицать свою тягу к крови? Не волнуйся, мы работаем над решением — менее человеческим ответом на твое желание пить кровь. Несколько из твоих товарищей-вампиров — выпускники известных индийских технологических институтов, и сейчас они работают совместно с Национальным университетом

Наук и Технологий в Пакистане над созданием искусственной крови. Предыдущие прототипы оказались слишком ядовитыми или горькими. Так что наши ученые работают днем и ночью (буквально!), чтобы улучшить их формулу. Название этого современного чуда — приготовься: Рух Афза[32]. Она густая. Она как сироп. Но тем не менее выглядит как кровь. 😐 Только не спутай оригинал с имитацией. И она будет смотреться гораздо менее подозрительно на вампирских рынках, что скоро появятся. Нет причин отчаиваться. Скоро у тебя появятся варианты. Но пока твой спасательный круг — обескровливание. И будь другом — спаси своих товарищей-деси от по-настоящему ужасной судьбы — необходимости слышать, как туристы-агрезы произносят «намасте» или «ас-салаам алейкум», совершенно испоганив соответствующие жесты руками.

Поиск пары

Если ты думаешь, что превращение в вампира обеспечит тебе удобную отговорку, чтобы избежать извечного кошмарного вопроса: «Бета, когда ты выйдешь замуж?» — тебя ждет разоча-

---

[32] Примечания: 32

Известная в Индии марка сиропа — освежающего напитка из трав и фруктов. Дословно переводится как «Освежитель души».

рование. Может, у тебя и не будет профиля на shaadi.com, но нетленная сеть тетушек жива и продолжает пинать, потому что превращение в бессмертную никого еще не спасло от тетушки, вцепившейся мертвой хваткой в любого, кто еще не вступил в брак.

Всё верно. Ты можешь быть вампиром-подростком, обращенным нелегально, но есть множество вампиров средних лет, что были рядом годами — представь, каково это — десятки лет оттачивать щипание щек и искусство говорить деси-тоном, словно сочащийся сладким сиропом ладду[33]. Представь, каково демонстрировать усмешку тетушки средних лет *вечно*. Новых вампиров холят и лелеют, потому что вы представляете собой новую кровь. Новые проекты. А какой проект может быть лучше, чем подбор пары?

Да, всё верно. Ты еще не достигла брачного возраста. Пока. Но через несколько лет, в годы учебы в вузе, тебе начнут задавать вопросы. Анкеты с фотографиями достойных незнакомцев волшебным образом будут появляться на твоей прикроватной тумбочке или письменном столе. Положительный момент? Тебе не придется беспо-

[33] Примечания: 33

Десерт из муки и топленого сливочного масла с орехами, кокосовой стружкой и сладкими специями.

коиться о том, что кто-то мог отфотошопить свою фотографию, чтобы казаться моложе. *Потому что мы никогда не стареем*. Ты просто мечта любой свахи! И то, что ты не доктор, не будет иметь никакого значения. Сколько бы лет ни прошло, ты всегда будешь молода и прекрасна. И, поверь нам, если ты не найдешь подходящего партнера в ближайшем будущем, это не остановит работу сети тетушек, потому что ты останешься достойной претенденткой… навсегда! Если от одной этой мысли тебе хочется с криком сбежать в горы, не волнуйся. У подножия Гималаев есть ашрам для приверженцев любых религий, для юных вампиров, которым просто надо куда-то сбежать. Есть даже специальные ночные рейсы игрушечного поезда, на которых можно туда добраться. Ага, попалась!

Если тебе удастся найти свою идеальную пару, деси-свадьба твоей мечты станет явью. Если только твоя мечта — это не свадьба Приянки и Ника[34], потому что в этом случае, прости, невозможно повторить тот уровень эпичности. Однако весь мир свадебных дизайнеров, ювелиров и флористов готов тебя обслужить. Возле Чандни

[34] Примечания: 34

Знаменитости Приянка Чопра и Ник Джонас в декабре 2018 года сыграли роскошную свадьбу в Индии.

Чоук в Дели и Джуху Тара в Бомбее располагаются процветающие ночные рынки, скрытые от глаз смертных древними заклинаниями, наложенными друзьями вампиров — майонгскими тантристами. (Предупреждение: ты вампир-ребенок, так что держись подальше от магии. Пока. Она могущественна, и с ней не шутят. Ты уже бессмертна, разве этой магии недостаточно?)

Представь самую великолепную деси-свадьбу, на которой ты когда-либо бывала — какой-нибудь дворец в Раджастане, возможно? Плавучий дом в Керале? Разноцветный шатер в Шимле? Тысячи трепещущих цветочных лепестков, выстилающих переливающимися завитками свадебную дорожку. Замысловатое мехенди, напоминающее кружево. Украшения с драгоценными камнями. Всё это еще может быть твоим. Если захочешь. И только «если». Да, тетушки будут упрашивать тебя, но это их проблема. У тебя всё еще есть выбор, и он только твой.

И что теперь?

У тебя есть всё необходимое. Еда. Общество. Свадьба. Держись подальше от солнца. Колониализм — настоящий кровосос и так далее. Что теперь тебе делать? В смысле, буквально теперь.

Найди своих людей. Расскажи правду. Живи

своей жизнью.

Мы не иронизируем по этому поводу. Ну, если только немножко. Пытаясь смягчить удар сарказмом и плохими шутками. Дело в том, что это сложно, жить своей — твоей — жизнью. Было сложно раньше. И сложно сейчас. Ты об этом не просила. Тебе это навязали. Возможно, если бы у тебя был выбор, ты бы и сама это выбрала. Бессмертие — тот еще наркотик. Но факт в том, что тебе не дали выбора. И теперь всё, что тебе остается, — продолжать жить. Двигаться дальше. Или найти того, кто тебя обратил, и оставить его под солнцем, чтобы оно его спалило. А еще воткнуть кол в сердце и отсечь голову. Сделай всё правильно, что бы ты ни решила. Мы поддержим любой твой выбор.

А у тебя *всё еще* есть выбор. Твое будущее еще не написано. У тебя есть власть сделать это самой. По правде говоря, больше власти, чем когда-либо.

Хочешь правду? У тебя остались те же чувства, что и были. Они не исчезли. Помнишь, о чем мы говорили? Ты не демон. Ты — это всё еще ты. Только жаждущая крови и бессмертная. Но внутри ты осталась той же, что и была. И этот момент, прямо сейчас, может пугать. Вызывать печаль. И приводить в ярость. Даже если потенциал завтрашнего

дня бесконечен. Даже если завтра ты сможешь сбросить оковы и начать свободную жизнь. Сегодня у тебя отняли то, что ты была не готова отдать. Семью и друзей. Любовь, старую и новую. Мечты. Всё это изменится. Многое умрет. Время марширует вперед, даже если ты остановилась. Там, где ты когда-то, возможно, чувствовала себя окруженной, иногда задыхающейся, из-за твоей шумной, раздражающей, сующей нос в твои дела, прекрасной, любящей семьи, теперь осталась ты одна. Ты больше не человек. Многие будут тебя демонизировать и отказываться понимать. Но ты не будешь нелюбимой. Ты здесь. Как и мы. Мы видим тебя. Мы верим в тебя. Этого достаточно.

Когда ты покинешь это место, выйди в тишину позднего вечера переродившейся. Всмотрись в сверкающие рассыпающиеся улицы вокруг тебя. Вглядись в черную, как смоль, ночь. Она темна. И полна бриллиантов.

И ты, дорогая, создана из звездной пыли.

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ

Если ты не хочешь идти традиционным путем обмена анкетами через

тетушек, «Вамперсанд™» договорился с TrulyMadly, чтобы создать на их сайте защищенное паролем сообщество только для вампиров. Может, сейчас тебе кажется, что твоя жизнь кончена, но ты всё еще можешь листать вправо или влево, сколько твоей бессмертной душе угодно.

Вампиризм, или Возможно ли, что вампиры существуют на самом деле?

Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

В добрые старые темные времена, да и не только, было удивительно просто спутать болезнь со сверхъестественной хворью. Истории о вампирах и болезни очень тесно связаны. Куча людей заболела и умерла? Среди нас есть вампир! Тело юной Вании не разложилось за особенно холодную зиму? Она точно вампир! Воткните в нее кол, пока она не распространила свой вампиризм! Редкая болезнь, известная нам как «порфирия», раньше называлась «вампирский синдром», потому что у любого, кто им заболевал, развивалась чувствительность к свету и бледность. Они даже могли жаждать крови. Аналогичным образом жертвы туберкулеза и бубонной чумы могли быть настолько близки к смерти, что их хоронили (или сбрасывали в общие могилы). Позднее, не будучи мертвыми на самом деле, они могли постепенно подниматься из могил, и тогда

свидетели могли заявить, что видели вампира! Самира использовала эту идею вампиризма как болезни и ступила на один шаг дальше, соединив его с колониализмом. Если болезни — это присутствие чего-то, что атакует тело, то колонизаторы определенно входят в их число! (Мы смотрим на тебя, Британская империя!) (Ладно, ладно, ладно, на праотцов Соединенных Штатов мы тоже смотрим.) В этом случае вампиры определенно реальны на все сто процентов!

Как еще вы могли бы интерпретировать метафору о вампирах?

С той же добротой[35]
Кайла Уэйли

ГАЗЕТА ШЕЙДИ ОАК

Местный житель приложил руку к трагической смерти дочери-инвалида

Во время невиданной снежной бури, разыгравшейся во вторник, пятидесятитрехлетний Грант Уильямс сообщил в полицию о смерти своей дочери и признался в своем участии в ее кончине. Семнадцатилетняя Грэйс Уильямс, с рождения прикованная к инвалидному креслу, была неспособна есть, дышать и справлять естественные потребности без медицинской помощи.

Мистер Уильямс, отец-одиночка и учитель физики в старшей школе округа Робертсон, признался полиции, что ввел

---

[35] Примечания: 35

В оригинальное название на английском языке «In kind» заложено несколько смыслов. Целиком выражение может быть переведено как «дать сдачи», «ответить тем же». При этом отдельно слово «kind» переводится как «добрый», а доброта и милосердие являются одним из предметов рассуждения в тексте.

девушке летальную дозу морфина ранним вечером во вторник. Он рассказал полицейским, что страдания его дочери «стали невыносимыми» и что она «заслужила наконец обрести покой».

Уильямс привел полицию к себе домой, где изначально планировал похоронить дочь, прежде чем погода резко изменилась. Когда они прибыли, тело, находившееся во дворе, исчезло. Полиция считает, что волки, живущие на густо заросшей лесом частной территории, утащили тело до того, как Уильямс и полиция прибыли на место примерно в полночь. К этому времени все следы были занесены небывалой метелью, как и вся остальная Западная Джорджия.

«Короткая жизнь Грэйс и ее внезапная смерть – трагедия для ее семьи и всего сообщества, но мы можем найти утешение в том, что она была избавлена от жизни, полной страданий, – сказал шериф Дэррил Уайт на пресс-конференции в четверг. – Мы все будем помнить храбрость Грэйс и ее вдохновляющую выдержку».

С учетом смягчающих обстоятельств

смерти Грэйс полиция решила на этот раз не выдвигать обвинений.

Моя «смерть» была скромным делом. Тихим. Редкий снежок падал весь день, как и всю ночь накануне, собираясь на соснах, ивах, магнолиях, южных ветвях, непривыкших к большей тяжести, чем вес буйственно-яркой пыльцы или лета в полном разгаре. Когда день начал перетекать в желтые сумерки, ветки стали ломаться каскадами, словно фейерверки или разрывающиеся кровяные сосуды. Надо мной заплакал отец. Его слезы падали мне на лицо и скатывались по моим сухим щекам. Я сжала веки. Прислушалась к резкому хрусту в отдалении. Почувствовала, как неровное биение моего сердца стало отдаваться в ушах. Моя грудь отказалась подниматься. Он всё плакал и плакал. Он не вытирал мое лицо. Я не могла вытереть свое лицо. Гудел резервный генератор. Еще одна ветка с хрустом сломалась, на этот раз громче. Один Миссисипи. Два Миссисипи. Треск. Один Миссисипи. Два Мисси… Треск. Один…

Солнце поднялось быстро и было удивительно

жарким. В пятьдесят градусов[36] лесная почва превратилась в топкую грязь. В восемьдесят градусов[37] земля снова стала соломой и красной глиной, и о неслыханном снегопаде теперь напоминали лишь несколько зон, всё еще остававшихся без электричества, да наполовину выкрикиваемые «Каково, а?» приветствия с одной подъездной дорожки до другой. Он, видимо, планировал похоронить меня, но ему помешал снег. Шонин сказала, что нашла меня рядом с деревом, к которому была приставлена лопата. У подножия широкого ствола магнолии виднелись следы несколько неудачных попыток выкопать яму. Он присматривал наш участок заранее, выбирая идеальное место? Или инстинктивно знал, что уложит мое тело в уютное местечко под вековым деревом подальше от дома?

Я знаю, что отец был крайне взволнован: оставил мое тело в небрежной перекошенной позе. Может, он думал о том, чтобы дождаться, пока всё растает и станет достаточно тепло, чтобы закончить. Но если бы он решил подождать, ему бы пришлось нести меня обратно в дом, и

---

[36] Примечания: 36
По Фаренгейту (по Цельсию +10).

[37] Примечания: 37
+27 по Цельсию.

где бы он меня там положил? В моей кровати? В незаконченном подвале, который наверняка бы затопило при половодье? В гараже, где, несмотря на плохую теплоизоляцию, было слишком тепло, чтобы предотвратить гниение моего тела? Нет. Мне нужна была могила, и ему нужна была помощь, чтобы выкопать ее.

Он сымпровизировал.

Я знаю, что отец был в отчаянии: он поверил своим замерзшим, дрожащим рукам, которые не смогли найти пульс. Возможно, он даже особо не подумал, прежде чем оставить меня там и отправиться на станцию.

Шонин, конечно же, не нужно было проверять мое запястье, чтобы понять, жива ли я. Она чуяла это.

Кома отпустила меня, словно лихорадка, как только она вонзила зубы во внутреннюю часть моего бедра. Бедренная артерия, окруженная мышцами и жиром, — лучший якорь. Ее можно прижать, а значит, сосать быстрее, что, в свою очередь, не оставляет телу шансов осознать, что оно умрет прежде, чем яд заполнит систему кровообращения. Запястье для пробы, горло для осушения, бедро для обращения.

Я чувствовала, как она *вытягивает* кровь из мо-

его тела, резкий рывок и покачивание — именно таким я представляю себе головокружение, когда встаешь слишком быстро, — только усиленное клыками, намерением и неотвратимостью. Шонин не могла знать, что мое сердце, как и все мои мышцы, было намного слабее, чем у большинства людей. Оно не могло качать кровь достаточно быстро, чтобы яд заполнил меня и вернул к жизни. Не могло без некоторого поощрения.

Всё было мрачно и чисто. Никаких мыслей, только яркая боль и ощущение падения.

А потом жар. И рот, наполненный — больше, чем он мог вместить, — чем-то густым, как патока. Вкус лунного света и меди. Язык, пытающийся достать до зубов или нёба, потерянный. У меня не было тела, только этот рот и эта жидкая масса, наполняющая его. Я начала давиться. Мое горло раскрылось, и поток хлынул вниз. За последние годы я глотала очень мало, вместо этого использовался зонд для питания, но включилась мышечная память. Мой рот опустел, желудок раздулся от крови и желчи, я снова потеряла сознание.



— Тебя не должно быть здесь, — донесся сзади голос Шонин. Я не дергаюсь от ее внезапного появления, как это было прежде, когда она была незнакомой замкнутой девочкой в церкви, а я — неуклюжей старшеклассницей, сидящей у конца скамьи. Мы никогда не говорили с ней, ни разу за все три года, после того как она объявилась здесь воскресным утром, одинокая и сторонящаяся всех. В те первые недели новости о ней распространялись очень быстро, по большей части слухи, как это обычно бывает в маленькой южной общине, где все новое или отличающееся неизменно становится предметом сплетен. Она была то ли сиротой, то ли беглянкой. То ли пила, то ли торговала наркотой. То ли имела ребенка, то ли сделала аборт. У каждого была своя теория, но все они рисовали устрашающий портрет греха и порочности. Все были так сосредоточены на воображаемых ими предысториях, что совершенно упускали из виду (или игнорировали) очевидное: ее благочестие.

Я наблюдала за ней во время церковных служб. Ее набожность не была показной ни в малейшей степени — черт, да она даже не пела во время молитв, насколько я видела, — но что-то в ее манере складывать руки на коленях, слегка наклонять

голову, расслаблять всё тело в полном умиротворении, в полном ощущении себя *дома*, убеждало меня в том, что она знала о божественности больше, чем кто-либо из нас мог даже надеяться. Я слишком боялась даже поздороваться с ней. И это был именно страх, а не робость или растерянность, этакий томящийся ужас. Полагаю, тут в терминах есть некое противоречие. Как может что-то одновременно привлекать и отталкивать вас?

— Мы же говорили об этом, Грэйс, — произносит она теперь, и я буквально кожей ощущаю ее раздражение, когда она встает рядом со мной. — Тебе не следовало снова приходить сюда.

Моя официальная могила выглядела бесстрастно печальной в новостях, показанных прошлым вечером. Десятки людей со всего города собрались под магнолией, где, неделей ранее, я лежала в двух футах снега в своей голубой фланелевой сорочке, умершая для всего мира. Они принесли лилии, гвоздики, фиалки и плюшевых мишек — так много плюшевых мишек, несколько еще даже с ценниками, приколотыми к ушам. Подарки для мертвой девушки. Некоторые из пришедших принесли с собой таблички с написанными от руки посланиями вокруг зернистых фотографий

моего лица: «Покойся с миром», «Танцующая с ангелами», «Ее отец позвал ее домой». Последнюю принесла наша соседка, до неприличия милая женщина, постоянно называвшая меня Грэйси. Это была моя любимая табличка, словно сам Господь позвонил в обеденный колокол, и я покорно отправилась на небо. Словно мой земной отец не влил чертову тонну морфина в мой зонд вместо обеда.

В конце церемонии прощания всем раздали по дешевой белой свечке — одноразовой, с бумажной розеткой, чтобы воск не накапал на пальцы. Заупокойная молитва была красиво снята на пленку: теплые крошечные огоньки, подсвечивающие темные силуэты на фоне багрово-синего неба. Я смотрела репортаж в маленькой гостиной Шонин без звука. Бесшумно двигающиеся фигуры, хореография скорби. На последних кадрах с толпой люди собрались в очередь, чтобы обнять моего отца — его глаза были красными от слез.

Сейчас света нет. Шонин говорит, что я стану устойчивой к солнечному свету лет через пятьдесят, когда акклиматизируюсь. «Не так уж и долго», — сказала она. В тени новой луны плюшевые мишки кажутся живыми зоркими созданиями. А цветы, уже наполовину увядшие,

пахнут как-то серо. Я представляю, уже не в первый раз, как они вспыхивают от случайной искры. Весь лес может выгореть прежде, чем кто-то заметит.

Шонин отворачивается от экспозиции и встречается со мной взглядом:

— Нам нужно идти, Грэйс, — прошло всего несколько недель, но я уже учусь читать ее эмоции. Ее руки скрещены, голова наклонена, словно она старается казаться суровой, но глаза выдают ее: она обеспокоена.

— Ты его видела? — спрашиваю я.

— Что?

— Ты его видела? — медленно повторяю я, словно говорю с ребенком. Это звучит грубо, но я даже не пытаюсь сменить свой тон. — В церкви? На работе? Где-нибудь?

Она вздыхает, и этот искусственный звук только привлекает еще больше внимания к ее неподвижной груди.

— Зачем тебе это? — спрашивает она.

— Это вопрос без подвоха, Шонин. Так ты его видела или нет?

Во время нашего разговора она одета для секретной смены: черные брюки с идеально отглаженными стрелками, белоснежная рубашка,

блейзер из черного бархата, ее неизменные рубиновые подтяжки. Случайные вспышки красного изящно контрастируют с зеленым войлоком, которым обит ее карточный стол. Она ведет игры со времен ирландских пабов ее молодости, потрепанных задних комнат, наполненных громкоголосыми мужчинами, теплым пивом и синеватым дымом, окутывающим всё, словно туман. Мало чем отличавшихся, если ее послушать, от казино, в котором она проводит время теперь, раздавая карты для блэк-джека и техасского холдема.

— Здесь нет ничего для тебя, — мягко произносит Шонин, касаясь моей руки. Ее ирландский акцент усиливается, когда голос становится тише. Ее слова звучат, словно колыбельная на ветру. — Если бы ты хотела успокоения или время погоревать, это одно. Но приходить сюда каждую ночь, каждый раз спрашивать о нем… Это нездорово.

Я отдергиваю руку, поворачиваю голову к запаху умирающих цветов.

Спустя мгновение я говорю:

— Сколько людей ты обратила?

— Прости?

— Сколько? Я ведь точно не первая.

Это, наверно, беспардонный вопрос. Я пока еще мало что понимаю в этикете вампиров. Тишина сгущается, и когда я уже решаю, что она не ответит, она говорит:

— Немного за все эти годы. Только в ситуациях, подобных твоей.

— При страшных бурях и передозировке морфином?

— При убийствах, — бесстрастно произносит она, просто характеристика, но это слово пронизывает меня — как ее клыки там, среди снега. — Даже тогда обращение — последняя надежда. Я не делаю выбор, если только единственным другим вариантом не является… ладно. Я считаю, что противоестественная жизнь лучше противоестественной смерти. — Она пожимает плечами: — Иногда я ошибаюсь.

— Что, они не *хотят*, чтобы их спасли?

Я снова смотрю на нее. Ее взгляд сосредоточен на стволе магнолии. А может, она просто смотрит перед собой. Хотелось бы мне знать, кто обратил ее все эти века назад. Хотела ли она, чтобы ее спасли.

— В этом-то всё дело, — говорит она. — То, что для одного человека спасение, для другого — проклятие. — Ее слова повисают между нами,

почти осязаемые в холодном ночном воздухе. Она опускается на колени, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и в этом движении я вижу какую-то снисходительность, хоть и знаю, что она просто хочет меня успокоить. — Они всё еще могли бы выдвинуть обвинение.

Я напрягаюсь.

— Они не будут.

— Они могли бы.

— Если бы они хотели арестовать его, они бы сделали это, как только он пришел к ним в участок с признанием, что он убил свою дочь. Но они этого не сделали. Они отпустили его домой. — Мой голос становится громче, пусть и не до крика, но темнота сама по себе всё усиливает. — Вокруг дома не было полицейской ленты. Никаких наручников. Никакого опроса соседей. Они похлопали его по спине и выразили соболезнования. Они позволили ему стоять возле этой имитации мемориала и *плакать*.

У меня болят руки. Почему у меня болят руки? Я опускаю взгляд и вижу сжатые кулаки. Я выдавила на ладонях кровавые полумесяцы. Я всё еще не привыкла к этой новой силе. Вампиризм — почти полное зеркало болезни, которая у меня была при жизни, он увеличивает силы вместо ослабления

моих мышц. Я пыталась поднять голову, когда очнулась после обращения, и едва не свернула шею из-за полного отсутствия сопротивления. Конечно же, я по-прежнему не могу ходить. Никакая возросшая сила не сможет расправить жилы, натянутые до предела, словно канаты, за все те годы, что они не использовались, и слава богу.

Я не думаю, что смогла бы справиться с такой потерей самой себя.

Я тру ладони о джинсы. Кровь впитывается в ткань, расползаясь по туго переплетенным нитям.

— У тебя впереди вся вечность, — говорит Шонин. — Одна жизнь за другой. Может, тебе лучше сосредоточиться на этом? На будущем?

Она выглядит полной надежд. Три сотни лет за плечами, а ее лицо по-прежнему кроткое и очаровательное, как закат. Как ей удается так долго оставаться теплой, в то время как всё мое существо заледенело с ног до головы?

— Знаешь, его первоначальный план заключался в том, чтобы отключить мне кислород. Он сказал, это самый простой вариант, просто нажать выключатель и позволить природе взять свое.

— И почему он этого не сделал? — спрашивает

Шонин.

Я поворачиваю ладони к тусклому ночному свету. Они уже зажили, и пятно на моих джинсах — единственное доказательство, что я всё еще могу истекать кровью.

— Он решил, что для него это слишком тяжело. — Мой голос звучит ровно, словно доносится издалека, словно я слышу саму себя, разговаривающую в другой комнате. — Он планировал позволить мне медленно задыхаться, пока я не умру, но не думал, что сам сможет такое пережить. «Морфин мягче, — сказал он, — это словно уснуть. Это всё равно что еще раз уложить мою маленькую девочку спать». Когда лекарство подействовало, я потеряла способность двигаться. Не могла поднять руку или повернуть голову. Каждый дюйм моего тела казался невозможно тяжелым, словно мои вены налились свинцом. И еще я не могла говорить. Не могла кричать, хотя, может, дело было в панике, а не чем-то еще. Единственная мысль, что смогла пробиться сквозь туман и ужас… — Я делаю глубокий сбивчивый вдох и закашливаюсь от огня в моих бесполезных легких. Я постоянно забываю, что дышать теперь необязательно. — Я подумала: «Я должна сказать ему, что что-то не так. Он должен

привести помощь».

Шонин снова осторожно касается моей руки. Я не убираю свою. Она потирает большим пальцем линию жизни на моей руке, где всего несколько минут назад было четыре кровавых полумесяца.

— Именно тогда он и сказал мне, что сделал, — говорю я. — Когда я уже ничего не могла поделать с паникой, смущением, гневом и страхом, кроме как закрыть глаза и попытаться подумать о чем-то другом. Только тогда он сказал мне.

Мы стоим так несколько минут: взявшись за руки, она на коленях в красной глине, я в допотопном кресле с ручным управлением, который Шонин украла из казино и от которого болят все суставы и мышцы моего тела. Поверх ее плеча за нами наблюдают плюшевые мишки.

— Воскресное утро, первый ряд, — мягко произносит она, и я понимаю, что она отвечает на вопрос, который я задала ранее. — Его имя было первым в молитве прошения. Отец Белл попросил Господа даровать ему силу и успокоение перед лицом такой ужасной потери.

Я смотрю на груду подарков, оставленных мертвой девочке. Она чувствует себя так далеко отсюда. Может, ее и вправду забрали волки. Может, она накормила целое логово, согрев во время

снежной бури. Может, она даже прямо сейчас бежит с волками.

— Что ты будешь делать? — спрашивает Шонин.

— То, что сделала бы любая хорошая дочь, — отвечаю я. — Отплачу ему той же добротой.

АТЛАНТА ДЖОРНАЛ-КОНСТИТЬЮШН

«Убийство из милосердия» дает толчок всенародному обсуждению поддержки опекунов

Вслед за недавней смертью семнадцатилетней Грэйс Уильямс от рук ее отца, пятидесятитрехлетнего Гранта Уильямса, разгорелись споры вокруг недостатка поддержки опекунов детей с тяжелой инвалидностью. Грэйс Уильямс, родившаяся с нейродегенеративным заболеванием, была прикована к инвалидной коляске и нуждалась в интенсивном круглосуточном уходе. Ее отец, который в одиночку растил девочку и заботился о ней с тех пор, как его бывшая жена подала на развод десять лет назад, сослался на неподъемную ношу как одну из причин, по которой он решился на то, что многие

называют «актом милосердия».

«Больше всего на свете я хотел дать Грэйс покой. Это было для меня главным. Ее жизнь была постоянным страданием, и никто не может просто смотреть, как его маленькая девочка через всё это проходит, – сказал Уильямс недавно в интервью «Атланта Ньюс». – Но люди не понимают, как тяжело быть единственным ухаживающим. Пытаться сохранить работу, приносить в дом еду и при этом заботиться о Грэйс? Это был непосильный труд. Изматывающий».

В последние недели он открыто заявляет о шокирующем недостатке поддержки, доступном опекунам таких детей, как Грэйс. В то время как некоторые организации предлагают финансовую помощь для оплаты медицинского оборудования и визитов врачей, крайне мало делается для обеспечения эмоциональной поддержки и возможности передохнуть.

Несколько адвокатских групп, специализирующихся на инвалидности, осудили действия Уильямса и реакцию общества. «Наши симпатии на стороне

Грэйс Уильямс, которую лишили жизни бессмысленно и жестоко», – сообщил представитель «Всеобщего доступа», базирующейся в Атланте некоммерческой организации, в электронном письме к «Атланта Джорнал-Конститьюшн».

«Это преступление, чему мы подвергаем родителей, – добавил также в интервью для «Атланта Ньюс» Уильямс. – Просто преступление ожидать, что родители пожертвуют всем ради этих бедных детей, и не предоставлять совершенно никакой помощи. Это неправильно».

Сообщается, что Уильямс планирует создать фонд имени своей дочери, чтобы поднимать эти вопросы, хотя он пока еще не сделал официальное заявление.

В моей комнате стоит спертый дух. Воздух ложится мне на язык, словно уже слеживается в комья забытой пыли. Все вещи там, где я их оставила. На столе грудой свалены книги, журналы и вывалившиеся листы газет. На подоконнике стоит свеча с ароматом яблока и корицы. Увлажнитель наполовину заполнен водой. Он даже на заправил мою кровать. Плед скомкан в ногах,

простыни смяты. На матрасе виден отпечаток моего тела, продавленная впадина от многих лет сна в одном и том же месте, в одном и том же положении, ночь за ночью. Эта картина заставляет меня почувствовать себя еще более беззащитной, чем если бы я была голой.

— Мне нужна будет помощь, если ты не возражаешь. — Я киваю в сторону своего кресла, стоящего в углу. Он не потрудился и вытащить зарядное устройство, что мне только на руку. Наверно, батарея и так была в порядке, ведь никто не пользовался ею всё это время, но видеть немигающую зеленую лампочку, означающую «Полный заряд», всё равно было облегчением.

— Конечно, — говорит Шонин. — Скажи, что тебе нужно.

Пересадка с ужасного кресла-замены на моего верного друга проходит гладко. Шонин с легкостью поднимает меня, ведь мой вес ничтожен даже с учетом недавно увеличившейся плотности мышц. Она аккуратно усаживает меня и ждет указаний. Она не делает предположений, что мне нужно, и, очевидно, инстинктивно позволяет мне вести…

— Спасибо, — говорю я.

Мы упаковываем несколько смен одежды,

некоторые книги, мои подушки. Всё прочее я оставляю. Их можно заменить, все эти вещи мертвой девушки. Сделав это, мы идем в столовую. Теперь нам остается только ждать. Я волновалась, что он может опередить нас, потому что обычно после работы он сразу идет домой. Ну, обычно он после работы сразу шел домой, но это было тогда, когда он должен был быть здесь ради меня. Кто знает, какое расписание у него теперь? Может, он отправляется в бар, или к другу, или куда-то еще, куда идут люди, которые не обязаны быть где-то. Нам, возможно, придется ждать несколько часов.

В окно вдруг ударяет свет фар. Шины хрустят гравием на подъездной дорожке.

И опять же, может, нам и не придется.

— Ты уверена? — спрашивает Шонин, когда хлопает дверь машины.

Медленные, уверенные шаги снаружи. Терпеливые шаги, отстукивающие беззаботный ритм по крыльцу.

Мое сердце больше не бьется, но я чувствую его присутствие — солидного ломтя упругого мяса под клеткой из костей. Как мне узнать, что я напугана или взволнованна, если мое сердце не может ускорить свой темп? Дверная ручка

проворачивается, и острое, яркое нечто заставляет меня содрогнуться. Мне холодно. Внутри меня больше нет потока крови, чтобы сохранять конечности теплыми. Больше нет солнечного света, чтобы отогнать холод, пока нет. Возможно, тепло переоценивают. Холод бодрит, оживляет. Холод может пробудить или ввести в оцепенение. Холод — температура сохранения.

В определенный момент холод может обжечь.

Дверь широко распахивается.

— Привет, папочка.

Когда он теряет сознание, треск черепа при ударе о твердую древесину не похож на хруст замерзших ветвей деревьев за потемневшим от снегопада окном.

Он приходит в себя, когда Шонин склоняется над ним, его пещерный мозг видит опасность, которую она собой представляет, из глубин бессознательного. Его руки взмывают в воздух в попытке отодвинуться от нее, но она просто спокойно отступает назад, ко мне. Он бросает лихорадочный взгляд на открытую дверь.

— Точно нет, — говорю я. — Тебе всё равно далеко не уйти.

— Ты умерла, — говорит он. Ему удается сесть, прислонившись спиной к стене, подобрав ноги к

груди, как будто это его защитит.

— Более или менее, да. — Мой голос ровный, намеренно непринужденный. Я сознательно держу ладони на коленях раскрытыми, чтобы ногти были подальше от кожи.

— Ты умерла, — повторяет он. — Ты умерла. Я знаю, что ты умерла, я уб… — Он захлопывает рот с таким усилием, что прикусывает щеку. Я знаю это, потому что могу чувствовать запах крови. Это странно, но запах кажется мне знакомым, принадлежащим ему. Может, моя память незаметно для меня сохранила запах случайных порезов или носового кровотечения.

— Ты… что, пап? Закончи предложение. Что ты сделал?

Шонин встает между нами, защищая меня от него или его от меня, я не уверена. Лицо, прежде выражавшее всю мягкость под тусклым светом звезд, пробивающимся между голыми ветвями, теперь стало личиной хищника. Внимание отца тоже сосредоточивается на ней. С этой головоломкой проще справиться, я полагаю.

— Ты та нелюдимая девочка из церкви, — говорит он так, словно она какое-то цирковое животное, без приглашения забравшееся к нему в дом. — У которой нет родителей. Кто ты?

— О, у меня есть родители, — произносит она, придавая своему голосу густой, как сироп на печенье, ирландский акцент. — Просто они умерли в 1768 году, знаете ли.

Я почти вижу, как его мозг пытается понять, что происходит. Он не столько напуган, сколько удручающе смущен. Словно он спит и видит всё происходящее во сне. Или получил сотрясение мозга, когда упал в обморок. Я хочу, чтобы он полностью присутствовал в этом моменте, в этой ужасной реальности, а не блуждал там, где разум может спасти его простыми объяснениями вроде галлюцинаций.

— Шонин, — зову я, не сводя глаз с отца. У него отросла борода. Обычно он бреется каждый день, чтобы не было даже намека на легкую щетину. Хотела бы я знать, почему он перестал бриться. Какое-то странное выражение траура? Вины? Или, может, ему нужно четкое напоминание, что он жив и всё еще движется вперед во времени.

Шонин приподнимает бровь. Изгиб этой линии говорит: «Всё, что пожелаешь». Надеюсь, что она может читать меня так же хорошо, как я, мне кажется, читаю ее.

— Ты голодна, Шонин?

Она медленно пожимает плечами:

— Я не против поесть.

Развожу руки в стороны. Этот жест намного более широкий, чем я могла сделать за всю свою жизнь, мои руки поднимаются с подлокотников и вытягиваются от плеч. Это кажется неправильным.

— Что за хозяином будет Грант, если не предложит тебе перекусить?

Мгновение она пристально смотрит на меня, и я слышу ее голос, спросивший ранее: «Ты уверена?»

Бросаю взгляд на выставленное в сторону запястье. *Запястье для пробы.* Она кивает, а потом делает такое быстрое движение, что я едва успеваю проследить за ней взглядом.

Отец вскрикивает, когда зубы Шонин разрывают кожу. Звук продирает меня вверх и вниз по позвоночнику. Никогда не слышала, чтобы он так кричал. Я смутно помню похожие вскрики, прежде чем моя мать ушла, но тогда я была совсем маленькой. Возможно, это даже не были реальные воспоминания, просто ссоры, которые я выдумала, чтобы заполнить пробелы. Это другое. Первобытное. И во мне вдруг вспыхивает неожиданная отчаянная необходимость прекратить его боль.

Я сжимаю кулаки и позволяю Шонин пить.

Всего через несколько секунд она отодвигает его руку от своего рта. Она всегда пьет аккуратно, на ее губах красный глянец, словно оттеночный блеск для губ.

Тошнота подступает к моему горлу, меня выворачивает.

В мгновение ока она оказывается рядом со мной.

— Эй, всё в порядке. Я здесь. — Она медленными кругами водит по моей спине, пока я содрогаюсь в рвотных позывах. Она убирает мои волосы назад, прикладывает руку к моему лбу, чтобы помочь мне справиться с приступом. Я не привыкла к этому телу, к этой силе. Я не привыкла ко всему этому.

— Я не могу, — всхлипываю я с полным ртом яда.

— Кто, мать твою, ты такая? — откуда-то издалека доносится вопль отца. Из другой комнаты, может, или другой жизни.

Шонин продолжает держать меня, пока я трясусь и захлебываюсь. Я смутно вижу, что мои руки становятся темно-темно-красными, после того как вытираю ими свое лицо. Кровь. «Мы плачем кровью, — догадываюсь я. — Как получилось, что

до этого момента я еще ни разу не заплакала?»

— Чертов монстр! — кричит отец.

— Назад, — произносит Шонин надо мной.

Теперь он рядом. Я чувствую… чувствую запах раны. Его крови. Она пахнет теплом.

Он стоит на коленях. Я чувствую его дыхание на своем лице. Мерзкий жар.

— Что, черт побери, ты сделала с моей дочерью, проклятый демон!

Он протягивает к моему лицу свою здоровую руку. Не укушенную. Прежде чем он успевает моргнуть, я хватаю его за руку и дергаю назад у локтя. Под натянутой кожей просвечивает вывернутая кость. Почти перламутровая. На этот раз он не кричит.

— Нет, — говорю я. Мой голос тихий, но уже не такой ровный. Даже в этом единственном слоге, этом крошечном идеальном слове я слышу тот кусачий зимний ветер, что прожигает кожу до мяса. — Не смей меня трогать. Не смей притворяться, что тебе на меня не плевать.

— Грэйс, я…

Я выкручиваю сильнее. Он охает.

— Что она сделала со мной? Она спасла меня. Она нашла меня, и она спасла меня. А что сделал ты, папа? Давай поговорим об этом, а? Давай

поговорим о том, что сделал ты.

Он снова плачет. На его глазах выступают слезы и стекают ручьями по его щекам. Я помню, как ощущала эти слезы на своем лице. Как они оставляли соленые следы на моей коже. Я выкручиваю сильнее.

Шонин касается моего плеча.

— Грэйс, — говорит она, — не надо этого делать, ладно? Не делай того, о чем потом пожалеешь. Пожалуйста.

Я пронизываю его тяжелым взглядом.

— Что, если я пожалею о том, что позволила ему жить?

Она опускается на колени рядом со мной. На этот раз ее движение кажется поддержкой, кажется любовью.

— Тогда убей его.

Отец взвывает. Я никогда раньше не слышала такого звука. Чистый, всепоглощающий ужас. Это тот звук, который издала бы и я, когда мое сердце замедлило свой ритм до полной остановки, если бы я могла.

— Всё, что я когда-либо делал, было ради заботы о тебе, — говорит он. — Всё, чего я когда-либо хотел, это помочь тебе. Спасти тебя. Ты заслуживала милосердия.

Внезапно я понимаю, чего он заслуживает. Что важнее, я понимаю, чего заслуживаю я.

— Я верю тебе, папа. Правда, верю. — Я отпускаю его руку, наблюдая, как отчаяние на его лице осторожно сменяется надеждой. Я наклоняюсь вперед и шепчу: — Но убийство не является милосердием.

Я бросаюсь вперед.

Ю-ЭС-ЭЙ ТУДЕЙ

Жертва мнимого «убийства из милосердия» жива и записала видеообращение

Грэйс Уильямс, девушка, которую все считали жертвой «убийства из милосердия», в недавно выпущенном видео сообщила, что осталась жива после попытки отца убить ее.

На видео, подлинность которого независимо друг от друга подтвердили несколько информационных агентств, Грэй Уильямс описывает события вокруг ее предполагаемой смерти. «Мой отец на самом деле пытался убить меня, – говорит она в камеру. – Но, к счастью, мой друг нашел меня там, где отец оставил мое тело на снегу, ошибочно посчитав,

что я уже умерла».

Мисс Уильямс говорит, что в настоящий момент она восстанавливается при поддержке друга в месте, расположение которого не раскрывается, и не планирует возвращаться в родной город, так как считает это для себя небезопасным.

«Отец не считал, что моя жизнь стоит того, чтобы жить, и потому попытался положить ей конец. Он поверил, что преуспел в этом. Если бы моему другу не повезло найти меня, то это и вправду было бы так, – добавляет она. – Но он ошибся в двух вещах. Во-первых, он меня не убил. Во-вторых, моя жизнь всегда стоила того, чтобы жить».

Средства массовой информации, освещавшие мнимую смерть мисс Уильямс, представляли Гранта Уильямса как любящего и многострадального опекуна. Попытка убийства была массово названа «убийством из милосердия», и против него не было выдвинуто никаких обвинений.

«В действиях моего отца не было ничего милосердного, – говорит мисс Уильямс

в конце пятиминутного видео. – Я надеюсь, что каждый, кто назвал их такими, задумается над тем, как вообще можно было посчитать убийство проявлением доброты, а не жестокости. Почему вас оказалось так легко убедить в том, что моя жизнь ничего не значит? Почему никто не спросил, что моя жизнь значила для меня самой?»

Мисс Уильямс заявляет, что это ее последнее сообщение, и просит власти не искать ее. Тем не менее, так как она всё еще несовершеннолетняя, в настоящее время осуществляются ее поиски.

Грант Уильямс пока не ответил на разоблачительное видео своей дочери, хотя поступают сообщения, что его экстренно доставили в больницу прошлой ночью с тем, что власти называют «таинственные травмы».

Источник, близкий к Государственной исполнительной службе округа Робертсон, сообщил, что выдвижение обвинений против мистера Уильямса в попытке убийства «возможно, но маловероятно без согласия Грэйс Уильямс сотрудни-

чать». Тем временем онлайн-петиция, призывающая отстранить мистера Уильямса от преподавания в школе, набрала уже пятьдесят тысяч подписей. Мы продолжаем следить за развитием событий.

Волшебное исцеление, или Воплощение мифа о вампирах
Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Хорошего вампира сложно убить. Конечно, есть особые методы: колья, обезглавливание, солнечный свет, святая вода, укус оборотня. Иногда на это способно серебро. Но по большей части вампирам нельзя причинить вред, их раны быстро заживают. Они владеют суперскоростью, силой, обостренными чувствами и, в некоторых вариациях, могут даже летать. Во многих случаях обращение человека в вампира может спасти ему жизнь, как, например, это произошло с Клавдией в «Интервью с вампиром». В этом случае вампиризм представляется исцелением от неизлечимых болезней (например, чумы!) или смертельных ран. Но это скользкий путь, и мы также можем увидеть представление вампиризма как исцеление от всех болезней и физических недостатков в виде, отчуждающем людей, для которых хронические заболевания и инвалид-

ность являются частью личности. Волшебные исцеления предполагают, что с болезнью или инвалидностью можно жить, только всегда мечтая о чем-то еще. Рассказ Кайлы рассуждает именно на эту тему. Грэйс превратилась в вампира, но, в то время как она получает некоторые из магических чувств, ее тело остается ее телом. Быть собой, даже когда ты нежить, — вот что делает тебя могущественным.

Если бы вы превратились в вампира, что в себе (назовите что-то одно) вы не стали бы менять?

Вампиры никогда не говорят: «Умри»

Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Бриттани

Я честно не знаю, почему это сделала.

Сейчас я уже мало о чем могу так сказать. Я не импульсивна. Возможно, была когда-то, но опрометчивость — роскошь юных. Смертных.

Я ни та, ни другая.

Может, поэтому я и завела аккаунт в Инстаграме. Чтобы чувствовать связь с тем, что потеряла. Или, может, мне просто нужно было какое-то хобби, и Инстаграм показался таким же вариантом — не хуже, чем все остальные. Даже лучше, потому что всё, что мне нужно было сделать, это выбрать имя, и я могла стать кем угодно — тем, кем хотела быть.

Возможно, мне хотелось найти место, где я бы ни за что не несла ответственность. Где я бы не была Бриттани Николетт Фонтэйн, вампиром — главой Нью-Йорка. Где каждый момент каждого дня не был бы посвящен обсуждению власти.

Полагаю, наивно думать, что в Инстаграме нельзя найти власть, но она определенно не моя, и какое-то время мне это нравилось.

Несмотря на неспособность полностью участвовать в создании селфи, я нахожу опосредованную радость в наблюдении за жизнями других людей по рекомендациям. Есть что-то успокаивающее в осознании, что никто из нас не является таким, каким мы себя выставляем. Бриттани, которой я делюсь онлайн, ненастоящая, и чем на самом деле чудесна эта эра социальных медиа, так это тем, что никто и не ожидает, что она что-то большее, чем миф. Выдумка, построенная на чем-то настоящем. Слой кружева шантильи на фарфоровой, изголодавшейся по солнцу коже. Как мое бледное отражение в высоких окнах квартиры.

Я подхожу ближе, пока меня и стекло не разделяет лишь дыхание. Но даже тогда девушка, смотрящая на меня, как из тумана, расходится чередой образов в свете, что просеивается через город внизу, словно холодное, бледное пламя. В строптивой полосе деревьев, что заслоняет дороги внизу, мелькает река. Это лента темноты, пойманная между вездесущими рядами желтых фонарей, растущих вверх, словно колосья. Пространство между пространствами.

До этого момента я была счастлива находиться в этом пороговом пространстве между тем, что реально, и тем, что нет, между тем, что человеческое, и тем, что нет. Я наслаждалась свободой, которую находила в конструировании отражений себя в образах того, что я видела в мире вокруг. Но сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что совершила фатальную ошибку в суждениях.

Для большинства ее зовут Теолинда, или @YoSoyTheolinda.

Я снимаю блокировку с телефона и вожу большим пальцем по экрану, пока не открываются мои сообщения в Инстаграме. Лишь трое людей общаются со мной таким образом. Первая из них Имоджен. Я до сих пор не знаю, как она нашла мой аккаунт, но она самая юная из моих «пёти кро»[38] и обычно первая приспосабливается к меняющимся технологиям и социальным моделям. Второй, мужчина по имени Брэд, забрасывает меня типичными сообщениями в духе прямых подкатов, но я никогда не отвечаю, потому что мне всё равно, что он одинок и считает, что мы идеальная пара. Это не так.

Третья — это Тео. Фото ее профиля — изобра-

---

[38] Примечания: 38
Маленькие клыки (*фр.*).

жение полумесяца, переходящего в сияющий розовый цветок. Я выбираю ее имя, и на маленьком экране открывается наш разговор. Мы разговариваем так с тех пор, как она заметила единственное селфи, которое я когда-либо выкладывала. Ей тогда едва исполнилось пятнадцать. Мы не всегда говорили подолгу, но после начального обмена любезностями и прочих видов социального взаимодействия, которых можно ожидать от ребенка и бессмертного взрослого, наши разговоры приняли неожиданный поворот.

Они стали значимыми.

Мы обсуждали жизнь, потери, перемены. Мы обсуждали, что значит оказывать влияние и быть под влиянием. Мы обсуждали власть, тела и смерть.

А потом вдруг, совершенно из ниоткуда, из галактической синевы, это.

Последнее сообщение Тео висит в верхней части экрана. Это фотография девушки в белом платье, стоящей в темном туннеле. Оно размыто, как будто камера дрогнула от вспышки света, но я могу разглядеть ее слегка смуглую кожу, длинные черные кудри, переброшенные через одно плечо, губы, накрашенные темно-красной помадой.

В нижней части фотографии витиеватыми

серебряными буквами выведено:

Кто эта девушка? Узнаешь завтра.
«Корни и Руины» (зал на подвальном этаже) в 20:00.

На этот раз я ей не ответила. На одно призрачное мгновение я убедила себя, что встреча с Тео в реальной жизни будет просто прекрасной. Несмотря на огромную и существенную разницу в возрасте, не говоря об обстоятельствах, я думала, что встретиться с ней будет всё равно что увидеть солнце. А я очень хотела снова увидеть солнце.

Но одевшись в слои серебряного, черного и розового, нарисовав тяжелые черные линии вокруг своих зеленых глаз, нанеся на губы идеальный оттенок зимней ежевики, я пришла в чувство. Теолинда — девушка и ребенок. Она знает меня по набору безлюдных городских пейзажей, на которых я поставила ироничную отметку #селфи, и по нескольким фразам, которыми мы обменялись. Она и понятия не имеет, кто я на самом деле, а узнав, придет в ужас.

Дружба, которую мы вместе построили, — осенняя паутина на ветру и чудесный сон, которым я и так уже наслаждалась слишком долго. Еще немного, и она станет опасной для нас обеих.

Под сдержанным натиском сожаления я открываю новое сообщение и набираю:

«Застряла в пробке. Наверно, не успею. Прости».



Тео: О боже, какой классный фильтр! Где ты его нашла?

Бриттани: Это мой любимый вампирский фильтр, ха-ха.

Тео: Я знаю, что ты шутишь, но ты когда-нибудь задумывалась, каково это — жить вечно?

Бриттани: Мне кажется, довольно одиноко.



Теолинда

— Я честно не знаю, как мне переплюнуть саму себя, — произношу я в пустой комнате.

Зал «Корни и Руины» на подвальном этаже — мой шедевр. Правда. На стене висят черные бархатные шторы. Барная стойка из красного дерева, которая раньше была покрыта паутиной, способной посоперничать с той, что заполонила мой чердак, сверкает после полировки и обра-

ботки очистителем с запахом лаванды. Хотя, возможно, паутина подходила бы по тематике.

Ну да ладно, всегда есть следующий год.

Парень в кожаной ковбойской шляпе, бархатном жилете и джинсах, разорванных настолько, что их вряд ли можно считать брюками, входит в зал.

— Привет, я диджей Хекс Маркс Спот[39].

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы сдержать смех. У меня наверняка выпучиваются глаза, но я не могу позволить себе испортить стрелки, которые смогла нарисовать ровно лишь с третьего раза. Эти стариканы такие отвратительные.

— Мм-хмм. Так это не просто ваше прозвище. Ладно, ладно, ладно. Я — Тео. Можете расположиться рядом с баром. Помните. Никакой поп-музыки. Никаких песен семидесятых и восьмидесятых. Исключение только для «Лед Зеппелин». — Я прикусываю кончик заостренных ногтей. Мой гель-лаковый маникюр белый, но конец каждого ногтя выглядит так, будто его макнули в кровь. Эй, я думала, это будет остроумно, даже если и очевидно. — Хотя не совсем уверена, что именно слушает Бриттани. Ей нравятся мои

---

[39] Примечания: 39
Место отмечено проклятием (*англ.*).

музыкальные подборки, но обычно это девчачий рок… А знаете что? Вы профи.

Когда диджей Я-никогда-не-повторю-его-настоящее-имя расплывается в улыбке, его зубы на мгновение кажутся чересчур белыми и острыми.

— Да, я профи. Меня ведь порекомендовала Имоджен, верно?

— Ага?

— Тогда заметано, птичка.

Я издаю нервный смешок.

— Располагайтесь, а я пойду проверю, есть ли у нас лед.

Разблокировав телефон, я отправляю несколько сообщений. Мне пришлось пригласить Мириам, мою подругу по школе, потому что ее папа — владелец этого клуба. Но она лечится от ангины, которую подхватила от Энди Джексона Третьего. Было крайне сложно объяснить Мириам, для кого устраивается эта вечеринка-сюрприз на день рождения. Она заявила: «Вампиры — это же такой 2005». У меня есть очень подробный памятный альбом о времени, когда мы ходили на полуночную премьеру «Сумерки: Рассвет — часть вторая» в пятом классе, который свидетельствует, что когда-то она думала иначе. Я желаю ей выздоровления, а потом открываю сообщение

от ее отца. Я заверяю мистера Гринспена, что всё под контролем и взрослые охранник и бармен уже приехали (это не так). Но еще рано. Мистер Гринспен владеет четырьмя ночными клубами и барами в Нижнем Ист-Сайде. «Корни и Руины» — наименее популярный из них, и, наверно, именно поэтому он разрешил мне занять бар в подвале, который еще до конца не отделан и в котором стоит этот нью-йоркский запах цемента, плесени и чуток мочи. Но благодаря черной бархатной ткани, прибитой скобами к стенам, он кажется вампирским укрытием, которое я хотела сделать для Бриттани.

Я разрываю пакет с пластиковыми вампирскими зубами и высыпаю их на барную стойку. Диджей приглушает свет, и они поблескивают в темноте. Приезжает бармен — хмурый парень, похожий на Оскара Исаака, если бы Оскар Исаак нырнул в тот же чан с чем-то радиоактивным, который сделал волосы Джокера зелеными.

— Ты тут босс, нинья[40]?

— Только мой папа зовет меня нинья, — отвечаю я, и он смеется. — Я — Тео.

Он пожимает мне руку. Мой папа всегда учил

---

[40] Примечания: 40
Малышка (*исп.*).

меня смотреть другим людям в глаза и никогда не отводить взгляд первой. Жаль, это не работало в школе с учителями, которые словно смотрели сквозь меня. И опять же, мой папа — из поколения иммигрантов, считающих, что всё справедливо, если ты просто работаешь достаточно усердно, чтобы умереть за это, даже если тебя недооценивают и мало платят. А я? У меня есть мечты. Большие. И крепкое рукопожатие мне не повредит, я полагаю.

— Слушай, охранник нас продинамил, — говорит Джокер-латинос, почесывая татуировку на левом бицепсе. — Мне позвонить мистеру Гринспену?

— По правде говоря… — Я поднимаю телефон. Папа также учил меня никогда не лгать. Не красть. Не грешить. Я потерпела фиаско в своем катехизисе не без причины. Но есть вещи, которым мой папа-эквадорец не может меня научить. Не в этом городе, не в моей школе и определенно не в этом баре. — Я только что переписывалась с мистером Гринспеном, и он сказал, что всё в порядке.

Уладив этот вопрос, я концентрирую свое внимание на завершающих штрихах. С потолка ненадежно свисает ржавая люстра-канделябр.

Она выглядит как источник угрозы, нечто из дома с привидениями. Вооружившись стремянкой, вставляю в каждый подсвечник свечки на батарейках. Закончив, отодвигаюсь назад. Потолок издает странный стонущий звук, и я за секунду задерживаю дыхание в ожидании, что он обрушится. Но всё хорошо. Диджей включает музыку — что-то с тяжелыми басами и низким звучанием гитары.

— Вот *теперь* я превзошла сама себя, — говорю я.

— Определенно, — говорит молодая женщина, которую я сразу же узнаю. Ее светлые волосы серебристого оттенка напоминают мне ватные палочки. У нее четко очерченные скулы и губы, которым позавидовали бы большинство аккаунтов по обучению макияжу. На ней полностью кружевное платье, как на обложке той ужасно старой пластинки моей мамы с надписью: «Стиви Никс». Ее тонкая шея украшена ожерельем-чокером из белого кружева, и ходит она так, словно привыкла владеть залом.

Это та поза, которую я так усиленно пыталась принять на своих фотографиях. Конечно, я и так получила четыре тысячи лайков, стоя на фоне Бруклинского моста, но я определенно ничем не

владею, как Имоджен. Но буду когда-нибудь.

— Вы, должно быть, Имоджен! — говорю я. Я прочищаю горло и пытаюсь овладеть своим голосом. — Я Тео. Рада, что вы получили мое приглашение. Мы как раз начинаем.

— Какая же ты… очаровательная. — Ее рост примерно пять футов и семь дюймов, лишь чуточку выше меня. Цвет ее глаз кажется совершенно нереальным, мраморно-голубой с ореховым. Всё мое тело напрягается, когда она замирает в пяти дюймах от меня. Мне сразу же инстинктивно хочется отступить на несколько шагов назад. Но знаете что? Я всю свою жизнь ходила в католическую школу, потом в частную. Видела девушек куда более заносчивых, богатых, стервозных, так что я остаюсь на месте.

Я кручусь на месте в своем черном кукольном платье. Оно слегка экстравагантное и уже, чем обещала дешевая онлайн-картинка. Но я хотела как можно больше походить на Уэнсдэй Аддамс.

— Спасибо. Мне оно так нравится. Такое ретро.

Я вдруг замечаю еще одну группу женщин, стоящих вокруг нас. Как они вошли сюда так бесшумно? Три брюнетки и три рыжеволосые с настолько белой кожей, что кажется, они могли бы светиться в темноте, как искусственные зубы

на барной стойке. Одна из девушек поднимает пару и вставляет себе в рот. А потом сгибается пополам от смеха.

— Мне интересно, — произносит Имоджен, постукивая пальцем по подбородку. — Как вы с Брит познакомились?

Некоторым людям сложно объяснить, что я познакомилась с одной из своих лучших подруг по Интернету. Моя мама не понимает, почему я провожу так много времени в своем телефоне. Почему я не могу найти себе друзей по соседству или в школе, кроме Мириам. Всегда есть что-то, что мне не нравится. Это как если бы рассматривание своих фотографий могло помочь мне выяснить, кто я такая на самом деле. Я знаю несколько фактов: я дочь иммигрантов из Эквадора. Я отличница. Я собираюсь завоевать мир — когда-нибудь, как-нибудь. И если я люблю каких-то людей, то это любовь до гроба. Поэтому у меня так мало друзей.

Бриттани стала счастливой случайностью. Иногда она говорит то, что я чувствую, и мне не приходится ничего объяснять. Иногда она позволяет мне изливать душу о том, как Джини Густавсон пишет гадкие прозвища на моем шкафчике в раздевалке спортзала (и потом угрожает,

что «позаботится» обо мне). Поэтому я и затеяла всю эту вечеринку. Чтобы отблагодарить Бриттани, потому что она предпочитает не тратить время не только на заботу о себе. Она учится в колледже, и всё, что она делает, — это фотосъемка в темные и дождливые дни. #Вампстаграм — шутка, понятная только нам, и, видимо, Имоджен с друзьями посмеиваются над этим, но я думаю, что эта вечеринка — лучшая из всех идей, что когда-либо приходили мне в голову.

Так что когда она спрашивает, как мы с Бриттани познакомились, я пожимаю плечами:

— Да так. Она такая скрытная. Ты в буквальном смысле единственный человек, который когда-либо отмечал ее на фотографии.

— Ага, она стесняется камеры. — Она скользящей походкой направляется к бару и подмигивает мне: — Пойдем выпьем.

Моя мама — лучшая хозяйка из всех, кого я знаю. Она проводит весь день за готовкой еды: риса, свиного окорока, айакаса, картофельного салата, закусок, — а потом принимает душ и надевает красивое платье. Алкоголь *никогда* не касается ее губ, но она всегда широко улыбается. Я не моя мать, и мы пьем предложенные мной кровавые мимозы.

Музыка гудит, заставляя стены и потолок вибрировать, и в зале становится всё больше людей. Больше женщин, напудривших кожу в оттенок смерти. Одна женщина в платье цвета лайма и в туфлях на платформе. Она ведет на поводке пожилую женщину и садится на мягкое сиденье.

Ладно, это что-то новенькое. Может, она подумала, что это один из кинк-баров, или как они там называются.

Она приглаживает волосы женщины назад, обнажая ее шею. Они выглядят, как мы с Рики Рамирезом, когда притворялись, будто целуемся, исполняя роли Марии и Тони в школьной постановке «Вестсайдской истории».

Светлокожая девушка, по виду даже моложе, чем я, сует себе в рот сигарету. У нее такой вид, будто она актриса массовки из клипа группы «Блинк-182».

— Уф, я помню, когда этот город был живым.

Да лааааааадно?

Я иду в глубину зала, где люди как будто умножаются. Пара женщин обжимаются на двухместном диванчике. Красное вино пролилось на салфетки. Может, мне стоило принести черные салфетки?

Я меняю траекторию и иду к передней части

бара, где стоит группа из трех молодых парней, которые выглядят так, словно повернули не туда из Уильямсберга.

— Это ПСВ? — спрашивает один из них, доставая фляжку из кармана фланелевой рубашки.

Что он имел в виду? «Принеси свою выпивку»? Здесь в буквальном смысле полностью бесплатный бар!

Они замечают меня, стоящую рядом с ними, и один улыбается. Он самый молодой из них троих, с темными глазами и коротко постриженными волосами, словно только вернулся из лагеря новобранцев.

— Ты новенькая? — спрашивает он, немного смутившись.

— Не новее, чем ты, — говорю я. Я не хочу придавать слишком много шуму тому факту, что технически мне осталось чуть меньше двух месяцев до окончания школы.

— А где же виновница торжества? — спрашивает парень с закрученными вверх усами. — У меня к ней претензия. Ей пора бы ослабить поводья в отношении вампирского комендантского часа.

— И не говори, — ворчит себе под нос молодой парень. Его мускулы напрягаются, когда он забирает фляжку у своего друга. Однако он не

пьет. — Я знаю, что Имоджен всё еще бесится, но это другая история.

— Имоджен хочет обратить каждую модель, на которую падает ее взгляд. Поэтому мы и не подписали петицию.

— Ух ты, парни, вы и вправду увлечены всей этой РПГ-темой, — говорю я.

Я уже собираюсь написать сообщение Бриттани, когда ее имя загорается на моем экране. Я перечитываю строчку, где она говорит, что не сможет приехать. О нет. Это *не*приемлемо. Я, не глядя, пишу ответное сообщение и убираю телефон в карман.

Парень и его друзья бросают на меня взгляды, полные подозрительного любопытства. Он улыбается, и это придает ему схожесть с волком.

— Хочешь?

Хочу ли я отхлебнуть из фляжки странного, но определенно сексуального парня на вечеринке, которую я устроила, а виновница торжества не появилась и не ответила мне? Я хватаю ее и пью.

Жидкость теплая и немного густая. С металлическим привкусом. Я чувствую, как включается мой рвотный рефлекс. Кровь. Это совершенно точно на сто процентов кровь. Крошечный глоток заполняет мой язык и стекает с кончика рта.

Прежде чем я успеваю стереть каплю, парень подносит большой палец к моему подбородку, а потом к своему рту.

Гадость.

Когда он снова улыбается, забирая у меня фляжку, я вижу зубы. Не неоновые клыки, украшающие бар. Настоящие, острые, настолько острые, что я знаю — они разорвут кожу при малейшем касании.

Возможно, только возможно, Бриттани не лгала.

Возможно, только возможно, Бриттани, я в центре подвала, заполненного вампирами.



Тео: Как так получилось, что у тебя всего одно селфи?

Бриттани: Наверно, мне больше нравится фотографировать, чем сниматься.

Тео: Я всегда думала, что если буду достаточно много фотографироваться, то научусь больше любить себя.

Бриттани: И как, получилось?

Тео: Не знаю. Может, я уже близка к этому.



Бриттани

Я не выбирала, становиться ли мне такой, какая я есть, или нет.

Я была создана во время беззаконного периода существования вампиров, когда слово «последствия» что-то значило только для смертных. Я была едва ли старше Тео, когда встретила своего — эм, я так и не смогла определиться, как его стоит называть. «Породитель» вряд ли будет правильным словом, хотя в нем и есть доля правды. За две сотни лет мне не удалось найти слово, вмещающее одновременно безупречную жестокость его действий и преобразовательную силу, которую я обнаружила в их последствиях. Обидчик. Злоумышленник. Преступник. В них всех недостает части того ужаса, который я испытала во время нападения и после.

Он, может, и был катализатором моего превращения, но архитектором была я. Каждый выбор, который я делала впоследствии, был ответом на его вступительную речь. И если его речь была чем-то вроде того, что он сильнее меня благодаря его полу и положению, то я с тех пор трудилась над созданием своего ответа. Не всякий, кого я кусаю, становится таким, как я. Мне приходится выбирать. Я *позволяю* себе выбирать. И все

эти годы я выбирала женщин, подобных мне. Женщин, которым говорили, что они неважны, недостойны, слабы. Женщин, жадных до мира. Женщин с клыками. Моих «пёти кро».

Мой телефон издает тихий звон, напоминая, что уже десять вечера, и я пропускаю встречу. Я смахиваю напоминание, не глядя на слова.

У меня под ребрами растекается какое-то незнакомое чувство. Не голод, но что-то достаточно близкое. Застегивая свое пальто до подбородка и выходя на улицы Нью-Йорка, я как можно дальше гоню мысли о Тео и разочаровании, которое она наверняка сейчас чувствует.

Может, я не выбирала тропинку луны и теней, зато я выбрала Нью-Йорк. Сто лет назад я оставила продуваемые всеми ветрами долины и покатые горы Вирджинии ради исступленной энергии большого города. Это так просто — стать каплей в океане, когда океан невообразимо обширен.

Я сворачиваю в сторону от реки и иду к парку. Мы не охотимся здесь. Раньше охота была разрешена, почти с момента его основания в конце 1800-х, но несколько десятилетий я объявила ее вне закона. Теперь охота подвергала огромному риску всех нас. В этом парке слишком много глаз, слишком много историй, порожденных его

покатыми холмами и темными углами. Любой, решивший поохотиться здесь, теперь будет выставлен из города.

У меня не так уж и много правил. Всего несколько. Предназначение каждого из них — защитить мою стаю от мира, который кажется всё более способным понять таких созданий, как мы, и принять то, что мы реальны. Но самое важное из них: никого не обращать.

Этот город может казаться огромным, но всё способно мгновенно измениться. Мы должны принимать в наши ряды осмотрительно и с щепетильным расчетом. Любой, кто не подчинится этому указу, будет не просто выдворен, а в полной мере убит.

Минуя водоем, и под моими ногами хрустит гравий, в то время как я срезаю дорогу на юг, словно привидение, обходя обелиск с лицом из песка, подсвеченный со всех четырех углов. Уже вскоре парк остается позади, я пересекаю быстрый поток Пятого авеню и бросаюсь в лапы города.

Девушка с темными непослушными кудряшками под звуки смеха возникает в здании прямо надо мной. Ее губы красные, глаза цвета коричневых осенних листьев — они напоминают мне о Тео. Мне хватает секунды, чтобы понять, что

это не она, но я смотрела слишком долго. Улыбка девушки внезапно исчезает, и она вздрагивает, словно кто-то прошептал ей на ухо: *Опасность*. Выражение ее лица меркнет, когда она встречается со мной взглядом, она разворачивается и тут же скрывается из виду.

Зудящее чувство у меня под ребрами снова просыпается — это неголодный голод. Если бы я всё еще была человеком, у меня было бы название для этого чувства. Беспокойство? Досада? Вина? Что-то, вызывающее внутри меня конфликт с самой собой.

— Эй! Отпусти! — Голос молодой женщины пробивается из-за постоянного хора машинных сигналов, двигателей и дыма.

Я сразу же обнаруживаю ее. Она только что вышла из магазинчика на углу, в руках у нее пакеты с продуктами. Позади нее, слишком близко, стоит молодой мужчина — в его широко распахнутых глазах тот же дикий огонь, что и в улыбке. Я знаю этот взгляд. Я видела его на лицах стольких мужчин за все эти годы. Это выражение чистого наслаждения, близкой к экстазу радости от понимания, что его действия неправильны и неудержимы.

Молодая женщина делает резкий шаг вперед,

выдергивая край своего пальто у него из рук с ругательствами и проклятьями. Она поспешно уходит, оглядываясь только для того, чтобы убедиться, что он не следует за ней. Смеясь, молодой мужчина возвращается в темный угол рядом с магазинчиком, где ждет свою следующую жертву.

Ему не приходится ждать слишком долго.

Голод, который не голод, растекается всё сильнее, и я двигаюсь к молодому мужчине. Он моргает, уверенный, что всего мгновение назад меня здесь не было. Для него я проскользнула между тенями, мечта и желание.

— Следуй за мной, — говорю я, позволяя голосу звучать из груди, словно мурлыканье льва.

— Ага, — отвечает он, на этот раз с беспомощным взглядом в широко раскрытых глазах, и следует за мной под чарами моего голоса в узкую аллею, где тени уже готовы принять нас.

Я нахожу неглубокую впадину дверного проема, возможно, заднего входа магазинчика, и останавливаюсь.

— Тебе будет больно, — говорю я, и он лишь кивает в изумлении. — Расстегни куртку и стой молча.

От него пахнет лимонами и потом, и, укусив его, я смакую то, как он дрожит от боли. Кровь

обволакивает мой язык, словно первый сочный кусочек клубники. Она терпкая, острая и землистая одновременно, и я пью, пока этот странный не-голод не начинает отступать.

Молодой мужчина не издает ни звука, и я не пью безудержно, только чтобы удовлетворить свой аппетит.

— Всё, — говорю я, доставая из кармана носовой платок и промакивая им уголки рта. — А теперь иди домой и прекрати быть такой наглой тварью.

Он кивает, его глаза всё еще широко распахнуты, когда он бросается наутек по аллее.

Как раз в этот момент в кармане у меня жужжит телефон. Я снимаю блокировку и вижу сообщение. Оно от Тео.

«А я… говорила, что это вечеринка-сюрприз и здесь все твои друзья? Кажется, стоило это сказать, ха-ха».

На мгновение мне кажется, что я неправильно прочитала сообщение. Мой разум перебирает все варианты, что оно не могло означать и что, как я думаю, оно значит. Это просто невозможно, чтобы Тео собрала всех вампиров Нью-Йорка на вечеринку-сюрприз для меня.

Или возможно?

И тогда, совершенно внезапно, я понимаю, где правда.

Я бегу.



Бриттани: Я задам тебе вопрос. Ты не обязана на него отвечать.

Тео: Как я обожаю этот внушающий ужас тон. Но ладно, спрашивай.

Бриттани: Кто-нибудь знаком с настоящей Теолиндой?

Тео: Я отвечу, если ты ответишь.



Теолинда

В туалете «Корней и Руин» всего одна неприкрытая лампочка, свисающая с потолка. Я сажусь на грязное сиденье для унитаза, почистив язык. Как хорошо, что я ношу в своей сумке набор для оказания экстренной помощи: бинты, мятные леденцы, зубные мини-щетки, мидол, ибупрофен, таблетки от изжоги, таблетки от обезвоживания, которые крошатся в цветной порошок, блеск для губ, помаду трех цветов, экстренный чек на

сто долларов, паспорт, перцовый баллончик и карманный нож.

Я мочу салфетку, взятую у Джокера-латиноса, и промакиваю ею щеки и шею. Боже мой. Бриттани — вампир. Ее друзья вампиры. Вот почему она не фотографируется. Вот почему она шутила о том, что является «вампирским фильтром». Я знала, что это слишком клево, чтобы копировать. Но эти люди — они не клевые. Они опасные. И мне следовало доверять своим инстинктам, когда дело дошло до Имоджен.

Могут ли они учуять мой страх, как акулы? Этот симпатичный парень проверял меня, дав мне кровь? Я сую в рот еще один мятный леденец, чтобы избавиться от металлического привкуса, но его призрак всё еще здесь. Я делаю глубокие, долгие вдохи.

Ладно, ладно, ладно. Я смогу с этим справиться.

Смогу ли я?

Я едва справилась, когда попала в Новую школу вместо Колумбии. Я едва справилась, когда мой брат использовал взятую мной в библиотеке книгу для скруток. Это просто… не то, как представляла себе этот вечер.

Бриттани должна будет всё мне объяснить.

Меня вдруг осеняет — я провела последние два года, переписываясь с вампиром. Она легко могла меня найти. Выпить мою кровь и всё такое. Почему она этого не сделала? Она столько раз могла встретить меня в одном из тех мест, где я регулярно фотографируюсь. Боже, да я просто мечта поклонника-маньяка, так что это первое, что я поменяю с завтрашнего дня.

Бриттани могла бы убить меня в любой момент. Но вместо этого она разговаривала со мной. Вместо этого она стала мне другом.

Тогда почему ее всё еще здесь нет?

Я снова делаю вдох. Бросаю салфетку на пол и смотрю в зеркало, окруженное надписями, оставленными здесь за десятки лет.

Я Теолинда Сесилия Ромеро де Рейес, и мне есть что терять. Я подтираю пальцем кожу вокруг стрелок, чтобы убрать потеки, обновляю помаду на губах и выхожу обратно в зал.

Музыка звучит глубже, словно металлическое сердце, бьющееся в размеренном ритме, и все смотрят на меня, как будто ждали, когда же наконец я покажусь.

— Мы начинаем волноваться, — говорит Имоджен, вставая с диванчика для двоих.

У девушки в неоновом платье-бандо одежда

испачкана кровью. Пожилая женщина на поводке наклонена вперед под неестественным углом, она не двигается, и хотя со мной говорит Имоджен, всё, о чем я могу думать, это — «Я не хочу умирать. Я не хочу умирать».

— Где Бриттани? — спрашивает парень с усами.

— Откуда мне знать? — говорю я, пытаясь казаться храбрее, чем я есть на самом деле.

Я чувствую растущее напряжение, в то время как каждый вампир в этом месте поворачивается ко мне, а я облокачиваюсь на бар. Раздается тихий стон, я поворачиваюсь и обнаруживаю бармена, обмякшего между двумя вампирами, с закатившимися глазами, в то время как они пьют из обоих запястий. Я закрываю глаза и взвизгиваю.

— Где? — спрашивает парень с волчьей улыбкой. — Для тебя будет лучше, если ты скажешь нам.

— Так вы за этим пришли? — кричу я. — Чтобы наехать на нее?

Публика единодушно пожимает плечами и кивает.

— Вы все отвратительны! — говорю я. — Это ее день рождения.

— До тебя так и не дошло? — спрашивает Имод-

жен. — У Бриттани нет дня рождения. Бриттани не стареет уже двести лет. И я начинаю думать, что и ты не будешь.

Имоджен оказывается позади меня прежде, чем я успеваю моргнуть. Ее холодная рука обвивает мою шею. Я нащупываю в кармане спрей для волос. Ей меня не укусить. Я прицеливаюсь, закрываю глаза и давлю изо всех сил. Имоджен вскрикивает и с силой отталкивает меня к барной стойке.

Вампиры рядом со мной начинают кашлять. Остальные готовятся напасть. Воспользовавшись суматохой, я поднимаюсь на ноги и забираюсь на барную стойку. Если я побегу по ней, перепрыгну через мертвое тело и двух напившихся вампиров и если никому не удастся меня схватить, я смогу добраться до выхода.

Используй свой шанс.

Я готова бежать. Бледные руки хватают меня, размеренные басы музыки пульсируют в моих барабанных перепонках, и в этот момент я понимаю, что мне не уйти. Не вырваться на свободу. Не будет больше ни фотографий, ни прикрикиваний на моего брата, ни советов от отца, ни выслушивания жалоб моей матери о том, как никто не помогает ей со стиркой, и если

я выживу, я обещаю, я обещаю, что буду помогать ей со стиркой и работой по дому и пересдавать пятерки с минусом на пятерки с плюсом.

Рука хватает меня за лодыжку, и я падаю. Я на спине, пинаюсь и отбиваюсь от моря рук и зубов.

А потом всё прекращается.

Я сажусь. Дверь открыта. Музыка больше не играет. Между скопищем вампиров и мной — девушка с длинными черными волосами. Ее винная помада аккуратно очерчивает губы. Клыки обнажены. Я успеваю заметить отлично сидящее на Бриттани пальто, темно-серые легинсы, уходящие под черные сапоги до колена и неожиданный намек на розовое, выглядывающий на запястьях.

— Сюрприз знак вопроса? — произношу я, и, готова поклясться, она готова рассмеяться.

Потом она отводит взгляд, сужает глаза, прорезая ими комнату, словно лезвием. Тяжелый рык срывается с ее губ:

– *Мое*.

— У тебя нет права… — начинает Имоджен.

— Брось мне вызов, — говорит Бриттани. Несколько вампиров встают позади Бриттани, склонив головы. Но остальные стоят позади Имоджен.

— Я сделаю кое-что получше, — говорит Имод-

жен, ее бледная, как луна, кожа поблескивает в тусклом свете. Она поднимает юбку и вытаскивает зловещего вида кинжал.

— Дешевая уловка, — произносит Бриттани, после чего бросается вперед.

Две женщины встречаются в неистовстве кулаков и защит, Бриттани в невыгодном положении. Я перемахиваю через барную стойку в поисках чего-то, что она могла бы использовать в качестве оружия. Нахожу маленький нож для нарезки лимонов и молоток.

— Бриттани! — Я бросаю ей молоток, и она ловит его, не останавливаясь ни на мгновение, как раз вовремя отражая безжалостный удар ножа Имоджен. Они дерутся так, словно танцуют, каждое движение ловкое и отточенное, словно всё это было заранее срежиссировано. Это так красиво, что я не могу отвести глаз.

— Хватайте девчонку! — кричит кто-то.

— Ох, это же я, — произношу я, слишком поздно сложив два плюс два. — Эта девчонка — я.

Я снова взбираюсь на барную стойку, лихорадочно высматривая безопасное место, чтобы спрятаться, но, прежде чем успеваю что-то сделать, Бриттани прыгает вверх. Одной рукой она хватается за люстру и раскачивается. Потолок

стонет, протестуя, и я слышу скрип, когда она замахивается одной ногой, чтобы пнуть вампира, надвигающегося прямо на меня.

— Беги отсюда, Тео! — кричит Бриттани, спрыгивая вниз.

— Я не могу бросить тебя!

Я не могу объяснить, почему я делаю это, но я бросаюсь к Бриттани, вместо того чтобы спасать свою жизнь.

Я вижу ужас у нее на лице, прежде чем понимаю, что происходит. Потолок надо мной издает дикий треск, люстра с грохотом падает, острая боль пронзает мою шею.



Тео: Что было лучшим подарком на твой день рождения?

Бриттани: Я его не праздную.

Тео: Если бы праздновала, гипотетически. Когда у тебя день рождения?

Бриттани: Гипотетически? Я родилась двадцать седьмого апреля.



Бриттани

Люстра ударяет Тео по шее, и, стаскивая ее, я уже знаю, что она пронзила ее кожу. Я отбрасываю ее в сторону, словно она легкая, как пушинка. Люстра приземляется с грохотом, и Тео стонет. Я опускаюсь рядом с ней на колени, осторожно приподнимаю ее голову и кладу себе на ноги. Ее подбородок измазан кровью, она поднимает на меня глаза, полные слез.

— Рада с тобой познакомиться, — произносит она с невеселой улыбкой.

— Прости, что я опоздала. — Мой голос звучит искаженно, словно пропущенный через сито. Я прижимаю ладонь к ране у нее на шее, пытаясь остановить поток крови, но это ранение смертельно. Ни на что уже нет времени, кроме как на краткое прощание.

Имоджен стоит рядом, ее взгляд растекается по мне, как кровь под шеей и плечами Тео. Но в зале стоит тишина. Тео не моя жертва, но моя добыча. А в моем городе вампиры всегда уважают добычу.

Кровь согревает мои колени. Она стекает на пол непрерывным потоком, разливаясь под головой Тео наподобие алого цветка. Я сосредоточиваю взгляд на нем, а не на умирающей, задыхающейся

девушке у меня в руках.

— Ты на самом деле вампир, — говорит Тео, и в ее глазах я вижу вопросы, теории и еще много всего — больше, чем она способна сказать прямо сейчас. У нее остается всего несколько слов. Она выбирает два: — Обрати меня.

Ко мне возвращается тот не-голод, что свернулся у меня под ребрами. Он всё растет и растет, болезненно заполняя меня изнутри. И я вдруг вспоминаю его название: горе.

— Я не могу, — отвечаю я, зная, что ко мне прикованы взгляды моих сородичей и это рискованный момент. — Тео, прости. Есть правила.

— Помнишь вопрос, который ты мне задала? Сто лет назад, — произносит Тео слабеющим голосом. — Ответ: это ты.

Как такое может быть, что девушка, которую я вижу впервые, кажется мне такой близкой, словно она моя сестра? Я не могу позволить ей умереть. Я не могу позволить этому стать ее концом.

Я поднимаю глаза на кольцо окруживших нас вампиров и рычу, разъяренная, дикая и уверенная больше, чем когда-либо за всю свою долгую жизнь.

Потом я опускаю рот к шее Тео и кусаю.



Тео: Если бы ты могла уехать в любое место в мире, куда бы ты отправилась? Отвечай не думая.

Бриттани: В будущее.

Тео: Это не настоящий ответ.

Бриттани: Разве?



Теолинда

Я поднимаюсь на лифте со своего этажа в пентхаус Бриттани. После того случая, когда я попросила ее обратить меня, я обнаружила много всего. Во-первых, Имоджен дрянь, но это и так очевидно для всех, вне зависимости от того, есть у них пульс или нет. Прошло четыре месяца, а я всё еще умираю. Как оказалось, это медленный и довольно болезненный процесс. Мое тело прекращает свою работу, и оно в полном хаосе. Но… у меня есть бессмертный учитель. Даже если ей придется предстать перед судом за то, что она обратила меня, несмотря на запрет на обращения с 1987 года, и за всю эту развернувшуюся гражданскую войну нежити, в чем, очевидно, есть и моя вина.

Остается еще немало того, с чем мне нужно разобраться. Как убедить моих родителей, что мне больше подойдет вечернее отделение колледжа. Как находиться рядом с ними и не хотеть убить их. Шутка. На самом деле — нет. Это сложно.

Я не думала, что всё будет просто. На то, чтобы разобраться в некоторых вещах, уйдут годы. Например, как мне справиться с тем, что я не отражаюсь в зеркалах? Полагаю, мне нужен вампирский фильтр, но это смешанное заклинание. Я тренируюсь в съемке фотографий в зеркале этого самого лифта. Может, лет через двести мы встретимся с инопланетянами и у них найдется лекарство от вампиризма или телефон, который разорит Эппл.

Я не задерживаю дыхание. Хотя могла бы, если бы захотела.

Лифт выпускает меня в пентхаус Бриттани. У нее есть кинотеатр прямо в квартире. У нее есть всё, что ей нужно, чтобы вообще никогда не покидать свой дом.

Но я помню слово, которое она постоянно говорила мне. Одиночество.

Больше никогда.

Она протягивает мне один из одинаковых свер-

кающих бокалов, которые я купила для нас. Я всё еще не могу смотреть на кровь, хотя мне придется справиться с этим, чтобы выжить.

— Ты знаешь, эти фильмы ничему тебя не научат, — говорит она и запрыгивает на диван.

— Я знаю, но единственное в прямом смысле вампирское кино, которое я смотрела, это «Су…».

— Не смей даже.

— Замолкни, оно идеальное, ясно. И. Де. Аль. Но. Е. — Я плюхаюсь рядом с ней и отпиваю глоток. Я начинаю различать вкус минералов, диет. Этот человек на вкус как сода.

Я скучаю по попкорну. Я скучаю по сливочному маслу. Я скучаю по солнцу. Я скучаю по многому, и я лишь в самом начале. Моя жизнь закончилась. Моя новая жизнь началась.

По крайней мере, мне не придется быть одной. У меня есть Лучшая Подруга Навсегда, и это обещание, данное на крови.

Порабощение, или «Это не те вампиры, которых ты ищешь...»

Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Кажется, существует два вида вампиров: те, что заманивают свою жертву, и те, что преследуют ее. Есть что-то явно пугающее в… ну, в них всех, но идея, что кто-то может убедить тебя добровольно предложить свою шею для быстрого укуса, крайне беспокоит. Вампиры находятся на вершине пищевой цепи, и, как всем хищникам, им приходится учиться охотиться, не истощая свой источник еды, то есть… эм… нас? Ха-ха. Может казаться, что помогают им в этом экстрасенсорные способности, и мягкий вариант манипуляции сознанием часто появляется в вампирском фольклоре, от Дракулы до Графа фон Знак из «Улицы Сезам» (хотя, если быть честными, он может вас только загипнотизировать). Но всё это сводится к некоей разновидности влияния. В этой истории Зорайда и Натали (упс, это мы, ваши великодушные редакторы, привет!) используют этот вампирский

миф, чтобы позволить Тео и Бриттани задуматься о том, какое влияние они оказывают на человеческий и вампирский миры.

А как бы вы хотели повлиять на мир?

Бестиарий
Лора Руби

Шел двести двенадцатый день нормирования потребления питьевой воды, и Лоло вела себя как медведь. Или, если быть точнее, вела себя совсем не как медведь.

— Давай, Ло, — сказала Джуд. — Тебе нужно что-нибудь съесть. — Она стояла рядом с вольером Лоло на выставке Арктической Тундры Семьи Дезоса, держа в одной руке в перчатке кусок ярко-розового мяса. У ее ног в ботинках стояло ведро, наполненное тем же самым. Лоло, перевесившаяся, словно мокрая тряпка, через валун в центре позеленевшего, маслянистого бассейна, издала многострадальный стон. Им обещали привезти танкеры свежей воды, чтобы купать животных, но эти танкеры до сих пор не прибыли.

Вздох Джуд был таким же многострадальным, как и стон Лоло, ее кожа — почти такой же пепельной и исполосованной грязью, как мех Лоло. Она дотопала до края бассейна и помахала куском мяса над водорослями.

— Это лосось. Ты любишь лосося.

Это был не лосось. Ох, мужчина, продавший его Джуд в доках, утверждал, что это лосось — Дикий! Свежий! — но мясо было слишком уж розовым и резиновым. Вероятно, это было мясо умершей акулы. Или остатки какого-то сома, которого мужчина вытащил на дальнем берегу озера Мичиган, не замеченный пытливыми взглядами патрулей. Что бы это ни было, его должно было быть достаточно, чтобы вывести Лоло из ее хандры. Если что-то вообще могло вывести ее из этого состояния.

— Слушай, Лоло, — никто не хочет смотреть на тощего полярного медведя, — сказала Джуд. — Из-за тебя дети будут плакать. — Лоло зевнула. — Да, да, я знаю, какие дети?

Все постоянные посетители зоопарка — родители, толкающие перед собой сдвоенные коляски, подростки, дразнящие животных и друг друга, парочки, слишком влюбленные или трепещущие от желания, чтобы заметить, что дарят друг другу первый поцелуй в миазмах бегемотьего навоза, — были слишком заняты кипячением воды из ливневой канализации или стоянием в очереди в супермаркете в ожидании следующей поставки бутилированной воды.

Животные страдали от жажды. *Люди* страдали

от жажды. И это значило…

— Джуд, что, черт побери, ты делаешь?

Ей не нужно было оборачиваться, чтобы узнать этот грубый, раздраженный голос. Дивата была ближе всех к тому, чтобы называться боссом Джуд. По крайней мере, она была единственной из оставшихся, кто осмеливался задавать Джуд вопросы. Другие работники и волонтеры не решались на это. И у них была на то причина, хоть и не та, о которой они думали.

— А на что это похоже? — спросила она.

— Ты как будто пытаешься быть съеденной полярным медведем.

— Лоло не хочет есть даже своего лосося.

— Наверно, потому, что это не лосось, — предположила Дивата.

Джуд сдалась насчет своего «лосося», бросив кусок чересчур розового мяса обратно в ведро.

— Лоло в депрессии, потому что ее бассейн грязный. Ей нужна свежая вода.

— Разве она нужна не всем нам? — ответила Дивата. Она стояла в дверном проеме в задней части вольера. Ее загорелое, обветренное лицо было покрыто такой частой сеткой морщинок, что она была похожа на карту, указывающую путь в любое место и в никуда одновременно.

— Может, пройдет дождь, — сказала Джуд. Дивата хмыкнула. Над их головами слабое ноябрьское солнце только что коснулось горизонта, окрасив небо в угрюмый пурпур.

— Может, дождь будет таким долгим, что нам не нужно будет ждать, пока какая-то сволочь включит воду. У нас будет море своей собственной. Бесплатно.

Толкнув локтем, Дивата широко распахнула тяжелую дверь.

— А из моей задницы, быть может, выстрелит радуга, пока мы строим арку. Иди сюда, пока Лоло не решила откусить тебе руки.

Лоло фыркнула, ее маленькие ушки весело вздернулись. Лоло считала Дивату уморительной.

— Я принесла тебе кофе, — сказала Дивата.

Джуд подтолкнула ногой ведро.

— Это не тунец, а это не кофе.

— Ну, это всё, что у меня есть, — сказала Дивата. — Так ты хочешь или нет?

Она не хотела, но это же была Дивата. Джуд на всякий случай оставила ведро для Лоло и устало побрела через вольер. Дивата отступила на шаг назад, чтобы выпустить ее, а потом пинком закрыла за собой дверь.

— Что я говорила тебе о проникновении в вольеры с хищниками? — спросила Дивата, протягивая ей промокший бумажный стаканчик.

— Даже не знаю. Что-то там о когтях, о зубах, бла-бла-бла. — Джуд для видимости сделала глоток кофе и поморщилась. Когда-то она любила кофе, даже этот суррогат. Когда-то она любила много всего.

На стаканчике с кофе было напечатано «Моджо Джо». Рядом с ним кто-то нацарапал «Жуд».

Боже.

— Сколько он стоил, Дивата? И из чего он сделан? Выпоротой медузы? Ядовитой слизи?

Дивата набрала код, чтобы заблокировать дверь в вольер Лоло, тыкая в кнопки сильнее, чем требовалось.

— Не пытайся сменить тему. Однажды ты из-за этого пострадаешь.

Ха.

— Всё со мной будет нормально.

— Я не понимаю, как ты можешь быть в этом так уверена.

Джуд редко говорила правду, но сейчас она это сделала:

— Я разговариваю с животными, вот как.

Дивата указала на мобильный телефон, торча-

щий из переднего кармана Джуд.

— Вот что случается с детьми, выросшими на видеоиграх и фильмах от «Дисней». Зачем ты таскаешь с собой это старье, когда у всех остальных детей порты в мозгах?

Джуд пожала плечами. Она не интересовалась техническими новинками. И ей не нужен был телефон. Но ее мать продолжала платить за него по какой-то причине, остававшейся тайной для Джуд. Джуд нравилось иногда нажимать кнопку «Домой», нравилось слышать, как телефон говорит: «Спросите меня о чем угодно», и предлагать что-то наугад:

Какой сегодня день?

Загугли Войну 1812 года.

Забронируешь мне столик на троих на сегодня?

Какие симптомы у птичьего гриппа?

Сможешь найти Бретт?

Построй мне маршрут до дома.

Джуд ответила:

— Откуда ты знаешь, что у меня нет портов в мозгу? И кого ты называешь ребенком?

Дивата отпила глоток из своего стаканчика, причмокнула губами.

— Тебе вряд ли больше шестнадцати, так что да, я называю тебя дитем, дитя.

Джуд открыла рот, чтобы солгать или, возможно, выпалить очередную правду, но Дивата уже зашагала по туннелям позади вольеров, где многие из жителей зоопарка всё еще ждали, пока кто-нибудь выпустит их на открытое пространство. Джуд молча приветствовала их, прижимая холодные пальцы к стеклу. Привет, Джонас, привет, Виктор, привет, привет, привет. Она знала их клички, их запахи, их тоску, ритм биения их сердец. И так как многие животные были древними, она знала также их боли и страдания, чувствовала, как они отдаются в ее собственном теле. Больное бедро. Расколотое копыто. Воспалившиеся десны, пораженные инфекцией. Воспоминания о медленно движущемся стаде в пустыне, вспышка из ружья, которая всё изменила.

У нее за плечом Дивата произнесла:

— Сегодня учебный день. Почему ты здесь?

Дивата тоже была древней, но пронырливой и быстрой. Она носилась тут, словно на колесах.

Джуд приходилось бегать, чтобы поспеть за ней.

— У меня академический отпуск[41].

— Его берут после окончания школы, а не до.

— Если бы я ходила в школу, кто бы помогал тебе со всей этой живностью?

Дивата что-то проворчала и продолжила свой путь вперед. Это был их постоянный разговор со времени, когда Дивата приняла Джуд в команду уборщиков — просто еще одну пару рук, чтобы подметать за мамашами с колясками, просто еще одного обкуренного подростка, не узнавшего бы, что такое честный труд, пока не получил бы подзатыльник. А потом наступило утро следующего дня… утро, когда Дивата обнаружила ее свернувшейся в клубочек рядом со львицами Олив и Нелл — они трое спали, сбившись в кучу, как котята. Вместо того, чтобы вызвать полицию, Дивата повысила ее. И защитила Джуд, когда руководство хотело знать, почему, черт побери, какая-то «гото-ведьма-наркоманка» кормит с руки носорогов и крокодилов? Этой девчонке что, жить надоело? А Дивата хочет, чтобы на них подали в суд?

Насчет Джуд они были правы, насчет Диваты — нет, но началось нормирование, и всё это боль-

---

[41] Примечания: 41

Имеется в виду год перерыва между школой и высшим учебным заведением.

ше не имело значения.

— Ладно, — сказала Джуд. — Кто следующий? Пингвины? Тюлени?

— Они все следующие. Они и их вольеры. Нам нужно всё здесь вымыть.

— Чем? Моджо Джо?

— Тем, что сможем найти. Гулянка уже в эту субботу.

— Гулянка, — повторила Джуд.

— Только не говори, что ты забыла.

— Как бы я смогла? — ответила Джуд. Она покосилась на стайку людей в костюмах, фотографирующих разные вольеры, рисующих планы на своих планшетах. Организаторов вечеринки, нанятых расставить освещение, столы и декорации. Один из них, темноволосый молодой человек с медной кожей, в открытую пялился на нее и делал это так долго, что Джуд показала ему средний палец. Он рассмеялся и сфотографировал ее, после чего нахмурился, увидев смазанное изображение.

Дивата сказала:

— Ты должна пойти на вечеринку.

— Ага.

— Серьезно.

Джуд остановилась так резко, что едва не упа-

ла.

— Да ни за что на свете я не пойду на вечеринку мудака, отключившего нам воду.

Дивата тоже остановилась и повернулась к Джуд, приподняв одну седую взъерошенную бровь.

— Позиция правления — этот мудак технически не отключал воду; он просто поднял цену вышеназванной воды.

— Это одно и то же, когда никто не может ее себе позволить.

— В любом случае они не собираются отказывать руководителю, который может *включить* воду. Теперь дошло до тебя?

Хотя Джуд ни чуточку не было холодно, она потерла свои оголенные руки.

— А он включит ее сейчас, чтобы мы могли всё здесь помыть? Где грузовики с водой, которые нам обещали?

— А еще они не собираются отказываться от всех тех денег, которые он дает им, — продолжила Дивата. — Он арендует весь этот чертов парк на целый чертов день. Здесь будут модные группы, модная еда и сотни модных людей. Когда мы в последний раз видели здесь столько людей разом?

— Это общественный парк. Для всего общества.

— И это классно. Это место теперь не более общественное, чем вода.

Дивата была права, Дивата всегда была права. Когда-то давным-давно зоопарк был бесплатным, но теперь посещение стоило двадцать пять долларов, а с парковкой еще дороже. В «Сафари-кафе» картошка фри теперь стоила восемь долларов, бутылка воды — десять. Сейчас, после рассвета, в зоопарке было холодно и пустынно, одинокая салфетка, упавшая под столик в кафе, танцевала на студеном озерном ветру. Но здесь не станет больше народу и во время открытия, в обед, или вечером. Здесь не будет ни смеющихся толп детей, облепляющих «Лес макак», ни семей, вопящих на «Поезде приключений Лайонела», а карусель «Исчезающие виды животных» так и будет крутиться и крутиться сама по себе, представляя виды, которые могут когда-нибудь ее пополнить, если останется хоть кто-то, способный изваять полярного медведя или отлить тигра.

Старый бесплодный гнев поднимался в ней, заставляя десны ныть. Хотя ей придется за это заплатить, Джуд залпом допила остаток кофе и смяла стаканчик в кулаке. Это не помогло. Только одно могло помочь, но она не собиралась снова это делать.

Она выбросила смятый стаканчик в ближайшую урну для мусора.

— Очко, — сказала она.

Мухи, муравьи и прочие насекомые, рывшиеся в мусоре, по-букашечьи возмутились: «Какого черта? Мы тут пытаемся поесть!», но у Джуд было достаточно практики в игнорировании языка, который понимала только она.

Лицо Диваты, тем не менее, смягчилось, складки разгладились.

— Послушай, дитя. Может, эта вечеринка будет не так уж и плоха.

Джуд терпеть не могла, когда Дивата начинала ее жалеть. Она ухватилась за телефон в своем кармане, словно ей вдруг понадобилось ответить на звонок, встретиться с кем-то, забронировать что-то.

— Прекрати.

Дивата вздохнула — весьма похоже на Лоло. Старая, больная и расстроенная.

— Я просто имела в виду, что там, возможно, будут какие-то люди для тебя. Молодые люди. Не мудаки. — Она скосила глаза на молодого человека с медной кожей, а потом снова перевела взгляд на лицо Джуд. — Я знаю, что ты так не думаешь, я знаю, как сильно ты любишь Лоло,

Олив, Нелл и остальных, но тебе нужно найти свою собственную стаю.

— Лоло моя стая. Как и Олив с Нелл.

— Я говорю о людях, вообще-то.

— Люди тоже животные, — сказала Джуд.

— Хватит. — Дивата взмахнула шишковатой, покрытой венами рукой. — Всем нужен кто-то.

— У меня есть ты.

— Это не то, что я имею в виду, и ты это знаешь. Найди подружек. Найди дружков. Найди просто друзей. Повеселись. Ты же наверняка когда-нибудь веселилась, правда? Ты помнишь, каково это.

Она помнила.

Было одно животное, которое извергло из себя свой собственный желудок, чтобы отвлечь хищников, но Джуд не могла вспомнить, кто это был. Дивата была крайне далека от того, чтобы считаться хищником, и очень близка к тому, чтобы считаться стаей, но Джуд всё равно вырвало кофе от Моджо Джо на ее ботинки — и это им тоже придется отмывать.



Найди фильмы от «Дисней».

Сколько дней я уже не ела?
Когда растаял весь лед?
Включи блюз.
Мы уже приехали?
Напиши Бретт, что я опоздаю.

После долгого дня кормления животных, вычищения из вольеров навоза, отмывания всего, что можно, тем крошечным количеством воды, что осталась в системе ливнестоков их зоопарка, Дивата и Джуд загнали животных и закрыли ворота. Через улицу от зоопарка охранники приветствовали богатых резидентов, входивших в величественные здания с солнечными панелями снаружи и мраморными фойе внутри, пока Джуд и Дивата устало брели через пять кварталов до ближайшей автобусной остановки. Из-за низкого пассажиропотока и конкуренции с парками беспилотных такси город отменил почти все автобусные маршруты. Это значило, что автобусы теперь всегда были набиты людьми. Они ждали — первый автобус, разрисованный граффити, просто проехал мимо, а потом и второй. Дивата расстегнула свою военную куртку, предавшись воспоминаниям о том, какими студеными раньше были осень и зима в Чикаго — «Такими холодными, что дыхание замерзало на ветру!

Повсюду лежал снег! Все ходили в таких толстых куртках, что были похожи на медведей!». Теперь же небо было таким же яростно-пурпурным, как раньше на рассвете, и воздух — таким сухим, что у Джуд электризовались волосы. Когда она попыталась их пригладить, ее ударило током, и она подпрыгнула.

Дивата рассмеялась.

— Мы та еще парочка.

Так и было. Дивата, которой уже было под семьдесят, сгорбленная и маленькая в своей уныло-оливковой куртке, что ее жена получила, воюя то ли в одной войне, то ли в другой, и Джуд, которой было под вечность, долговязая и высокая, в заношенной футболке и джинсах, с длинными прядями черных волос, липнущих к ее бледным, как луна, щекам. Еще одна женщина, всё еще в медицинской маске после последней вспышки птичьего гриппа, присоединилась к ним на остановке, удостоив их одним только взглядом. Когда Джуд улыбнулась ей, глаза женщины широко распахнулась. Она ринулась прочь, не дождавшись следующего автобуса, гремя по тротуару каблуками сапогов.

— Это было подло, — сказала Дивата.

— Я всего лишь улыбнулась.

— Ага, как же.

Они прождали еще десять минут в тишине. Но через сколько бы ни приехал автобус, Джуд не позволила бы Дивате ждать одной, и Дивата перестала возражать в тот день, когда вытащила Джуд из «Дома львов» — это было молчаливое соглашение. В большинстве случаев одного лишь бесстрашия Джуд было достаточно, чтобы отпугнуть потенциальных грабителей. В большинстве случаев.

Третий автобус прогромыхал мимо, не остановившись. Возле магазинчика сгорбленный старик протягивал пустую кружку входящим и выходящим покупателям:

— Есть что-нибудь попить, мэм? Сэр? — Даже когда люди отрицательно качали головами, старик говорил: — Благослови вас бог.

Дивата спросила:

— Что, если бы ты могла что-нибудь со всем этим сделать?

— Со «всем этим» чем? — спросила в ответ Джуд. — Что, по-твоему, я могу сделать?

— Не знаю.

Дивата много чего не знала. Она не знала, что не так давно Джуд лежала в лесу, надеясь накормить своей плотью голодных койотов. Она не

знала, что Джуд бросалась в озеро, изо всех сил пытаясь утонуть. Дивата не знала, что сделали львицы, чтобы спасти ее.

Наконец к остановке подкатился автобус. Прежде чем подняться в него, Дивата спросила:

— Хочешь поехать со мной? Сегодня Вивиан готовит куриный адобо. Не имитацию — настоящий.

— В следующий раз.

Услышав эту ложь, Дивата кивнула, а потом вошла в автобус. Джуд посмотрела, как тот отъезжает, а потом отправилась в свою долгую прогулку домой. Опустив голову вниз, засунув руки в карманы джинсов, она избегала пассажиров общественного транспорта и доставщиков, студентов и преступников. Какая-то собака лихорадочно загавкала на нее: «Не еда, не еда, НЕ ЕДА», — пока она не пробормотала, что они в безопасности, она не причинит вреда ни им, ни их людям.

— Девочка, — произнес парнишка-латиноамериканец с едва пробивающимися усами, оттягивая свою шавку от ее ботинок. — Ты нереально жуткая.

— Да ладно? — спросила она.

Ночь опустилась над городом, а она всё шла.

Это было единственное, что она взяла из прошлого, — эти ночные прогулки. Раньше она гуляла, только чтобы не возвращаться в маленький дом в Джефферсон-парке, кирпичное бунгало, такое же прекрасное снаружи, сколь и ужасное внутри. Ее маме нужен был ее папа, а ее папе нужны были его таблетки; их ссоры были слышны на мили вокруг. Джуд начала пить в средних классах, чтобы притупить боль от ударов и заглушить шум. Позднее она использовала парней, чтобы скоротать время. Когда страну охватил ужас перед птичьим гриппом и родители парней стали держать их дома, Джуд оказалась в подвальных клубах рядом с другими потерянными душами, подзадоривая Мать Природу постараться ради них как следует. Джуд встретила юношу, более красивого, чем когда-либо была Джуд, светящегося и золотого. Он сказал ей, что любит ее. И он любил, по-своему, хотя его любовь превратила в руины жизни их обоих.

Еще одни руины: Букингемский фонтан. У города не было лишней воды, чтобы поддерживать его работу, так что чаши были пусты, а скульптурные драконы жаждали воды так же, как и все остальные. Прекрасный золотой юноша был без ума от волшебных существ: единорогов, ва-

силисков, грифонов, химер и других созданий всех сортов.

— Ты сам волшебное существо, — говорила она ему.

— Да, — отвечал он, подталкивая ее обратно к грязному матрасу. — Да, это так.

Теперь же огни центральных зданий таращились на нее, словно множество желтых глаз: «Что, если ты могла бы сделать что-то со всем этим? Что, если?»

Есть вопросы, которые не задают. Знакомая тошнотворная жажда сжала ее желудок, пульсируя у основания языка. Если она не продолжит двигаться вперед, жажда пропитает воздух, как парфюм, воззвание к людям вокруг. Они придут к ней, будет она хотеть того или нет, и предложат себя, вращая глазами от смущения и ужаса.

Так что она продолжала идти, как пресловутая акула в воде, плывущая, чтобы не умереть. Как будто она могла умереть. Но она ни с кем не встречалась глазами, не задерживалась нигде надолго, чтобы не раскрыть свое отчаяние. Прошел час. Потом два. Толпы людей рассеялись. Джуд осталась наедине с тусклой луной, мутным пятном на небе.

Она услышала мужчину задолго до того, как

увидела его, гораздо более отчаявшегося, чем она. Хотя она могла легко обойти его, она не стала себя утруждать. Он показал ей свой нож, маленькую грустную вещицу, и потребовал деньги.

— У меня их нет, — ответила она.

В его глазах вспыхнул голод, который она уже видела прежде.

— Ну, у тебя есть еще кое-что. — Он стащил ее с тропинки, чтобы взять то, что мог. Ему не понравился ее громкий резкий смех, как и быстрое движение ее запястья, выбившее нож из его руки.

— За это ты еще ответишь, — зарычал он. И бросился на нее.

Она схватила его за толстовку и закрутила — снова и снова, пока он не завопил от тошноты. Потом она притянула его к себе, позволив увидеть сверкающие кинжалы ее зубов, почувствовать запах ее иссушенного дыхания.

— Если хочешь, — сказала она, — я могу предоставить тебе возможность прокричаться.

Он не хотел.

Она оттолкнула его от себя, оставив задыхающимся на тротуаре. Он не был какой-то особой тварью. Как и она. В конце своего пути она оказалась там, где начала его: в зоопарке. Она

перелезла через внешний забор и ввела код на двери, ведущей в вольер Лоло. Лоло спала в искусственной пещере в углу. Джуд заползла внутрь и свернулась клубочком у груди Лоло, большое медвежье сердце которой отстукивало минуты до рассвета.



Когда исчез Флорида-Кис?

Как работают дополнения?

Как долго человеческое тело может жить без воды?

Какая кровопотеря считается слишком большой?

Включи песни китов.

Пришло утро, а с ним и два грузовика воды.

— Нам же обещали пять грузовиков, — сказала Джуд.

— Дареному коню в зубы не смотрят, — ответила Дивата.

— Что это вообще значит?

— Это значит, что тебе пора в «Дом хищников». Раулю нужно помочь с Пичес. У нее что-то с крылом.

Пичес, снежная сова, была слегка высоко-

мерной. Мягко говоря. Пичес могла выклевать глаза тому, кто не был достаточно аккуратен. Рауль не был аккуратен. Рауль — тощий Рауль, со смуглой кожей, посеревшей от страха или просто пренебрежения — бегал по вольеру для хищников, ругаясь, в то время как Пичес била его крыльями.

— Убирайся отсюда, Рауль, — сказала Джуд. — Я сама всё сделаю.

— Спасибо! — крикнул Рауль, выскакивая из вольера. — Она чуть не вырвала у меня кусок лица.

Внутри клетки с хищником Джуд ответила на крики птицы «БОЛЬ, БОЛЬ, БОЛЬ» мягким «Тссс, тссссс. Тише, глупое ты чудище». Пичес позволила Джуд взять ее на руки и проверить перевязанное крыло. Она понятия не имела, как птица умудрилась так пораниться. Джуд помнила, как золотой юноша рассказывал ей о Каладрии, белой птице, что съедала болезнь человека и улетала, излечивая и его, и себя.

Пичес засунула голову под руку Джуд.

Джуд сказала:

— Бедная девочка. Какую же болезнь ты съела?

— Весь мир болен, — сказал Рауль, глядя на них через сетку. — Как это связано со сломанным крылом?

— Мир тоже сломан, — ответила Джуд.

— Так это то же самое.

Позади Рауля появились два организатора вечеринки.

— Эй! Подними птицу, мы снимем пару фотографий!

— Она не индюшка, и сегодня не День благодарения, — сказала Джуд, прижимая к себе Пичес.

— Ох. Она ранена. — Это был темноволосый парень с медной кожей, выглядевший намного моложе, чем показалось Джуд днем ранее.

— И? — спросил белый парень, стоявший рядом с ним. Он приложил палец к шее, где находился его компьютерный имплант, соединенный с наушником в ухе и линзой в глазу. С усилениями, значит. И еще один придурок. — Черт. Фотографии не получаются. — Он снова нажал на место на шее. — Черт.

— Пошли, чувак. Оставь ее в покое, — сказал меднокожий парень. Его глаза были большими, темными и влажными. — Простите, что отвлекли вас, мисс.

— Мисс? — изумился его друг. — Господи, Сэнджей. Она по колено в птичьем дерьме.

— Привет, Сэнджей, — сказала Джуд и улыбнулась.

Он должен был испугаться, все ведь пугались. Но Сэнджей вовсе не казался напуганным. Он спросил:

— Может, я перехвачу тебя чуть позже?

— Может, — ответила Джуд. Ее голос звучал странно, даже для нее самой.



Поищи фотографии.
Мне стоит взять свой зонтик?
Расскажи мне историю Юдифь[42].
Включи танцевальную музыку.
Напиши Бретт, что я уже еду.

Вечером Джуд снова оказалась у Букингемского фонтана, сидящей на спине каменного дракона, словно он мог унести ее туда, где она что-то значила бы для самой себя, где она могла бы пугать людей, когда сама того хотела, где жажда не иссушивала бы ее горло до хрипоты.

И из-за того, что она сидела слишком долго, пришли они. Девушки. Их было пятеро, они пле-

---

[42] Примечания: 42

Имя Джуд является сокращенным от Judith (Юдифь, Иудифь). Юдифь — персонаж Ветхого Завета. Согласно легенде она спасла свой родной город от нашествия ассирийцев, соблазнив их полководца и отрезав ему голову.

лись по Грант-парку, стайка начесов и коротких юбок, грубых ботинок из кожзама и вульгарных татуировок. Сердце Джуд заныло, как и желудок. Не так давно она могла быть одной из них, потерянной и одинокой, провозгласив себя дурным семенем, прежде чем кто-то успел бы сделать это раньше нее.

— Ты на что, мать твою, пялишься, стерва? — крикнула их лидерша, высокая, крепко сбитая девушка с белой кожей и полосками на волосах.

— На звезды, — ответила Джуд. — А вы?

— Слушай сюда, — сказала полная девушка. — Что ты куришь? Есть травка для нас? А конфетки? — Девушка медленно придвинулась ближе, притягиваемая жаждой Джуд.

Джуд облизала свои пересохшие губы.

— Вам лучше пойти домой, если он у вас есть.

Девушка распростерла руки:

— Весь этот город — наш дом. Может, это *тебе* лучше уйти.

Джуд так много раз задумывалась о том, чтобы уехать. Но куда ей податься? И кто позаботится о Лоло, Олив, Нелл и остальных? Кто присмотрит за Диватой? Может, мир и умирает, но разве ей не стоит остаться здесь, даже если единственное, что она может сделать, — немного облегчить

эту боль?

— Эй! Я с тобой разговариваю, — сказала полная девушка. Остальные четверо столпились позади нее, хором вторя ей: «Да, стерва» и «Мы с тобой говорим, стерва».

— Я ничего не курю, и у меня нет для вас конфет, — ответила Джуд.

Грузная девушка рассмеялась грузным смехом и едва заметно придвинулась еще ближе.

— Как насчет телефона у тебя в кармане? Кто-нибудь заплатит за него несколько баксов.

Теперь она была так близко, что Джуд могла видеть линии на ее мускулистых бедрах, плотных и упругих, под сетчатыми чулками. Пульс на белой шее девушки участился, кровь манила из-под кожи.

— Честно, — сказала Джуд. — Уходите отсюда, пока можете.

— Уходите? — переспросила девушка. — Я не… — Между ее бровями пролегла предательская складка.

— Ханна? — спросила девушка, стоявшая дальше всех. — Что нам делать?

— Делать? — отозвалась Ханна. Ноги Ханны покачнули ее тело вперед. Она была всего лишь кроликом, всего лишь добычей, прекрасной в

своей жертвенности.

Одна из девушек потянула Ханну за руку:

— С тобой всё в порядке?

Ханна, с вздымающейся грудью, не сводя диких глаз с Джуд, стряхнула ее руку.

— Я чувствую тебя, — выдохнула она. — Твои зубы.

— О чем ты, блин, говоришь, Ханна? — спросила другая девушка, а потом, в ужасе глядя на свои собственные ботинки, сделала шаг к Джуд.

Ханна обратилась к Джуд:

— Я… Я готова. Пожалуйста.

Джуд протянула руку и коснулась щеки Ханны. Ханна повернула голову. Джуд наклонилась вперед, страдая от жажды, от жажды крови, но Ханна тоже страдала от жажды. Как и все эти девушки.

У Джуд засвербело между лопатками, потом стало жечь. Боль была такой сильной, что Джуд не смогла бы дотянуться до нее, даже если бы попыталась. Она могла взять Ханну, могла взять их всех, но что бы это изменило?

— Я тоже думала, что я готова. — Джуд отвела ладонь от теплой кожи Ханны. — Но я не была. Никто не готов.

Ханна потрясла головой, поморгала. Сделала шаг назад, потом еще один, с дрожащими щерба-

тыми коленками.

— Еще раз тронешь меня, и я выбью из тебя эту дурь.

— Ага, — ответила Джуд. — Не сомневаюсь.



Сегодня будет жарко?
Будет холодно?
Кто рядом со мной?
Ты пойдешь?
Ты тут?

Организаторы вечеринки активизировали подготовку. Десятки людей заполонили парк, развешивая освещение и растяжки. Приехали еще грузовики — несколько с водой, остальные со стульями, столами и брезентом. Джуд изо всех сил старалась их игнорировать, лишь однажды вспылив, когда одна белая женщина средних лет с пышными волосами и выдающимися формами предложила запереть Лоло в закрытом вольере на время вечеринки.

— Она уже выглядит полумертвой, — заявила женщина.

Джуд любезно ответила:

— Это же лучше, чем выглядеть совсем мертвой,

правда ведь? — и кинула кусок «лосося» прямо в ее пышную прическу.

— Что на тебя нашло? — спросила Дивата.

— Ничего, — ответила Джуд, и это была правда.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала ей Дивата. — Иди домой. Возвращайся, когда снова станешь собой.

Станешь собой? И кто же это конкретно? Ее ночная прогулка увела ее на северо-запад, к Джефферсон-парку. Дом был таким же, каким она его помнила, маленькое бунгало среди десятков других маленьких бунгало. Она обошла вокруг, запрыгнула на козырек над крыльцом. Через окно увидела своих спящих родителей. Мать лежала, одной рукой прикрыв глаза, отец же спал с отпавшей челюстью и храпел. Она открыла окно и шагнула внутрь. Поверхность прикроватной тумбочки была заставлена бутылками с таблетками, саму комнату пропитал устойчивый запах сигарет.

Но, видимо, она двигалась не так бесшумно, как надеялась, потому что отец открыл глаза.

— Джуди? — позвал он голосом, хриплым от пива, наркотиков и сна. — Это ты?

— Нет, — ответила она.

Он кое-как приподнялся, чтобы сесть.

— Что ты делаешь? Который сейчас час?

— Поздний. Ранний. Зависит от того, как посмотреть.

— А?

— Не важно.

Он протер глаза.

— Ужасно выглядишь. Ты больна?

Весь мир болен.

— А ты? — спросила она.

— Моя спина, — сказал он. — Ты же знаешь. Эй, а у тебя деньги есть?

Прошел год с тех пор, как она была здесь в последний раз. Можно было предположить, что он будет чуть более удивлен, увидев ее. Счастлив, быть может. Но здесь было не место счастью. На короткое мгновение Джуд захотелось перевернуть кровать, скинув их обоих на пол. Ей хотелось рассказать им о любви, о жажде и о том, что они обе сделали с ней, когда ее родители не видели. Ей хотелось рассказать им о золотом юноше, который обожал сказочных существ, который сам был таким существом. О том, что он забрал у нее: волю, кровь и человеческую сущность.

Но она пришла сюда не для этого.

— Проси денег у мамы, — сказала она ему. —

Она всё еще платит за мой телефон.

— Что? Как? — Он толкнул мать Джуд: — Проснись, стерва. Так ты мне, значит, врешь.

Ее мать перевернулась на бок.

— Иди к черту, Майк.

— Джуди только что мне сказала.

— Пусть Джуди тоже катится к черту.

Оставив их за очередной неизбежной ссорой, Джуд незаметно выскользнула в свою комнату и, к своему удивлению, обнаружила ее нетронутой — одежда раскидана по кровати и ковру, старые помады собирают пыль на комоде. Она нашла спортивную сумку и затолкала в нее кучку одежды. Потом закинула сумку на плечо и вышла из дома через дверь на кухне. Она направилась обратно в зоопарк и добралась туда вместе с рассветом. Засунула свой баул в шкафчик и приступила к утренней рутинной работе. Пришла Дивата и помогла ей выложить еду для Лоло. Лоло не проявила никакого интереса к еде, но ей понравилось ведро, в котором ее принесли, и она надела его на голову наподобие шляпы. Когда Дивата сказала ей, что она выглядит несуразно, Лоло взвыла и рычала до тех пор, пока Джуд не надела ведро себе на голову.

Пока Джуд, Дивата и остальные работники

зоопарка выпускали животных в открытые вольеры, дорожки заполонила армия, одетая в одинаковые черные футболки. На футболках была надпись «Движуха на днюху Д», и люди в них разъезжали по территории на гольфкарах, развозя еду и напитки по кафе и стойкам с едой. Со всех направлений подъехали грузовики с водой, и работникам зоопарка было велено напоить животных и «Взбодрить этих малышей!». Прибыл фургон на колесах и припарковался между магазином сувениров «Дикие штучки» и «Домом львов». Люди в футболках установили сцену, после чего вытащили из грузовика уличную мебель и расставили стулья и диваны вокруг переносных костровых чаш. Сотни тысяч крошечных огоньков, педантично развешанных людьми в перчатках и на ходулях, украсили деревья и клетки. Десятки охранников наблюдали одновременно за людьми и животными, прижимая пальцы к чипам, хирургически установленным за деформированными ушами, в их взглядах отчетливо читались подозрения и социопатия. Один из них схватил Джуд за руку, когда та шла напоить Олив и Нелл.

— Эй! Где твой бейдж?

Джуд взглянула на руку мужчины, подавляя

желание оторвать ее от его тела и один за другим пооткусывать все пальцы. Вместо этого она вытащила из переднего кармана свой потрепанный бейдж.

— Вот, — сказала она и улыбнулась.

Мужчина откачнулся от нее, пробормотав:

— Извините, — и отпустил. — Мне… жаль.

— Я знаю, — ответила она.

Внутри вольера для львов Олив, которая была меньше и стройнее Нелл, потерлась о колени Джуд. «Девочка-чудище», — промурлыкала Олив. Нелл встала на задние лапы, положила передние на плечи Джуд и лизнула ее в лицо. «Любимая девочка, — проурчала Нелл. — Что ты нам принесла сегодня?»

Джуд пыталась игнорировать футболки и охранников, пока поливала водой из шланга вольер, пока гладила львов. Олив и Нелл лакали воду большими жадными глотками.

— Хорошие кошечки, — сказала им Джуд.

Одна из футболок крикнула:

— Эй! Готичная цыпочка! Мне надо сделать несколько хороших фотографий, чтобы выложить в наших новостях. Может, ты принесешь своим пушистым друзьям какую-нибудь игрушку или что-то подобное?

— Я попробую, — ответила Джуд.

Незадолго до того, как должны были прибыть почетные гости, Джуд столкнулась с Диватой в раздевалке работников зоопарка. Дивата ошарашенно уставилась на нее:

— Я тебя едва узнала. Ты причесалась? И что это ты надела?

Одежду, которую она забрала из своей старой комнаты, своей прежней жизни: короткая юбка, чулки в сетку, грубые ботинки из кожзама.

— Я запомнила, что ты сказала. Что я могу что-нибудь со всем этим сделать. Я подумала, что смогу с кем-нибудь познакомиться.

Дивата довольно долго молчала. А потом спросила:

— С каких это пор ты меня слушаешь?

— С этих, наверно.

— Ладно. Ты выглядишь… — Дивата наклонила голову, раздумывая.

— Как?

— Юной и отчаянной. У тебя появится много… друзей. Если это то, чего ты хочешь.

Джуд не ответила, лишь только отпила воды из бутылки, протянутой ей Диватой. Она спрашивала себя, почему Дивату не притягивало к ней так, как остальных, но, может, ее и притягивало, про-

сто по-другому. Дивата спасла ее. Джуд раньше думала, что платила ей за доброту, каждый вечер провожая до автобусной остановки, но теперь это казалось глупым. Это было не то, что Дивата просила ее сделать.

— Пойдешь со мной? — спросила Джуд. — Я немного нервничаю.

— Я тебе не верю, — ответила Дивата. — Ты ничего не боишься.

Однако она понеслась перед Джуд, как всегда, пробивая дорогу в толпе гостей, большинство из которых уже были пьяными и буйными.

Дивата пробурчала:

— Если кто-то из этих придурков хоть *глянет* на моих животных как-то не так, у них будут большие, мать их, неприятности.

Они дошли до большой палатки в центре главной аллеи, где именинник собрал свой двор, словно какой-то король. Он был среднего роста, с густыми седеющими волосами, раскрасневшимся лицом и маленьким, эгоистично миниатюрным ртом, как у миноги. В одной руке он держал бутылку пива и широко размахивал ею во время разговора. Окружавшие его краснолицые мужчины смеялись вместе с ним, поднимали за него тосты и хлопали его по спине.

— С днем рождения, Ди Кей! Ты настоящий мужик!

Дивата и Джуд нашли себе места у барной стойки. Напротив них оказался Сэнджей, стоявший в толпе других организаторов вечеринки. Он помахал ей. Из-за больших влажных глаз он выглядел еще моложе, словно молодой олень в лесной чаще. Она надеялась, что он не будет бояться ее после всего.

— Ты так и не сказала мне, чья кровь это была, — сказала Дивата.

— Что?

— Когда я нашла тебя с Олив и Нелл. Всё вокруг было в крови. Помнишь, сколько времени у нас ушло на то, чтобы ее отмыть?

— Ах, это. — Джуд предложила себя золотому юноше, которого любила, а он, в свою очередь, предложил ее волшебным существам, которых он любил больше. Она должна была стать игрушкой, но стала чем-то другим. Чем-то с когтями, чем-то с зубами, бла-бла-бла. Существом другого типа. Она укусила первой несколько раз, а потом позволила Олив и Нелл разобраться с тем, что осталось.

Дивата постучала ладонью по барной стойке:

— Я хочу только знать, заслужил ли он это.

— Больше, чем я.

Были и другие люди, заслужившие это, так много других.

Довольно скоро глаза именинника обнаружили ее, молодую, отчаянную и такую… такую жаждущую, в чулках в сетку и короткой юбке. Он подошел к ним.

— Здравствуйте, дамы, — сказал он. — Хорошо проводите время?

Дивата что-то проворчала, а Джуд ответила:

— Это лучший день в моей жизни.

Узкий рот мужчины растянулся в улыбке:

— Хочешь чего-нибудь? Пива? Воды?

В первый раз Джуд смаковала свою жажду, ее силу. Она чувствовала покалывание между лопатками, откуда должны были расправиться крылья при первом же укусе.

Джуд разгладила юбку на бедрах.

— Воды. Было бы чудесно. Спасибо.

Летучие мыши, или Милейшие неправильно понятые летающие грызуны

Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Сложно представить разговор о вампирах без упоминания самых готических маленьких грызунов в природе — летучих мышей. Но летучие мыши не всегда были частью легенд о вампирах. Да, граф Дракула превращается в летучую мышь в «Дракуле» Брэма Стокера. Но он также может путешествовать в частицах лунной пыли или превращаться в волка, собаку либо туман. Так почему же Дракула не превращается в кролика или бабочку? Дело не только в том, что эти создания чрезвычайно очаровательны и не имеют клыков. Существует теория, что испанские конкистадоры привезли с собой истории о кровососущих летучих мышах, когда вернулись в Европу с Американского континента, познакомив свою родину с целым миром ужасов. Кровососущие летучие мыши, совершенно очевидно, находятся всего в одном шаге от кровососущих людей или

чудовищ, так ведь??? К сожалению, в реальном мире летучие мыши-вампиры не наделят вас бессмертием — только бешенством. Точно так же у ведьм всегда есть друзья из семейства кошачьих, связь между сверхъестественными существами и животными так сильна, что иногда они становятся ими. В рассказе Лоры Джуд обращают в вампира против ее воли, что делает ее озлобленной одиночкой, но ей удается найти точку опоры среди животных.

Если бы вы были вампиром и могли в кого-то превращаться, какое существо вы бы выбрали?

Зеркала, окна и селфи
Марк Оширо

Парень-невидимка
5 июня, 2018

~~Вы знаете, каково это — быть невидимым?=~~
~~Вы знаете, каково это — не видеть себя?~~

Я сделал это, потому что мне не с кем поговорить. И я тут не разыгрываю мелодраму. Я так долго читал слова других, пришло время высказаться и мне.

Меня зовут Циско.

(Глубокий вдох.)

Я вампир.

(Клише, я знаю.)

И я совсем один.

Ну, у меня есть родители, но бóльшую часть времени я не чувствую близости с ними. И не в том пошлом смысле, о котором вы могли подумать, тоже. Они считают меня скорее отклонением, чем кем-то еще. Меня не должно было существовать, и тем не менее вот он я! Выпихнутая в этот мир сама невозможность. И при этом мне самому выбора вообще никто не давал.

Я создал этот блог в надежде, что он поможет моей жизни стать чуточку более сносной. Я не знаю. У меня нет никаких грандиозных планов. Мне просто нужно поговорить о том, что я никогда не видел самого себя.

В буквальном смысле.

Я не знаю, как я выгляжу.

Довольно печально, правда?

0 комментариев

6 оценок

Парень-невидимка
6 июня, 2018

Есть правила. Мне нельзя их нарушать. Моя жизнь — дар, как мне сказали. Вампиры не дают потомства, если верить моим родителям, а они являются для меня единственным источником информации в этой области.

Так что эти правила нужны, чтобы защитить меня. Сохранить живым и здоровым. Оградить от других кланов, от вампиров, которые сотворят со мной ужасные вещи, если узнают о моем существовании. Я слишком уникальный, слишком особенный. Вампиры, без сомнения, враждебно относятся к тем, кто посягает на их территорию,

но мами и папи[43] предполагали, что всё худшее еще впереди, потому что… ну, меня просто не должно быть в природе.

Так что они спрятали нас далеко-далеко в глуши, и я знал правила всю мою жизнь.

Правила

1) Я постоянно должен быть под наблюдением. Серьезно. Мне вообще нельзя находиться вдали от мами и папи. Я нарушал это правило на короткие периоды времени — всего несколько минут то тут, то там, — но они и вправду постоянно рядом. Мне не разрешают даже охотиться в одиночку. Это слишком рискованно. Хоть мы и изолированы от остальных, потому что кто-нибудь может увидеть меня. Они могут узнать, что я существую. И это наихудший исход из всех возможных для моих родителей: что меня обнаружат, заберут, расчленят, подвергнут изучению, что само известие о моем существовании принесет нам всем горе и смерть. Так что мы живем на заброшенной ферме за… ну, давайте назовем что-то типа Блайта. Или Шеридана. Или Фрибурга. Мы всегда в какой-то глухомани. Иногда рядом есть несколько разрозненных домов, но обычно

---

[43] Примечания: 43
Мамочка, папочка (*исп.*).

на долгие мили вокруг абсолютно пустынная местность.

И *всё равно* я постоянно должен быть на виду.

2) Никаких фотографий. Никаких свидетельств для мира, что я существую. А это значит…

3) Никакого Интернета без присмотра. Папи украл много-много лет назад старый школьный компьютер, и иногда нам чудом удается подключиться к какому-нибудь сигналу поблизости. Сейчас примерно в четверти мили вниз по грязной дороге от нас есть еще один дом. Мы не в курсе, кто там живет. Но они по какой-то причине усилили сигнал, и соединение у них, вероятно, крайне хреновое, потому что я пользуюсь им каждый раз, когда могу принять их сигнал, особенно в ясные дни.

Но я пользуюсь моментами, когда мои родители оставляют меня без внимания. Когда они заняты. Когда я могу зайти на все те сайты, которые они мне запрещают. Они не хотят, чтобы я читал все те отвратительные вещи, которые люди говорят о вампирах. Слишком много дезинформации и пропаганды, очевидно.

Тем не менее я умею стирать историю браузера. Мами и папи не особо подкованы в этом, поэтому они и понятия не имеют, как меня остановить.

Так что я прочитал «о нас» уже немало всего. Что мир думает о вампирах. У вас у всех какие-то странные представления о том, какие мы. Но я не чувствую себя как-то иначе, зная все мифы и слухи. Неужели просто *знать* и вправду так плохо?

4) Дальше идет всякая мелочь. Мелочь, про которую они мне сказали, что это правда, и я верю им, потому что не нашел ничего в Интернете, что можно было бы им противопоставить. Так что: никакого серебра.

5) Никаких деревянных кольев. (Я что, могу сам себя проткнуть колом? Ну… ладно.)

6) Никаких зеркал. Очевидно, когда-то их изготавливали с подложкой из серебра, и хотя сейчас так уже никто не делает, старые привычки вампиров трудноискоренимы. Нельзя рисковать, нельзя нарушать правила.

7) Никакого взаимодействия с людьми, которые не являются едой, — ни случайного, ни запланированного. Вы понимаете, что это значит? Я никогда не разговаривал ни с одним из вас. Ни единого раза. О, я говорил с людьми, но обычно это было в тот момент, когда они теряли сознание, а я их благодарил. Какие-то еще разговоры? Никогда.

8) Никакого *чего-нибудь еще*.

Ладно, может, последнего правила на самом деле и нет. Но у меня такое ощущение, будто оно есть. Моя жизнь упорядочена и безопасна. Я не думаю, что делал хоть что-нибудь опасное с тех пор, как родился.

И это настолько скучно, насколько и кажется.

АнонимОдин: первый

8 оценок

Парень-невидимка
8 июня, 2018

Меня не должно существовать. Разве эта мысль не упоротая? Но это не мысль. Это данность. Я не шутил насчет всей этой темы размножения. Насколько я знаю, у вампиров не рождаются дети… никогда. Папи усадил меня, когда я был еще совсем маленьким, и рассказал мне всю историю. Вампиры существуют уже очень много веков — может, даже дольше, чем то, что вы считаете «человечеством», — но единственный способ появления новых вампиров — обращение людей, их трансформация в одного из нас. Однако однажды, несмотря на невозможность всего этого, моя мами забеременела, и девять месяцев спустя появился я. Прямо как человек.

Но я не человек.

Я что-то другое.

Это классно, я полагаю. Я могу очень быстро бегать и при этом не уставать, а еще я вижу супердалеко. Я не умею превращаться в летучую мышь; мами говорит, она не знает, откуда взялся этот миф о вампирах. И хотя при свете дня я отдыхаю, меня не одолевает сон — я просто устаю. Это больше похоже на медитацию.

Мне бы хотелось, чтобы это казалось суперсилой.

Потому что сейчас всё это скорее превращается в проклятье.

Они ушли из клана сразу, как только обнаружили, что мама беременна. Мы скрылись на севере в Аппалачах, потом направились на запад. Сейчас мы уже не так часто переезжаем, по крайней мере с тех пор, как обнаружили, насколько безлюдна эта пустыня. Так что я застрял здесь. И мне нечем больше заняться, кроме как изучать мир, вместо того чтобы жить в нем.

Я тайна.

Я невозможное.

Я так чертовски устал от всего этого.

0 комментариев

7 оценок

Парень-невидимка

10 июня, 2018

Знаете, чем я занимался этим утром?

Ждал.

Есть момент, когда приходит рассвет и свет заливает комнату, не причиняя мне вреда. Я почувствовал дневной свет лишь однажды, когда был совсем еще ребенком. Мне было любопытно. Можно ли винить меня за это? Вы наверняка тоже тестировали границы, установленные вашими родителями.

Ладно, может, не совсем так. Я никогда не забуду, как солнце пронзило мою кожу в тот первый раз, проникло вглубь до костей, отравив меня на несколько дней. Мами привела мне одинокого старика, почти при смерти, и я выпил его досуха, чтобы ускорить свое выздоровление. И даже после этого меня тошнило и знобило еще целую неделю.

Больше никогда.

Но я нашел идеальную точку. Я так близок к тому, чтобы это сработало. Есть всего один короткий миг, когда солнце поднимается на востоке и его загораживают только ветви ивы за окнами, что не заколочены. Это лишь квинтэссенция света, и если я повернусь лицом к окну, оно здесь. В экране компьютера. Цвет моего лица. Быстрое

отражение. Здесь нет настоящей формы; всё размыто и округлено, и я пока не могу разобрать ни одной детали. Я не знаю, потому ли это, что мы ни в чем не отражаемся, или просто это ужасная поверхность. Но я намерен увидеть себя.

Вот за чем я провожу свое время утром в некоторые дни, пока солнце не становится слишком ярким, пока мы не спускаемся в подвал, который запираем изнутри.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Оооох, как жутко. Мне нравится. Такая клевая история!

4 оценки

Парень-невидимка
12 июня, 2018

Сегодня я сделал кое-что безбашенное.

И я чувствую себя живым.

Я сказал папи, что хочу полежать на крыше, глядя на звезды. Я прочитал о метеорном дожде, который должен пройти над пустыней этой ночью, и это не было ложью. Он сказал, что я проявил «инициативность», желая узнать больше о мире, и улыбнулся мне, из-за чего его темные кустистые усы покачнулись на широком лице. У меня внутри появилось забавное чувство, похожее на щекотку, и мне это понравилось.

Иногда мои родители не так уж и плохи.

Папи поначалу не присоединился ко мне; он сказал, что выйдет позже. Я забрался на крышу всего за несколько прыжков. С самой высокой точки я видел на мили вокруг в каждом направлении. Ночь была ясной, прохладной и тихой, и я мог услышать крики койотов вдалеке, если сосредоточиться, заблокировать у себя в голове всё остальное. Мой слух всегда был лучше, чем зрение.

Но сегодня я заметил вспышку. Проблеск в четверти мили на восток.

— Они слишком близко, — однажды сказала мне мама. — Мы их не трогаем. Мы не охотимся рядом. — Я понятия не имел, кто жил там, но я знал, что это был за свет.

Фары автомобиля.

Я устремился к ним, не задумавшись ни на секунду. Спрыгнул с крыши и сразу пустился бежать. Я никогда еще не двигал своими ногами так быстро, никогда не использовал силу последнего кормления так интенсивно, никогда не чувствовал такого потока пустынного воздуха вокруг своего лица. Я сосредоточился на местоположении этой вспышки и секунды спустя уже стоял рядом с тем домом.

Нужно было действовать быстро.

Бросившись к зданию, я заглянул в ближайшее окно, дав глазам привыкнуть к отсутствию света.

Нет. Не здесь.

Я подскочил к задней двери, слыша, как внутри шаркает человек. На крыше было какое-то металлическое приспособление, и я задался вопросом, не с его ли помощью человек раздавал свой беспроводной сигнал так далеко от дома.

Я снова заглянул внутрь.

Его дом был захламлен обрезками металла, проводами, системными платами и прочими видами электронной атрибутики. Но это было не то, что я искал.

Я развернулся и увидел свой дом вдали. Страх поднялся у меня внутри, и я представил, как отец поднимается на крышу, чтобы присоединиться ко мне, обнаруживает, что меня нет, и понимает, что я наделал. «Скорей, Циско!» — сказал я себе.

Свет включился в другой комнате. Я услышал, как течет вода. Мне было *просто необходимо* попасть туда.

Я прокрался мимо восточной части дома к маленькому окошку, из которого лил желтоватый свет. Подпрыгнул и зацепился пальцами

за подоконник. Замер, не издавая ни звука. Потом подтянулся так медленно, как только мог, надеясь, что человек внутри не заметит меня. Я сощурился от яркого света и…

Зеркала нет.

У него не было зеркала в ванной.

Я отпустил руки и беззвучно приземлился в грязь. Я уже бросился прочь от дома этого человека, когда услышал скрип, звук ржавой петли.

Я развернулся.

Там никого не было.

Только она болталась на ветру. *Дверца почтового ящика*. Я распахнул ее.

Конверт.

Я вытащил его. *Хайро Мендоза*. И адрес. Адрес! Ох, как я раньше до этого не додумался?

Я повторял его снова, и снова, и снова, и снова, и снова, и снова, пока бежал домой, отчаянно надеясь, что родители еще не вышли проверить меня.

Я оказался на крыше несколько секунд спустя, и когда папи вышел, чтобы присоединиться ко мне, то какое-то время молчал.

— Это прекрасно, — сказал он мне.

— Ага, — ответил я.

У меня была идея. Я не знал, сработает ли она.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Ладно, я на крючке. Когда будет следующая глава? Тебе надо постить это на АО3[44].

МожноЯЗакричу: Это не фанфик. Там размещают только фанфики.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Мне кажется, это всё равно хороший рассказ. Такое ощущение, будто это и вправду происходит в реальной жизни.

15 оценок

Парень-невидимка
14 июня, 2018

Я сделал это.

Я сделал это.

Это стоило потраченного времени на все сто процентов. У меня не было метеорного дождя в качестве алиби. Мы как раз закончили мой урок по какой-то скучной части Америки. Терпеть не могу, когда родители пытаются обучить меня истории, потому что… ну, они при ней присутствовали. По крайней мере, последнюю пару сотен лет. Они обмениваются смешками и зна-

[44] Примечания: 44
Archive of Our Own (с *англ.* — «Наш собственный архив») — некоммерческий, пополняемый пользователями репозиторий фанатского творчества.

ющими ухмылками, делают тайные отсылки к чему-то, и это просто выводит меня из себя. Они никогда не рассказывают мне ничего по-настоящему интересного! Постоянно придерживаются украденных ими учебников для старшей школы, иногда отпуская комментарии о том, насколько «неточен» текст.

Это еще одна причина, почему я живу отдельной от них жизнью. И это они ее так распланировали. Вся моя жизнь распланирована.

Так что, когда папи сказал, что собирается снова сбегать в школу, чтобы посмотреть, нет ли у них второго тома «Алгебры», я сказал, что мне не нужна алгебра, потому что я вампир. Ему это показалось очень смешным.

И он всё равно отправился туда.

Почему? Почему они хотят, чтобы я учил всё то, что мне не позволено применить на практике? Зачем мне тратить время на историю, математику и естественные науки, если они не разрешают мне знакомиться с миром?

Когда папи ушел, ко мне подошла мами. Я сидел, прислонившись спиной к стене, во мне бурлило раздражение. Она сказала, что собирается на несколько минут спуститься в подвал.

— Одна нога здесь, другая там, михо[45], — сказала она, пробежав пальцами по моим черным кудрям и поцеловав меня в лоб.

Я знал, что это был мой единственный шанс.

И я побежал. Еще быстрее, чем прошлой ночью. Направился прямо к дому Хайро и, добравшись до задней двери, замер на месте.

Я никогда прежде не делал ничего подобного.

Я положил ладонь на дверную ручку и медленно повернул ее. Она не издала ни звука. Я толкнул дверь и заглянул внутрь. Людей не было. Совершенно никого. Я тихо вошел в дом, не дав двери хлопнуть, и направился из кухни в его комнату.

Он спал.

И это было так тяжело. Я ничего не ел уже два месяца, и хотя я способен хорошо контролировать себя, я слышал его.

Тук, тук.

Тук, тук.

ТУК, ТУК.

Так громко.

Так… вкусно.

Но у меня была причина прийти сюда. Я шагнул к маленькому прикроватному столику, поднял

---

[45] Примечания: 45
Мой сын (*исп.*).

кошелек и вытащил две кредитные карты.

Несколько секунд спустя я уже бежал прочь.

И вскоре был дома.

И читал новостной сайт, когда мами поднялась из подвала.

— Что интересного происходит в мире?

Я покачал головой:

— Да ничего нового.

Она вздохнула:

— Мы на мели. Хочешь завтра поохотиться?

Я кивнул.

— Си[46], мами, — я хотел продолжить, но она меня перебила.

— Хунтас[47], — сказала она. При этом упоминании во мне всколыхнулось отчаяние: никогда в одиночку.

Мами пристально всмотрелась в меня, и в ее глазах отразилась та же наивность, что и в голосе. Она была у руля. Я не мог выбирать сам.

— Ладно, — пробормотал я. Мое лицо горело. — Вместе.

Она взлохматила мне волосы, и от ее жеста по моему позвоночнику пробежал гнев.

---

[46] Примечания: 46
Да (*исп.*).

[47] Примечания: 47
Вместе (*исп.*).

— Когда ты подрастешь, мы об этом поговорим.

Потом она ушла.

Она стояла совсем рядом с комнатой, всего в нескольких футах от меня, когда я использовал кредитную карту Хайро, чтобы заказать цифровую камеру с наилучшими показателями светочувствительности.

Я собираюсь сделать это. Как только она прибудет к его дому, я сделаю это.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Как такое вообще возможно, что мне настолько интересен какой-то незнакомец.

КаждомуСвое: зачем ты пишешь по одному предложению в строку?

6 оценок

Парень-невидимка
14 июня, 2018

Как я выгляжу? У меня заостренный нос? Или широкий? Я уже ощупывал его раньше. Думаю, он расширяется по бокам. Как насчет моих бровей? Моих ушей? Мне реально не с чем сравнить их. У меня темные глаза? Светлые? Как выглядят мои кудри? Я знаю, какие они на ощупь, но это совсем другое. Меня стрижет папи, всего пару

раз в год, и когда я накручиваю кудри на пальцы, одна сторона всегда кажется короче другой. Но я не могу сам посмотреть. Он говорит, что всё выглядит прекрасно, и снова — мне приходится полагаться на то, что говорят мне родители. У меня просто нет выбора.

Это скоро случится.

Скоро я увижу себя.

ЯТакойЖеКакТы: Я помогу тебе. Обещаю.

4 отметки.

Парень-невидимка
15 июня, 2018

Моя цель заряжала меня энергией на охоте сегодняшней ночью.

Мы были во многих милях от дома, далеко на юге. Папи сказал, что знает маленькое поселение у подножия гор в той стороне, и он был уверен, что там мы кого-нибудь найдем. Кого-нибудь, кого никто не будет искать.

Мы бежали примерно десять минут, пока не добрались до него. Спрятанное за мескитовой рощицей, оно мерцало в тусклом лунном свете. Я замедлил бег, и мами заметила это первой.

— Циско, вэмонос[48], — крикнула она. — Нам еще далеко бежать.

Я подошел к краю маленького оазиса, озера, подернутого рябью от легкого бриза. Наклонился над кромкой. Увидел очертания себя, тень и размытые формы, мое лицо расплывалось в мягких волнах. Сегодня луна была неполной, а если бы была, смог бы я увидеть себя лучше? У меня была пара недель, чтобы узнать.

«Надо сюда вернуться, — сказал я себе. — Запасной план, просто на всякий случай».

Я побежал за родителями. Но никак не мог перестать думать о той воде и переливающемся расплывчатом отражении.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Ты ведь не охотился на самом деле, да?

ЖалкоеДело: Только что нашел этот блог. Ух ты, какой клевый проект. Жаль, что его придумал не я!

7 оценок

Парень-невидимка
16 июня, 2018

Я так долго читал о чужих жизнях. Проглатывал

---

[48] Примечания: 48
Скорее (*исп.*).

истории людей со всего мира, которые борются с проблемами, вероятно, посерьезнее моих. Но бóльшую часть времени я чувствую внутри пустоту, словно всё, что мне остается, — заливать в себя жизнь незнакомцев. Я хочу тоже когда-нибудь стать наполненным. Я устал смотреть в окна ваших домов, на ваши семьи.

Я хочу, чтобы кто-нибудь увидел *меня*.

Папи сказал, что я провожу слишком много времени за компьютером. Что мне нужно больше слушать его и мами, что они знают мир лучше, чем кто-либо другой. Я просто улыбнулся им. Что я мог ответить? Они не «жили» в этом мире уже семнадцать лет. Мы были добровольными изгнанниками с тех пор, как я родился. Как они могут знать больше, чем все остальные?

Мне нужно это сделать. Папи лишь еще больше убедил меня в этом.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Мы тебя поддерживаем! Ору, только послушайте меня, я будто одержимая.

ЖалкоеДело: Люди постоянно говорят мне, что я провожу слишком много времени онлайн. Может, если бы окружающий мир был лучше, я бы проводил в нем больше времени.

CallOfDuty92301: И что вы нашли в этом мело-

драматическом мусоре?
12 оценок

Парень-невидимка
17 июня, 2018

Сегодня я бегал к дому Хайро. Выдалась для этого недолгая возможность. Мне всё лучше удается урывать эти моменты, и наша ночная охота немного зарядила меня необходимой энергией. Мы поймали человека, заглядывающего в дом другого человека, и я почти час кормился этим преступником. У меня не было чувства вины из-за того, что я осушил его; это было прекрасно. Иногда я испытываю вину за то, что мы обрываем чью-то жизнь. Но мы благодарим их за то, что они дают нам. Их жертва позволяет нам жить.

Мами рассмеялась, когда я сел и рыгнул. Она долго смотрела мне в лицо, и это было не как вчера.

— Эстас кретьендо[49], — произнесла она с теплотой в глазах. — Может, ты сможешь охотиться один.

При этих словах я оживился:

---

[49] Примечания: 49
Ты растешь (*исп.*).

— Де верас?[50]

Она покачала головой:

— Не так скоро. Когда мы поймем, что тебе можно доверять. Когда мы поймем, что ты следуешь правилам.

— А я разве не следую?

— Да, — сказала она. — Но нам нужно еще несколько лет, чтобы убедиться.

Значит… никогда.

Ведь это она имела в виду, верно?

Мы забрали другого мужчину с собой. Оказалось, что он жил один, и он особо не шумел.

Сегодня к дому Хайро почту не приносили.

Возможно, это была ужасная идея. 🖕

0 комментариев

6 оценок

Парень-невидимка
18 июня, 2018

Вы знаете, каково это — быть в ловушке?

Быть обнесенным стенами. Без возможности сбежать.

Я не вижу, как мне из всего этого выбраться.

Простите. Сегодня снова не было почты. От-

---

[50] Примечания: 50
Правда? (*Исп.*)

стойный день.

Ха-ха. Жаль, что это звучит не так смешно, как я надеялся.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Мне очень жаль: (

3 оценки

Парень-невидимка
19 июня, 2018

Они нашли меня.

Я такой идиот. Мне следовало знать, что всё было слишком просто. Мне следовало знать, что всё шло слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Они думали, что я охочусь один. Они *гордились* мной. Поэтому они следовали за мной на расстоянии, наблюдая, как я помчался из дома в безлюдную пустыню.

Они думали, что я готов стать кем-то еще.

Вместо этого они увидели, как я приблизился к тому дому.

Как я направился прямиком к почтовому ящику, не обращая внимания на всё остальное.

Как я распахнул его.

Вытащил посылку.

Разорвал бумагу.

И Хайро Мендоза поднял свое ружье.

Направил его на меня.

Я услышал, как ударил кремний, потом увидел дымку, вспышку, а потом бах — и мами повалила Хайро на землю. Она свирепо выкрикнула что-то, разорвав ему горло одним быстрым движением, и брызги крови тут же оросили сухой песок.

Когда она встала, у нее не было кисти руки. Только култышка там, где кисть была раньше.

Она приняла картечь на себя. И я стоял, пристыженный, держа в руке коробку с цифровой камерой, а папи кричал на меня, повторяя снова и снова:

— Ке итисте[51], Циско?!

Что *я* наделал?

Мама кормилась — жадно, ненасытно. Хайро Мендоза умер, опустошенный за минуты, пока она, тяжело дыша, начала процесс отращивания конечности. Он займет несколько дней. И будет болезненным.

— Мы сделали это, чтобы защитить тебя, михо, — сказала она, в то время как красная кровь стекала по ее горлу на теперь покрытую пятнами рубашку. — Ты должен был следовать правилам. Зачем? Зачем ты это сделал?

---

[51] Примечания: 51
Что ты наделал (*исп.*).

Мне нечего было им ответить. Я не мог ничего объяснить им, да и сейчас, сидя в темноте, мне нечего сказать.

Они закопали его тело вдали отсюда. Сказали, что у нас всё будет хорошо, но нам наверняка скоро придется переехать.

Поднимается солнце.

Мне пора идти.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Вернись! Мы слушаем тебя!

АнонимОдин: Тут еще не закончилось?

ЖалкоеДело: Черт, это происходит на самом деле? Мне всё это кажется таким странным. Может, и вправду какой-то настоящий парень мучается? Не знаю.

19 оценок

Парень-невидимка
24 июня, 2018

Мне по-прежнему нечего сказать.

Он мертв. И в этом виноват только я.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Ты сделал то, что тебе пришлось. Пожалуйста, вернись!

НастоящийФанатЭннРайс: Блин, какой-то гейский блог.

КаждомуСвое: @НастоящийФанатЭннРайс,

кто так говорит в 2018[52] году?

18 оценок

Парень-невидимка
29 июня, 2018

Сегодня я вернулся к озеру.

Было полнолуние, и я не покидал дома с тех пор, как они поймали меня. На этот раз я сказал папи и мами правду: что мне необходимо выйти на улицу, хотя бы на час, иначе я просто взорвусь. Думаю, они видели, каким печальным я был, как сильно я сожалел о том, что натворил.

— Уна хора[53], — сказала мами. — Потом возвращайся назад. Этьендес?[54]

Я кивнул:

— Ло сиенто[55].

За последние дни я повторил эту фразу много раз.

Я знал, что один из них последует за мной. Я

---

[52] Примечания: 52
Был провозглашен ЛГБТ-сообществом годом принятия.

[53] Примечания: 53
Один час (*исп.*).

[54] Примечания: 54
Понял? (*Исп.*)

[55] Примечания: 55
Прости (*исп.*).

знал, что они не оставят меня одного. Они мне не доверяли.

Так что я замер у кромки этой сверкающей красоты и испытал разочарование, обнаружив, что выгляжу точно так же.

Размытый по краям. Мутный. Бесформенный.

Это занятие было таким бессмысленным.

Поэтому сначала я решил, что он мне привиделся. Я поднял взгляд на силуэт по другую сторону оазиса и подумал, что, может, это просто еще один гигантский кактус, высокий и молчаливый.

Но потом он двинулся вперед.

Я видел черные волосы, отражающие свет луны.

Он поднял руку, приветствуя меня.

Я сделал то же самое.

Я посмотрел на север, где ожидал увидеть наблюдающего за мной папи, но его там не было. Возможно, он снова прятался. И если так, то видел ли он жест этого человека?

После: пульсация. Волна. Что-то прошло сквозь мое тело, легко и щекотно.

Я повернулся, сфокусировав взгляд на молодом человеке.

Он *улыбнулся*.

Прошла еще одна волна, и я сделал шаг вперед,

так что край моего ботинка оказался в воде, и, чем бы ни было это чувство, оно тянуло меня вперед, к этому парню.

А потом… он просто исчез.

Облачко пыли поднялось там, где он стоял. Он двигался так быстро, и… возможно ли это? Был ли он еще одним… *мной*?

Еще одним вампиром. Это казалось таким невероятным; меня держали подальше от других всю мою жизнь, и иногда они казались просто мифом. Сказкой. Преувеличением.

Может, я воспринимаю так всех вас. Просто история.

Я вернулся домой. Мами стояла в дверном проеме, приглаживая волосы. Она нервничала. Она теперь всегда нервничала рядом со мной, словно я мог сделать внезапное движение и исчезнуть. Пропало доверие, но, что еще хуже, казалось, что ее *надежды* на меня, на мое взросление, тоже испарились.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала она.

— Правда? — спросил я. И позволил себе спросить: — А как я вообще выгляжу, мами?

Она окинула меня взглядом, пристально всмотрелась мне в лицо, и я хотел знать, что она увидела. Что цвет моего лица поблекнул? Что я

тонул в чувстве вины?

— Ты прекрасен, — сказала она. — Но ты пугаешь меня. Я боюсь, что теряю тебя.

— Прости, — сказал я.

Я заметил, что она не ответила на мой вопрос.

— Правила существуют не просто так, — напомнила она мне. А потом быстро скрылась в нашем доме.

К черту правила.

МожноЯЗакричу: Черт побери, меня так затянула история. Не мог бы ты писать чаще, чем раз в день ха-ха ну пожаааааалуйста.

53 оценки

Парень-невидимка
9 июля, 2018

Все последние дни под любыми предлогами я снова и снова возвращаюсь к озеру.

Я хочу снова его увидеть. Хочу знать, что это было за ощущение. Я столько всего хочу.

Так что я здесь каждую ночь, с той первой ночи, но он больше не появлялся.

Может, мне и вправду это привиделось. Говорят, чувство вины может спутывать сознание. А я не могу выбросить из головы образ брызжущей крови, хотя я уже столько раз видел кровь — боль-

ше, чем могу вспомнить. Но мами еще никого не убивала таким образом. Никогда.

От всего этого так больно. Словно огромная гора тяжелых камней лежит у меня на груди, и я не могу ее сбросить.

Наверно, какое-то время я не буду писать для вас.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Пожалуйста, возвращайся: (

68 оценок

Парень-невидимка
16 июля, 2018

Он настоящий.

Он настоящий.

Мне всё это не привиделось.

ОН НАСТОЯЩИЙ.

ПотомственнаяВедьма: Погоди, что ты имеешь в виду? Давай, чувак, напиши следующий пост!

127 оценок

Парень-невидимка
17 июля, 2018

Простите, я не собирался оставлять вас всех в таком напряжении. Мами вошла в комнату, и

мне пришлось закрыть текст и притвориться, будто я ищу информацию для очередного глупого папиного урока истории.

Кстати говоря, как вы все сюда *попали*? Я удивлен, что кому-то интересна эта бессмысленная бредятина, но… добро пожаловать.

Я всё еще не могу в это поверить. Я не один.

Есть другие.

На этот раз он был там, и когда он появился на краю оазиса, я едва смог в это поверить. После стольких попыток, почему именно сейчас? Почему именно в *этот* раз?

Я почувствовал его еще до того, как увидел. Я никогда прежде не ощущал такой волны, такой легкой пульсации, как когда этот странный парень стоял напротив меня через озеро. Это что-то вампирское? Мы можем это делать? Мои родители никогда не говорили ни о чем подобном, но, опять же, они вообще много чего скрывали от меня. Ох, ладно.

Он начал шептать, и я слышал каждое слово.

— Мы должны были убедиться, что ты один, — сказал он.

— «Мы»?

— Есть еще другие, — сказал он, и эти слова… они глухо отозвались в моей груди, сжали мое

сердце. — Мы наблюдали за тобой. Пытались найти правильное время.

Пустыня вокруг нас была безмолвна. Его голос был таким глубоким, таким мягким, его слова отбивали гулкий ритм у меня в ушах.

— Правильное время для чего?

— Для контакта.

А потом он оказался прямо рядом со мной.

— Я Куан, — сказал он. — И ты такой не один.

Я вздрогнул, сделал шаг назад. Пульсация снова прошла сквозь мое тело, словно невидимые руки давили мне на грудь. Я слышал всё: жуков, усердно роющихся в грязи; змею, ползущую под кустом на запад; тихий плеск воды у кромки озера. А это что, вой койота? Я повернул свою голову в том направлении, но ничего не увидел. Как далеко это было? В пятидесяти милях? В сотне? Как я вообще мог слышать на таком расстоянии? Я сфокусировал взгляд на лице Куана, заглушив в своей голове внезапное вторжение звуков.

— Для тебя это в новинку, да?

Его голос звучал уверенно. Когда я в последний раз говорил с кем-то, кроме моих родителей? Слова, вылетающие из его рта, пугали меня. Ужасали меня. Он был так прекрасен, с гладкой кожей, четко очерченными скулами, темными глазами,

шелковистыми волосами, черными, как смоль.

Я хотел его. Всё было просто.

— Что в новинку? — спросил я, подавляя желание прижаться к его губам своими. Почему? Почему всё это происходило?

— Чувство, которое ты испытываешь, — сказал он и улыбнулся, обнажив свои зубы. Они были острыми, как и мои.

— Что это? — я выдохнул эти слова, словно мечтал сделать этот выдох всю свою жизнь.

— Это то, что случается, когда мы оказываемся вместе. Такие, как мы.

Я сглотнул свое желание.

— И кто же я, по-твоему мнению?

— Мы все родились так же, как и ты, — сказал Куан и сделал шаг мне навстречу. Я остался на месте. — Нас не должно быть, но мы существуем.

— Как вы нашли меня?

Он улыбнулся, и один из уголков его губ приподнялся.

— Чувак, у тебя есть *блог*.

Я поморщился.

— Погоди, что, правда? Вы так меня нашли?

Он кивнул. Сделал шаг ко мне.

— Так странно видеть тебя снова, — сказал Куан. — Даже после того первого раза я никак не

мог поверить, что ты настоящий.

Он поднял руку.

Когда кончики его пальцев коснулись моей щеки, я задрожал. Электрический заряд перескочил от него ко мне, и я мог видеть так далеко, мог слышать так много, мог чувствовать, как внутри меня растет энергия от прошлого кормления.

— Мы несколько недель пытались тебя найти.

Он провел указательным пальцем по моей щеке.

— У нас есть то, что тебе нужно.

А потом его палец оказался на моей нижней губе.

И он был так близко.

Его рука двинулась к кудрям на правой стороне моей головы.

— Они короче с этой стороны, — сказал Куан. — Ты знал?

Я рассмеялся. Я *знал*, что я прав!

Его зрачки вдруг расширились.

Фшшш.

Он исчез.

Я задержал дыхание, а потом услышал хруст позади себя.

Папи.

Мами шла следом.

— Циско? — позвала она, и я попытался притвориться, будто вся моя жизнь не перевернулась.

— Аки[56], мами, — отозвался я.

Она грациозно обошла кактус и кусты фукьерии.

— Что ты здесь делаешь? — Она снова была обеспокоена и пронизывала меня взглядом.

Так что я сказал ей правду.

(Ну… *одну* правду).

— В этом месте, — сказал я, — я чувствую себя лучше. И не таким одиноким.

Папи встал рядом с ней, нахмурившись. Может, мне не стоило этого говорить. Может, мне следовало умолчать об этом. Но по боли на их лицах я видел, что они поверили.

А если они поверили мне, они не будут спрашивать, почему я вообще оказался у озера.

Мами несколько секунд покрутила свои длинные волосы.

— Ты правда чувствуешь себя одиноким? — наконец спросила она.

У меня от слез защипало глаза, и мне пришлось отвернуться. Разве это не было очевидно? Разве это не было кристально ясно, что я полностью

---

[56] Примечания: 56
Здесь (*исп.*).

изолирован, что я отчаянно хочу видеть что-то, кроме той жизни, которую они мне обеспечили?

— Иногда, — ответил я, идя на определенную уступку.

— Мне жаль, что тебе пришлось увидеть… ну, знаешь… то, что ты увидел, михо. — Мами переплела свои пальцы с папиными и продолжила: — Я знаю, что мы *особо* не говорили об этом. Мы просто не хотим, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

— Я знаю, — ответил я. Хотел сказать что-нибудь еще. Но позволил словам сгореть. Было бессмысленно что-то им объяснять. Они всё равно бы не поняли. — Мне просто нужно время, которое я смогу проводить наедине с собой каждый день. Недолго. Хорошо?

— Те амамос[57], Циско, — сказал папи.

Это худшая часть. Я уверен, что они любят. Но как сказать кому-то, что их любовь тебя душит?

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Фуф, у меня лицо горит.

ЖалкоеДело: С возвращением!

ПотомственнаяВедьма: Это должно быть правдой. Просто обязано.

---

[57] Примечания: 57
Мы тебя любим (*исп.*).

298 оценок

Парень-невидимка
18 июля, 2018

Сразу после полуночи я снова оказался у озера. Я знал, что у меня есть всего пара минут, прежде чем вернутся родители. Они оставили меня одного, чтобы поохотиться, так что я без колебаний нарушил их правило. Они охотились без меня, так что технически… они нарушили собственное правило?

Я подошел к переливающейся глади.

Назвал его имя.

Оно зазвенело по воде, и он явился мне, с порывом ветра, а потом замер рядом со мной. Я снова смотрел в его глаза.

— Ты настоящий, правда?

Он кивнул.

— Как там остальные?

— Мы не знаем. — Он провел ладонью по всей длине моей левой руки. Я покрылся мурашками, но не от холода.

— Мои родители… — Я умолк, позволив взгляду окинуть его тело, его футболку, обтягивающую грудь, его круглый живот. — Они сказали, что я такой один.

Он улыбнулся.

— Это совершенно точно неправда.

— Но почему? — я уже говорил не шепотом. — Почему они солгали мне?

Его лицо нахмурилось.

— Это вопрос к ним, а не к нам.

— Что еще правда?

Куан наклонил голову набок.

— О нас? О том, кто мы такие?

Я кивнул.

— Я не знаю, что еще они говорили тебе, — сказал он. — Что я должен рассказать о том, кто мы есть.

— Я хочу знать всё, — сказал я.

Обо мне. О нас. О *нем*.

— Я знаю, что хочешь, но… — он отвернул лицо и прищурился, — я не знаю, должен ли я быть тем, кто расскажет тебе.

Я положил ладонь ему на грудь. Даже не задумываясь об этом. Я просто хотел почувствовать снова, как эта пульсация и его сила — если ее так можно назвать — пронизывает меня, заполняет меня.

Но этого было недостаточно. Казалось нечестным, что можно испытывать это лишь изредка, всегда незапланированно, не будучи уверенным,

когда случится следующий раз. Мне нужно было *больше*.

— Я не знаю, вернусь ли я, — сказал я. — Смогу ли я продолжать всё это. Мои родители наверняка меня поймают.

Он повернулся, чтобы уйти, но остановился.

— Ты мог бы пойти с нами.

— Я не могу, — произнес я, скорее инстинктивно, чем возражая. — Как я могу сделать такое?

— Мы все это сделали, — сказал он, без колебаний. Этим он рассказал мне о многом.

Были другие.

Их родители наверняка тоже лгали им.

И они ушли.

— Вы просто… просто ушли сами по себе? Но *как*?

— Просто… подумай об этом.

Куан исчез так же быстро, как и появился.

И его слова были всем, о чем я думал, растянувшись на крыше десять минут спустя, глядя на ночное небо. Папи, присоединившись ко мне, спросил, что я делаю.

— Мечтаю, — ответил я.

Он постоял рядом несколько секунд, но он не мог знать, что всё мое тело гудит от энергии — остаточный эффект после нахождения рядом

с Куаном.

— Я на самом деле такой один? — спросил я. Вслух. Его. И небо.

Он поскреб крышу носком своего ботинка. Это была бессознательная реакция, выдающая, что он нервничает, и я приподнялся, опираясь на локти.

— Ты такой один, — сказал он, улыбаясь мне. — Эрес эспетьяль[58].

Он вернулся в дом, не произнеся больше ни слова.

Знали ли они? Был ли папи уверен в том, что говорил, или это была просто очередная ложь, которую они выдумали, чтобы обезопасить меня?

Я размышлял о том, что сказал Куан, и внутри у меня всё переворачивалось, сердце пылало в панике.

Он сказал мне подумать об этом.

Именно это я и делал.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Это странно, что я хочу, чтобы ты ушел? Потому что я хочу, чтобы ты ушел.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: (Ух ты, я разговариваю с тобой, как будто ты настоящий. Ты

---

[58] Примечания: 58
Особенный (*исп.*).

настоящий?)
924 оценки

Парень-невидимка
19 июля, 2018

Солнце еще только село, когда мами поднялась из подвала с нахмуренным лицом.

— Циско, ты снова читал те конспиративные блоги?

У меня на коленях была книга, спиной я прижимался к стене. Внутри у меня всё сжалось, когда я поднял на нее взгляд. Она была серьезна.

— О чем ты говоришь?

— Твой папи сказал, что ты спрашивал его вчера кое о чем странном, — продолжила она, вытирая полотенцем кровь со своих рук. — О том, один ли ты такой.

Я закрыл книгу.

— Мне просто любопытно, вот и всё.

Но она на это не купилась. Я видел это в болезненном выражении ее лица.

— Нельзя верить всему, что ты читаешь в Интернете, михо, — сказала она. — Мы всего лишь пытаемся защитить тебя.

— Защитить меня от *чего*? Кто-то хочет добраться до меня?

— Ну, *нет*, — ответила она, ссутулив плечи. — Но это потому, что мы заботились о твоей безопасности.

Я покачал головой, а потом встал.

— Ты постоянно говоришь это, мами. Но никогда не объясняешь, безопасность *от чего*.

— Мы не можем позволить другим кланам найти тебя, — выпалила она. — Никогда. Это слишком рискованно.

— Что они могут сделать со мной?! — закричал я. — Я вампир! Я могу просто убежать от них, или вы можете отбить их *атаку*. Вместо этого мы просто *прячемся*? Как какие-то трусливые твари?

— Не смей так разговаривать с ней. — Папин голос прорезал напряжение в воздухе.

Эта наша вампирская особенность. Мы можем незаметно подкрадываться друг к другу, и он возник прямо передо мной. Я никогда еще не видел его таким. Папи носил свой гнев, как маску, как военное украшение. Его усы подергивались, когда он говорил, и он указывал на меня своим пальцем.

— Ты знаешь, от чего нам пришлось отказаться ради тебя? Что от нас потребовали?

Я покачал головой.

— Мы потеряли свой *клан*, — прошипел он. —

Мы потеряли свое общество. Дом в *одном* месте. Мы бросили всё это, потому что любили тебя, задолго до твоего рождения. Почему ты не можешь ценить нашу жертву?

— Мы бы выбрали что-то другое, если бы могли, — добавила мами. Подойдя к папи, она гладила его по спине, вверх и вниз. — Что угодно. Но это то, что нам пришлось сделать.

Это заняло мгновение. Они представляли собой такую единую силу, но папи даже не понял, что он только что сказал.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я его. — Что от вас «потребовали»?

Маски слетели.

Фасады треснули.

И на секунду — не больше — выражения их лиц выдали их. Сказали мне всё, что я жаждал знать.

Так же быстро, как слетели маски, их лица снова приняли каменное выражение. Но было уже слишком поздно. Я уже увидел то, что мне нужно было увидеть: они мне лгали. Всю мою жизнь.

— Вы же говорили, что ушли сами, — потянул я за эту ниточку. — Вы говорили, что как только мами забеременела, вы скрылись под покровом ночи.

Мами застыла в нерешительности. Лишь на

мгновение. Которого мне хватило, чтобы понять, что все последующие слова, вылетающие из ее рта, — неправда.

— Нам пришлось уехать, — сказала она, и на ее лице снова отразилась неуверенность. — Мы должны были защитить тебя.

— Тогда почему бы вам просто не сказать мне *правду*? — закричал я в ответ. — Кто я? Почему нам пришлось уехать?

— Однажды, — произнес папа, умоляя как глазами, так и голосом, — мы *всё* тебе расскажем. Просто поверь нам, что ты не был в безопасности, и мы сделали всё, что смогли, чтобы убедиться, что ты защищен.

Они улыбались. Это была неискренняя, бессмысленная попытка утихомирить меня, успокоить.

Я улыбнулся в ответ. Мое предложение. Мой мир.

Но теперь я обращаюсь к тебе, Куан. Я надеюсь, что ты это читаешь. Я больше так не могу. Я должен знать, кто я такой.

Завтра. Встреча у озера. В три пятнадцать утра.

Пожалуйста. Пожалуйста, расскажи мне, кто я.

ПламяМоря: Хаха да что тут вообще происходит. Откуда столько НАПРЯЖЕНИЯ.

ОгоньБогов: первый

ОгоньБогов: блин

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Ох, Циско. Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь. Я в тебя верю. Так сильно! Я уже за вас с Куаном <3

941 оценка

Парень-невидимка
19 июля, 2018

Я убил своего первого человека, когда мне было восемь лет.

Мы храним кровь под домом. Нельзя знать, когда население поредеет или когда люди переедут слишком далеко, чтобы мы смогли на них охотиться. Мои родители пытались подготовиться к любому возможному сценарию. Когда мы охотимся, мы пьем. А потом берем еще одного человека, чтобы сохранить под домом на всякий случай. Я могу протянуть без кормления от силы три месяца, но каждый раз находить новую еду слишком сложно. Так что в каждом доме всё происходит одинаково. Мы въезжаем. Мами и папи начинают копать, и уже вскоре под землей у нас появляется комната-склад — холодная, способная защитить то, что нужно нам для выживания.

Вы удивитесь, как долго все вы можете жить

на минимальном количестве воды и еды: долгие месяцы. Однажды мы держали кого-то год с половиной, и единственная причина, по которой он не протянул еще дольше, — сильная засуха, которая лишила нас возможности охотиться. В тот год люди стремились уехать из пустыни, а не приехать в нее.

Мне было восемь, когда мои родители повели меня вниз по лестнице, чтобы покормить. Я не помню, в каком штате мы были. Да и не важно. Это было неопределенное место в какой-то глухомани, посреди нигде и ничего.

Я так и не узнал, кем он был. Но я его помню. Его стоны. Его волосы, похожие на солому, спутавшиеся на лбу. Глаза, расширившиеся, когда мы спустились. То, как он снова и снова пытался вырваться из оков, разрывая на запястьях всё новые и новые раны. То, как я почуял его запах. Я почувствовал запах свежей жизни, вытекающей оттуда, где он стер свою кожу до мяса.

И я вдруг понял, что у нас в подвале всегда кто-то был. Мои родители приносили мне свежую кровь в керамической миске, и она всегда была теплой. Я впервые сложил два плюс два: она была теплой, потому что ее только что слили из чьего-то тела.

Но в ту ночь папи подтолкнул меня к человеку.

— Эстас листо, — сказал он мне. — Томальо[59].

Мами крепко сжала мою ладонь. А потом отпустила.

Инстинкт взял надо мной верх. Я бросился к нему, словно уже знал, куда кусать, какое место на теле этого человека даст больше крови за меньшее время. Мой рот сжался на его ноге, на бедренной артерии, и его тепло, его жизнь наполнили меня.

Он боролся.

Тщетно.

Наконец жизнь покинула его тело, лежащее подо мной. Когда я поднял взгляд на мами и папи, с капающей с моего подбородка кровью, то увидел на их лицах гордость. Счастье. Радость.

— Лё итисте[60], — сказала мами. — Это только начало, Циско.

— Скоро ты пойдешь с нами, — добавил папи. — На охоту.

Мне захотелось выбежать из этого подвала в тот же момент, несмотря на то что я был сыт,

---

[59] Примечания: 59
Ты готов. Бери (*исп.*).

[60] Примечания: 60
Ты это сделал (*исп.*).

несмотря на отсутствие необходимости в кормлении. Это желание едва не поглотило меня.

Это было девять лет назад. Это желание до сих пор не ушло.

Это не шутка. И не какая-то дикая попытка привлечь внимание.

Я собираюсь уйти.

Я собираюсь найти выход.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Ты ведь не убиваешь людей на самом деле. Ты, наверно, говоришь это, просто чтобы казаться крутым.

НастоящийФанатЭннРайс: Йоу, он вампир. Чего ты ожидала?

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Ты не знаешь его так, как я. Я следила за ним с самого начала.

1285 оценок

Парень-невидимка
20 июля, 2018

Всё.

Это мой последний пост.

Я тайком выскользнул из дома в три часа ночи. Я сказал папи и мами, что схожу к озеру на несколько минут, прежде чем поднимется солнце. Папи выдал какую-то дурацкую шутку про то, что я провожу там слишком много времени.

Я рассмеялся, но ничего не ответил. Я видел, как они с мами переглянулись.

На меня нахлынул ужас.

Неужели они знают?

Немного отдалившись от дома, я перешел на бег, и вот тогда я услышал, как меня зовут по имени позади, тогда я понял, что они подозревали меня во лжи. Я побежал так быстро, как сам не думал, что могу, усталость пронизывала мои кости, умоляя меня остановиться, умоляя покормиться. Я начал чувствовать других существ, ощущать их пульс, пока я мчался вперед, но я игнорировал их.

— Циско!

Я не мог остановиться.

— Циско, эспера![61]

Я больше не мог ждать.

— Циско, *пожалуйста*!

Я был по горло сыт их защитой.

Я затормозил только у кромки озера.

— Куан, я здесь!

Секунды спустя мои родители, запнувшись, приняли защитные позиции.

Там.

---

[61] Примечания: 61
Подожди (*исп.*).

На другой стороне озера: Куан.

— Циско… — прорычал он. В моем имени, вылетевшем из его уст, звучала неприкрытая возможность. Он предупреждал меня? Приманивал меня?

— Я здесь, — сказал я. — Забери меня с собой.

— Нет! — закричала мами. — Ты никуда не пойдешь!

Она попыталась схватить меня за руку, но я отшатнулся от нее, видя, как ее лицо заливают разочарование и шок.

— Пожалуйста, Циско, — сказал папи. — Но пуэдес сали[62]. Мы не сможем защитить тебя, если ты уйдешь.

— Мы сможем.

Куан появился рядом со мной. Он переплел свои пальцы с моими, и дрожь побежала по моей руке, по всему моему телу. Его мощь обняла меня, проникла в меня, наполнила меня силой. «Как? — подумал я. — Как это возможно?».

— Ты не один, — сказал мне Куан, а потом посмотрел на моих родителей. — Нас много, таких же, как я, рожденных, как Циско, и мы *выжили*.

Они вышли из-за деревьев и кустов, окружав-

---

[62] Примечания: 62
Ты не можешь уйти (*исп.*).

ших оазис. Пять. Десять. Двадцать. Так много ребят, и все они двигались с предосторожностью тех, кто знает, что на них могут охотиться так же легко, как они охотятся на других. Они были высокими. Низкорослыми. Я встретился взглядом с девочкой, чья кожа была темнее моей, волосы переплетены в тугие косы вокруг головы, и она мне кивнула — лишь слегка, почти незаметно.

И эта волна была безмерной. Практически всепоглощающей. Энергия, которую я чувствовал от Куана во время наших первых встреч, теперь возросла в двадцать раз.

Это. Это была наша сила.

И она увеличивалась, когда мы были *вместе*.

— Как ты можешь доверять им? — спросила мами, протягивая ко мне руки, словно делая предложение. — Они ведь просто незнакомцы!

— Из-за таких людей, как *вы*, — сплюнула девушка. — Это вы разделили нас. Вы сказали Циско, что он *такой один*.

Я набросился на своих родителей, раскрыв рот от ужаса:

— Так вы знали? Знали всё это время?

Папи заплакал.

— Мы бы сказали тебе, — заявил он, усы на его лице подергивались. — Однажды мы бы всё тебе

рассказали.

Мое тело бурлило от гнева, но Куан положил руку мне на грудь.

Пульсация.

Сила.

Наша сила.

— Когда? — Я встал нос к носу с папи. — Когда наступило бы это «однажды»? Когда вы собирались рассказать мне, что есть другие, как я?

— Когда клан разрешил бы нам, — ответил он, всё его лицо дрожало. — Когда они узнали, что вы все можете сделать вместе, они испугались! Они боялись всех вас!

Всех *нас*.

Я не был единственным в своем роде. Я не был *один*.

Куан сжал мою руку:

— Циско, я принес тебе кое-что, чтобы доказать, что мы отвечаем за свои слова. Что мы знаем, через что ты прошел. Это доказывает, что нам не все равно.

Он отпустил меня. Засунул руку в задний карман.

Я увидел, как оно сверкнуло в тусклом свете луны.

Папа вскрикнул и шагнул ко мне, но уже через

мгновение был окружен. Я сосчитал их: семь вампиров, все молодые, все как я.

Незнакомцы.

Незнакомцы, подобные *мне*.

— Не делай этого, — взмолилась мама. — Правила…

Но она не закончила фразу. Что теперь могли значить правила? Мои родители придумали их, чтобы удержать меня под замком, а теперь… Слезы покатились из маминых глаз. Я был свободен. И она это знала. Она не могла посадить меня обратно в ящик, в котором я вырос.

Я должен был поверить. В *себя*.

Я схватил зеркало и поднял к своему лицу, в то время как крики моих родителей заполнили воздух пустыни.

Вот он я.

Циско.

Я.

Слезы угрожали размыть мой образ. Мой четкий образ. Я вытер их, и вот он я.

Мои брови были черными. Густыми. Они почти срастались в центре. Свободной рукой я провел по мостику моего носа, к широким ноздрям, к моим губам, потом к скулам. Нижнюю половину моего лица покрывал пушок. Мне придется на-

чать бриться? А вампиры вообще бреются? Папе приходилось подстригать мне волосы, так что…

Я так многого не знал. Столько вопросов я даже не думал задавать.

Но я также никогда не видел этого.

Это был *я*.

— Вы говорили мне, что я умру, — сказал я, обращаясь к своим родителям, но не глядя на них. — Вы говорили, что если я не буду следовать вашим правилам, меня заберут.

Папи начал что-то говорить:

— Циско…

— Что еще было *ложью*? — завопил я. — Что еще неправда?

— Ты должен понять, — сказала мама. — Мы должны были защитить тебя.

— Что еще неправда? — повторил я.

— Это не важно, — сказал папи. — Лишь часть. Достаточная, чтобы ты нам доверял.

Ирония. Они лгали мне, чтобы я *доверял* им.

— Есть еще много, — сказал Куан, — так много всего о нас, чего ты не знаешь. Так много о тебе.

Папи прекратил плакать. Вытер остатки слез. Он встал прямо, поднял подбородок и окинул меня пристальным взглядом.

На моем лице отчетливо читалось: заявление;

крик души. «Пожалуйста, мне нужно это сделать».

Он покачал головой.

— Еще слишком рано, — сказал он.

Но потом заговорила мами:

— Рано ли?

И моему папи, всегда такому уверенному, всегда получавшему такое удовольствие от истории, у которого всегда были ответы, было нечего на это ответить. Я видел, как его губы складывают слова, но ничего не произносят.

Лица родителей были искажены от боли.

А потом… смирение.

Мами улыбнулась мне.

Папи вставил слово:

— Азлё[63].

Мами расплакалась еще сильнее, но тоже кивнула.

Едва заметно.

Я дал Куану руку.

Его пальцы обхватили мои.

В них расцвело желание, рожденное не только нашей коллективной силой, но и страстью. Когда парень так касался меня? Никогда. И я этого тоже

---

[63] Примечания: 63
Сделай это (*исп.*).

хотел.

Сделай это.

Он увлек меня за собой, и я обернулся взглянуть на них, лишь один раз.

Они улыбались.

Было ли это благословение? Возможно. Но они не преследовали меня. Они не пошли за мной.

Они позволили мне уйти.

Сейчас мы в машине. Я никогда раньше не сидел в машине. Куан сказал, что так мы быстрее доберемся до следующей остановки. Мы кого-то подберем по пути.

Еще одного из *нас*.

Батарея на телефоне Куана почти села. Я должен вернуть его ему.

Я больше не буду ничего писать.

Я свободен.

МожноЯЗакричу: Ух ты. Это и вправду конец?

ПламяМоря: Вот это история. Кому-то еще показалось после этого, что вампиры на самом деле существуют?

НастоящийФанатЭннРайс: Чушь. Увлекательно, но… не может всё это быть реальным.

НиктоНеЦелуетсяКакГастон: Возвращайся. Пожалуйста! Я не могу жить без новостей о тебе. Пожалуйста, вернись, Циско.

5125 оценок

Отражения, или «Но сначала дай я сделаю селфи»

Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Зеркала окружены суевериями и преданиями. Нарцисс влюбился в свое отражение, и оно поглотило его. Во многих культурных традициях по всему миру все зеркала и отражающие поверхности закрывают, когда семья держит траур по умершему. Считается, что, если разбить зеркало, последуют семь лет неудач. Даже Злая королева верит, что может узнать правду из зеркала. И один из старейших мифов о вампирах заключается в том, что они ни в чем не отражаются. Корни этого мифа — как раз то, что обнаруживает Циско в этом рассказе: большинство старых зеркал имели подложку из серебра, которое, в некоторых традициях, может причинить вред вампиру или даже убить его. Поэтому — никаких отражений! Это настолько известная часть мифологии, что она появляется снова и снова в современных рассказах о вампирах, но причины развиваются

вместе со сказками. Еще один вид отражений — то, какими в историях мы видим себя и кому *удается* увидеть свою жизнь и свой опыт отраженными. Марк соединяет предание о вампирах со своим вопросом: кому вообще удается увидеть отражение. Действительно ли вампиры ни в чем не отражаются или это только история, которую рассказали Циско? Название этого рассказа позаимствовано из работы доктора Рудин Симс Бишоп о детской литературе.

Как в рассказах о вампирах отражаются ваша жизнь и ваш опыт?

Дом черных сапфиров
Дониэль Клейтон

Поговаривали, что женщины Тёрнер из Дома черных сапфиров немного странные. Что они уж *слишком* красивые. Что они замышляли что-то недоброе.

Поговаривали, что женщины Тёрнер — вампиры.

И как только кто-то произносил это слово, пора было уходить. Жар-птица Тёрнеров заводила свою скорбную песню, сидя на подоконнике; она знала, когда слишком многие смотрели, шептались и изучали прекрасных Черных женщин, вплывавших и выплывавших из особенного, превращенного в аптеку дома. В их вечно движущееся подобие гроба.

Беа ненавидела слово «вампир», и стоило им только прибыть в новый город — прямо как сейчас, — она готовилась к тому, что все другие бессмертные станут относиться к ним предвзято, хотя Тёрнеры явно отличались от остальных.

Вся ее семья и их тринадцать чемоданов заполнили сиденья из красного дерева в но-

вооpлеанском трамвае. Мама сказала, что они направляются в Район Вечности, одну из пяти версий города, где заправляли исключительно такие, как они. Что *это* был дом. Тот, который Беа никогда прежде не видела. Тот, насчет которого мама была не уверена, что захочет увидеть его снова.

Но, глядя на людей, снующих вокруг, Беа думала, что всё здесь выглядит нормальным. Запах вспотевшей кожи смертных и звук их бьющихся сердец заставляли зазубренный язык Беа пылать. Ей не терпелось покормиться после такого долгого путешествия. Пока они пробирались по Канальной улице, липкий бриз цеплялся к ней, и у нее никак не получалось осознать, что они направлялись к прекрасной, возвышенной версии этого места.

Пять сестер Беа возбужденно отмечали всё подряд. Ее старшая сестра, Куки, жаловалась на то, как неопрятно и по-простецки все одеты. Сора хотела зайти в каждый парфюмерный магазин во французском квартале, а Энни Рут охотилась на лучшие книжные лавки. Мэй болтала о том, как могла бы увековечить красками все эти разноцветные здания, галереи из металлического кружева и балкончики, а маленький мозг Птички

не поспевал за ее языком, пока она комментировала каждую странную вещь, которую видела. А вот Беа грустила из-за того, что им пришлось покинуть Чарльстон в Южной Калифорнии. Ей понравился этот милый городок с его галечными улицами, плакучими деревьями и плетеными корзинами. Целовать Рэджинальда Вашингтона тоже было не так уж и плохо, потому что на его губах всегда был вкус персиков, что росли на дереве в саду его матери. В ее комнате там была собственная ванна на львиных ножках, которая никогда не покрывалась пятнами, даже после бесчисленных кровавых ванн. Окно выходило на старую церковь Вефиль. Кто знает, какой вид из окна будет в их следующем доме. Хоть бы он был так же чудесен. Они пробыли в Чарльстоне так долго, что Беа уже было решила, что их птица, их Хани, никогда больше снова не запоет, и они останутся там.

Может, на этот раз она найдет вечную любовь.

Они с сестрами делали ставки, какой город будет следующим и сколько лет, десятилетий или тысячелетий они смогут оставаться там, пока песня жар-птицы не разбудит их, напоминая, что пора уходить. Беа прекратила считать. Больше никаких часов. Никаких календарей.

Мама запретила их, и это было правильно. Всё, что у них осталось, — песочные часы, и их было достаточно.

Как бы ей хотелось вернуться в Париж. Прошла по меньшей мере сотня лет. В приоконных ящиках в это время года наверняка цвела герань, на улице стояла жара. Может, она бы встретилась с Аннабель — девочкой, которую кусала и целовала, когда ей было скучно, — узнала бы, как ей вечная жизнь, и не ей ли суждено стать великой вечной любовью Беа. Они уехали слишком рано, чтобы Беа смогла понять.

— Скоро будет остановка, — сказала мама. — Конечная.

— Что-то не похоже, — сказала младшая сестренка Птичка. Ее длинные перекрученные пряди перевешивались через окно трамвая.

Мама щелкнула пальцами:

— Сиди спокойно, дитя.

Каждый раз, когда они приезжали в новый город, вопросы Беа менялись, колода карт перетасовывалась, и новая вытащенная карта становилась ее теперешним наваждением. На этот раз она никак не могла перестать думать о любви. Это был город, в котором познакомились ее родители. Где ее мама много-много лет

назад укусила ее отца, и они стали партнерами по вечности.

Это было место, где мама влюбилась.

И она была намерена тоже найти свою любовь. Здесь у нее получилась бы великая любовная история. Желание гудело в ней, пронизывая до костей.

Трамвай остановился. Водитель, словно робот, встал и вышел.

— Комендант может зайти в любую минуту. — Мама повернулась лицом к Беа и ее сестрам. Сердце Беа сжалось в ожидании. — Этот район полон плохой воды и плохих новостей. Это место разобьет ваши сердца. — Ее темные глаза задержались на Беа, в пронзительном взгляде пылало предупреждение. Которое томящейся от любви Тёрнер стоило взять на заметку. — Мы выждем наше время, а потом поедем дальше.

Это был город, которого мама боялась.

Но Беа была намерена выяснить почему.

Белый мужчина, одетый во всё черное, вошел в трамвай.

— Кто это? — спросила вторая по старшинству сестра Беа.

— Комендант, — прошептала мама. — А теперь — тсс. Ни слова ни от одной из вас. Пока мы не

пройдем через это. — Она встала, поприветствовала его и пригладила свое платье спереди.

— Бумаги или ключ? — спросил он.

— Ключ, — ответила мама, протягивая ему причудливый сувальдный ключ цвета белой кости, который Беа никогда прежде не видела. Внутри нее всколыхнулось еще больше вопросов, но она положила ладонь себе на рот, чтобы они ненароком не вылетели.

Комендант внимательно его изучил.

— Тёрнеры. Район Вечности.

Она кивнула.

— Добро пожаловать домой. — Он улыбнулся, обнажив свои заостренные кончики зубов.

Он занял кресло водителя и привел в действие какие-то рычаги и передачи. Трамвай закачался в стороны, отрывая свои провода.

Мама глубоко вздохнула.

— Всё будет хорошо, Эванджелин, — услышала Беа шепот своего отца.

Трамвай двинулся вперед. Тучи сгустились, затемнив небо. День стал ночью. Под ними поднялась вода, с плеском шлепая по бокам трамвая. Беа ухватилась за деревянную скамейку, ее глаза расширились от удивления. Фонари освещали путь впереди, словно порхающие светлячки,

исполняющие приветственное представление или танец-предостережение. Беа никак не могла решить, что именно это было. Толчок сотряс ее позвоночник.

Из воды поднялись железные ворота и замерцали. Одни за другими появлялись разные их версии, превращаясь из лакрично-черных в бархатно-фиолетовые, изумрудно-зеленые, роскошные медно-золотистые, пока, наконец, не остановились на багряно-алых. Мама сделала глубокий вдох, когда красные ворота распахнулись и трамвай поплыл вперед.

— Так много ворот, — прошептала Энни-Рут. — Как думаете, нам удастся проехать и через другие?

— Мама никогда ни о чем таком нам не рассказывала, — ответила Сора.

— Я хочу проехать через все! — воскликнула Птичка.

— Потише там, эй вы, — приказала мама.

В голове у Беа крутились вопросы, пока они въезжали в Вечную версию Нового Орлеана. Какими были остальные районы? Удастся ли ей посетить их? Почему ее мама захотела покинуть такое восхитительно прекрасное место? Почему она никогда не рассказывала о нем?

Дома пастельных тонов стояли на железных колоннах, напоминая горшочки с пудрой, расставленные в ряд на полках. Длинные пирсы тянулись над водой, приглашая роскошные лодки. На черных столбах горели газовые светильники, и блестящие кабели пересекались наверху, притягивая лодки-трамваи, высаживающие элегантно одетых пассажиров на длинные приподнятые променады. Варево из соли, рыбы и специй наполняло воздух удушающим ароматом, подспудно разнося резкий запах жира и свежей крови.

— Закрой свой рот, пока в него не залетели мухи, Беа, — произнесла ее старшая сестра, Куки. Ее голос был почти таким же, как у мамы, — медовым, с нотками коричневого сахара. Логично, с учетом того, что она была старшей из дочерей и провела с мамой больше всего времени. Беа никогда не спрашивала, сколько лет каждой из них, потому что было грубо интересоваться возрастом женщины, даже если это Вечная женщина. Они с Энни-Рут догадывались, что маме было около четырехсот лет, хотя она никогда не выглядела старше сорока, и даже в этом наблюдатели не могли быть уверены. Куки выглядела лет на тридцать с небольшим, как она предполагала, а

Беа всегда будет восемнадцать. Именно в этом возрасте остановилось ее сердце.

— Ой, да заткнись ты, Кармелла, — огрызнулась на нее Сора. — Как будто ты сама когда-нибудь видела что-то подобное.

Беа подмигнула Соре и добавила:

— Да. Так ты видела, Куки? А?

— Это что еще за выражения такие, Сора, — возмутилась мама. Даже спустя сотни лет Эванджелин Тёрнер всё еще хотела, чтобы ее девочки были столпами этикета.

Их трамвай подплыл к другому, и комендант дернул рычаг, чтобы присоединить кабели на крыше к верхней линии.

Птичка соскочила со своего сиденья и забралась на колени к отцу.

— Когда мы уже приедем? Можно мы сначала пойдем за покупками? Кто все эти люди? Чем они занимаются?

Мама щелкнула пальцами:

— Хватит!

Птичка соскользнула обратно на свое место.

Папа протянул коменданту их адрес:

Эспланада-авеню, дом 435

Пирс № 6

Новый Орлеан, Луизиана

Комендант направил трамвай по каналам.

Беа пыталась запомнить всё, что их окружало. Духовые ансамбли выступали на парадных лодках, с инструментами, направленными в небо, и их оглушающая музыка создавала рябь на воде. Люди плыли за ними на своих лодках, танцуя и размахивая платками и цветными зонтиками. Кладбище стояло на платформе, и мертвые возвышались над всеми. Массивные деревья поднимались, как гиганты, из темных вод, и красноглазые летучие мыши свешивались с их ветвей. Знаки предупреждали, что здесь нельзя купаться из-за плавающих в каналах аллигаторов. Лодочники-продавцы зазывали к себе на лучшие кровяные коктейли и пончики с кровью и сахарной пудрой.

— А все районы такие? — спросила Беа маму.

— Нет. Каждый имеет свои особенности в зависимости от того, кто там живет, — ответила мама.

— А вокруг всегда вода?

— Нет. Вода только здесь.

— Почему?

— Вампиры разозлили одну ведьму, и она затопила этот район.

— А как попасть в другие районы? — продол-

жала сыпать вопросами Беа. — Нам можно будет посетить остальные?

— Ты вообще слушала меня, когда мы уезжали из Чарльстона? Ты когда-нибудь слушаешь, дитя? Или тебе просто нравится, когда я повторяю одно и то же? — Мама щелкнула пальцами. — Мы не поедем в другие районы. Мы останемся здесь, пока не придет время снова уезжать, и я надеюсь, что Хани сделает свое дело быстро. Я не собиралась когда-нибудь сюда возвращаться, и я не хочу никаких проблем.

А вот Беа порой мечтала о проблемах. О чем-то, что сделает ее вечное существование чуть более занятным. Внутри у нее всё сжималось при мысли обо всем том, что она могла бы разгадать и раскрыть в этой особенной версии этого особенного города. Но она знала одно: она найдет здесь свою вечную любовь. Электричество потрескивало у нее под кожей — энергия уверенности.

Они свернули с улицы Дофине, и Беа охнула. Она сразу же поняла, в каком из домов они поселятся.

Примульно-розовый был цветом румян, которыми всегда красилась мама. Из приоконных ящиков свешивались ее любимые полуночные розы, окаймляя двойное крыльцо с перилами

из кованого кружева. Восемь кресел-качалок стояли в ожидании — по одному для каждого из них. Шипели фонари, и все большие стеклянные окна испускали теплые лучи приветственного света. Через одно из окон Беа увидела потолок, покрытый цветами — перевернутый английский сад, — и сияющие канделябры. Над светло-кремовой дверью качалась вывеска: «Дом черных сапфиров: Аптека красоты и Фармацевтика восторга».

Черный язык пирса ждал, когда они пристанут к нему.

— Он самый раскрасивый из всех! — воскликнула Птичка.

— Нет такого слова, — поправила ее Куки.

Птичка фыркнула:

— Это мое слово. Я могу сама их придумывать.

— Нет, не можешь.

— Может, и тогда оно будет называться неологизмом, — сообщила Беа.

— Тсс, — отозвалась мама. — Умолкните, вы все.

Жар-птица уселась на перила крыльца, воркуя и приветствуя Тёрнеров в их новом доме. Их новом золоченом гробе восторгов. Сердце Беа подскочило при виде Хани, озорство загудело

под ее смуглой кожей, и ее резцы заострились, готовые к шалостям.



— Распылители духов на вторую полку, — указала Куки. Девочки Тёрнер готовили свою аптеку красоты к завтрашнему открытию.

Вечные женщины и вампиры этого новоорлеанского района смогут купить всё, что им нужно: от тоников для сохранения свежего цвета лица после периодов голодания до напитков для заманивания партнеров в постель и бальзамов, защищающих от солнца кожу тех, кто его не переносит. Эликсиры, которые они разливали по бутылькам, давали обещанный результат, потому что в этих красивых баночках были не шарлатанские зелья. Только женщины Тёрнер знали секреты, спрятанные в каждой стеклянной бутылочке. Тайную алхимию крови и специй.

— Это и вправду так важно? — возмутилась Беа, но всё же поставила одну из банок на правильную полку.

— Всё так, как мы делаем уже триста лет.

— Это значит, что так должно быть всегда? — ответила Беа.

— Почему ты ни с того ни с сего пытаешься всё поменять? Не веди себя так, как будто тебе всё в новинку, только из-за того, что мы теперь в другом городе, — Сора проверила всё за ней и переставила бутыльки. — Никто не собирается делать всё за тебя.

— Я делаю свою работу, — огрызнулась Беа.

— Кусать людей по приказу мамы не считается, — возразила Куки.

— Никто из вас не хочет собирать, — ответила Беа.

— Ты преувеличиваешь. Я *буду* собирать, — резко повернулась к ней Сора. — Я просто предпочитаю ходить к запаснику с кровью. Я сделаю это, когда придется.

— А мне нравится кусать красивых мужчин. — Куки покачнулась и закружилась в танце. — Как Джамал Уоткинс из Детройта. Никто так не целовался, как он. Надо было его обратить. Сейчас он был бы моим партнером по вечности, и я бы жила в собственном доме с собственной жар-птицей. Может, у меня даже была бы дочка. Ууф.

— Беа, ты в этом лучше всех нас, — добавила Энни-Рут. — С самыми острыми зубами. — На ее лице появилась хитрая улыбка, обнажающая идеально острые резцы. — И твоим странным

языком.

— А еще ты мамина любимица. — Мэй скривила лицо, оторвав взгляд от книги.

— Она любит меня больше всех! — Птичка топнула ножкой в знак протеста.

— Тебе уже слишком много лет для детских истерик. — Куки дернула ее за одну из длинных перекрученных прядей. — Но ты, конечно, права. Так и есть.

— Всё это неправда, — резко заявила Беа, и смуглые лица повернулись к ней с обвиняющими взглядами. — У мамы нет любимчиков.

Но они были правы: чаще всего мама брала на сбор именно Беа. У каждой из сестер был дар, который отдала им мама, когда их сердца остановились. Она целовала их, оставляя выбранный ею уникальный талант. Куки могла выманить у любого человека все его богатства. Едва принюхавшись, Сора могла определить любой талант, скрытый в чьей-либо крови. Энни-Рут, напевая определенную мелодию, могла заставить человека затанцеваться до смерти. Мэй могла довести человека до смеха или слез одним лишь только взглядом или прикосновением руки. А младшая из них, Птичка, помнила всё в мельчайших деталях — даже то, что случилось еще до ее

рождения.

— Я не уеду из этого города без партнера по вечности, — заявила Куки.

Тихий шепот отозвался эхом в голове Беа: «Как и я».

— Я приняла решение. Я готова к собственной жар-птице и собственному дому. Пришло время мне жить самой по себе. — Куки победоносно улыбнулась.

— А мама знает? Ты ее спросила? — отозвалась Энни-Рут. — Вряд ли она на это согласится.

— Ты этого не знаешь, — ответила Куки.

— Тебе бы перестать быть такой привередливой, — уколола ее Сора.

— Ты тот еще подарочек… Жалуешься на каждого встречного мужчину, — добавила Энни-Рут.

— Они всегда недостаточно интересные. Это вообще редкость для мужчин, что младше двухсот лет, — огрызнулась на нее Куки. — Мне нужно найти для обращения кого-то, похожего на папу.

— Здесь нет смертных, — возразила Сора. — Я не чувствую даже их запаха. В этом месте живут только бессмертные.

— Ну, может, тогда я заполучу вампира. — Куки прошлась по кругу с напыщенным видом, изображая белокожих вампиров, расхаживающих

так, будто они владеют всей землей, на которую ступала их древняя нога.

Птичка охнула. Беа прикусила нижнюю губу. Это им никогда не будет позволено.

— Мама не хочет, чтобы мы смешивались с ними. Ты знаешь историю. — Мэй соскочила со своего кресла, словно потягивающаяся домашняя кошка. Она слегка оттолкнула Коки и Беа в сторону, чтобы прикрепить к бутылькам ленточки с ценами.

— Мы все знаем, что ей это не *нравится*. Мама не позволит нам забыть. — Беа протерла пыль с полок, чтобы недремлющее око Куки осталось довольно.

Все они по очереди изобразили серьезный тон мамы, к которому она прибегала каждый раз, когда заново рассказывала, как их кровная линия стала Вечной — белокожие вампиры-рабовладельцы кусали своих рабов ради забавы — и как предки отправили жар-птиц, чтобы спасти их от усугубляющейся ситуации, превратив в другой вид бессмертных существ: Вечных.

— Если ты выйдешь замуж за вампира, у тебя не будет дочерей. Тебе нужно выйти замуж за смертного, как папа, а потом обратить его после рождения последнего ребенка. Это единственный

путь, — напомнила Беа. — Или выйти замуж за Вечного мужчину и не иметь детей.

— Откуда нам знать, правда ли это на самом деле? Мама просто терпеть не может…

Тихий звон дверного колокольчика прорвался в комнату.

— Откуда у нас уже могут быть посетители? — Куки направилась к стеклянным дверям. — Никто даже не сказал тетушкам, где мы остановились.

Они все подбежали к обнесенному решеткой балкону, чтобы посмотреть вниз. Справа и слева всюду была вода, загроможденная лодками, водными экипажами и трамваями, плывущими в разных направлениях.

Молодой человек в черной высокой шляпе держал в руках, на которые были надеты белые перчатки, красный конверт. На его смуглой коже поблескивали капли пота, словно мед на орехах пекан. Для его одежды стояла слишком жаркая погода, и из-за своего костюма он выглядел неподходящим для этого места; безделушка из другого времени, совсем как они. Они никогда не давали объявлений, всегда стараясь смешаться с населением, насколько могли, и сохранить классическую изысканность, как того хотела мама. Но он, казалось, гордился своим выдающимся видом,

словно перепрыгнул через время и оказался у их нового крыльца.

Мама вышла на улицу, чтобы поприветствовать его.

— Она нервничает, — прошептала Мэй.

Беа пригляделась. У ее сестры Мэй был талант чувствовать эмоции, но Беа заметила, как мама крепко сжала свои руки, чтобы скрыть дрожь. Только натренированный взгляд смог бы заметить этот легкий трепет пальцев. И Беа стало еще любопытнее, кем же был этот красивый молодой мужчина.

— Кто это? — спросила Птичка.

— Никогда раньше его не видела, — ответила Сора. — Но он напоминает мне Тристана Хилла. Помните его? Когда мы жили в Гарлеме. Мне так нравилось, как он целовал мою шею, прежде чем найти дорогу к моим губам. Надо было выбрать его моим партнером по вечности. Я всё думала, что появится кто-нибудь поумнее, но этого так и не случилось. А сейчас он, наверно, уже лет сто как мертв. Я упустила свой шанс. — Она наклонилась над перилами еще дальше. — Но этого бы я укусила.

— Нет, не укусила бы, — ответила Куки.

— Откуда ты знаешь? Ты всегда пытаешься

сказать нам, что бы мы сделали или не сделали, попутно сообщая, что мы должны или не должны делать. Просто потому, что ты старшая. Постоянно ведешь себя так, будто ты мама, — огрызнулась Сора.

Куки шлепнула ее по ноге, и Сора взвизгнула.

— Это Барон Тени, дурочка.

Молодой мужчина приподнял свои солнечные очки и посмотрел вверх. Они все умолкли. Он улыбнулся, коснулся пальцами шляпы, неторопливо прошелся по пирсу и уселся обратно в свою лодку.

Бароны Тени были смертельными врагами Вечных женщин. Они были Ходоками дорог мертвых, готовыми с помощью своей трости забрать тех, кто обманул смерть или слегка зажился на этом свете. Они были хранителями перекрестков.

Беа не сводила с него глаз, пока он не отдалился настолько, что стал крошечным, как зернышко черного перца.

Она хотела знать о нем абсолютно всё, до мельчайших деталей.



— Что это будет за праздник, мама? — спросила

Беа, когда три ее старших сестры, Куки, Сора и Энни-Рут, стояли у края их придомового пирса в ожидании водного экипажа, нанятого мамой.

— Я сказала всё, что тебе нужно знать, — ответила она, осматривая каждое из платьев, которое для них выбрала. — Мы показываем наши лица. Мы всегда делаем так, когда приезжаем в новое место. Мы проведем там не больше часа, так что не расслабляйтесь.

— Кто едет на бал на такое короткое время? — недовольно спросила Сора.

— Мы, вот кто. — Мама поправила жемчужины на колье Куки и пригладила сатиновый воротничок ее платья. — Это не дружеское приглашение. Это требование явиться — и женщины Тёрнер сделают одолжение, но на этом всё. Они здесь руководствуются другими правилами. Сейчас сезон Марди Гра[64]. На это празднество все Районы собираются вместе. Предполагается объявление временного перемирия. Это помогает особенным народам мира смешаться.

— Но… — начала Сора.

— Мы не знаем, как долго мы пробудем в этом проклятом месте, так что лучше поладить с неко-

---

[64] Примечания: 64

Вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста, последний день карнавала.

торыми местными и быть предусмотрительно дружелюбными. Здесь все перемешаны, так что потребуются определенные манеры.

С того дня, как молодой человек оставил то приглашение, Беа размышляла, какие еще бессмертные народы жили во всех версиях этого города. Обычно, когда они приезжали в новые места, мама организовывала небольшой праздничный ужин, приглашая других Вечных чернокожих женщин — по большей части ее сестер, если они были где-то поблизости, — или Неувядающих, если рядом были их представители, или кого-то еще. Иногда мама даже приглашала нескольких тщательно отобранных белых вампиров, разделяя утонченный ужин с настоянными на крови коктейлями, бурно бьющимися сердцами — собранными Птичкой — и замороженными кровяными пудингами. Беа больше всего любила посиделки с дегустацией крови, когда Сора по указанию мамы делала кровяные настойки со специями и травами. Они раскрывали глубокие оттенки вкуса и усиливали таланты и воспоминания, скрытые в гемоглобине смертных, в результате даруя самое восхитительное наслаждение.

Но они никогда прежде не были на балу. У

нее внутри всё сжалось. Беа доводилось читать о них только в книгах. Танцы, шампанское и прекрасные люди. Влюбленные, встречающиеся в темных углах. Влюбленные, говорящие о рассвете. Влюбленные, целующиеся до сбивчивого дыхания. И здесь она будет искать всё это.

— Не таращиться. Не разбредаться. Не задавать назойливых вопросов. Не совать нос, куда не надо. Мы не должны никого настраивать против нас, — добавила мама.

Водный экипаж прибыл, и они погрузились в него, словно в теплую ванну с кровью, очень осторожно, чтобы не испортить свои прекрасные наряды. Его фонари закачались из стороны в сторону, создавая россыпь света над головами мамы и сестер. Беа подумала о том, что никогда раньше не видела их такими красивыми. Куки была в наряде из белого шелка, который обтягивал ее торс, расширяясь книзу в виде расшитого бусинами русалочьего хвоста. В этом платье она легко могла бы отправиться на свою свадьбу. Сора всегда носила только черное, и ее наряд расходился темными волнами тюля, словно она была балериной, сбежавшей из подземного мира. Платье Энни-Рут было средней длины, и под его кружевными деталями виднелась ее идеальная

кожа.

На их матери было платье из бархата, красная лента повторяла каждый изгиб ее фигуры, напоминавшей песочные часы. Ее алая помада сообщала всем, что она может укусить. Ее зубы были острее, чем у всех остальных. Беа казалось, что она никогда не будет выглядеть так неотразимо, как Эванджелин Тёрнер. Мама обычно одевалась элегантно, но так — никогда, словно она хотела, чтобы ее увидели, словно хотела стать бурей, раскатом грома и вспышкой молнии посреди зала. Беа опустила взгляд на свое собственное платье, желтое, оттенка светлого меда, пропускающего солнечный свет, и в ней не было уверенности, что мама сделала правильный выбор.

Водный экипаж скользил вперед, и его сверкающий нос прорезал лодочное движение, пока они направлялись в Садовый квартал. Дома выглядели как изысканные пирожные на серебряных тарелках; одни цвета красных роз, другие бледно-голубые, и еще несколько мятно-зеленых и цвета индиго на закате. Гирлянды и приоконные ящики украшали их, словно затейливо нанесенная глазурь.

Беа поняла, в какой дом они едут, прежде чем

они свернули на Сент-Чарльз-авеню. Энергия потянула ее за кости, словно к ним были привязаны веревки, едва не сбив ее с ног.

Четырехэтажный полуночно-черный дом тянулся ввысь. Три обнесенных решеткой балкона были заполнены людьми, одетыми лучше, чем когда-либо доводилось видеть Беа. Роскошные водные экипажи причаливали к двойному пирсу, высаживая элегантных пассажиров.

— Вы это чувствуете? — спросила она.

— Чувствуем что? — отозвалась Энни-Рут.

— Я тоже чувствую, — ответила Куки.

— Я тоже, — добавила Сора.

— Когда собирается много бессмертных, это создает притяжение. И Бароны тоже здесь, — сказала мама. — Это предупреждение.

Ощущение заставило Беа вздрогнуть.

Куки охнула:

— Но они наши враги.

— Я не забыла, — ответила мама.

Энни-Рут покрылась мурашками от страха, несмотря на жару, а вот Беа почувствовала растущее внутри нее любопытство. Им всегда говорили, что единственное, что способно убить Вечных женщин, — мужчины, ходящие по дорогам мертвых и стремящиеся к перекресткам. Не

чеснок, не святая вода, не солнце, не оборотни, не серебро, не какие-нибудь там колья.

Только Бароны Тени.

Но Беа даже не знала, как они выглядят, пока этот молодой человек не оказался у них на крыльце. У нее в голове Барон был какой-то отвратительной тварью, страшилищем, только и ждущим, как бы утащить их в страну мертвых. После сотого дня рождения, когда ей стали доверять настолько, чтобы позволить совершать вылазки в одиночку, мама вызвала ее на разговор: «Впервые ты почувствуешь настоящую опасность. Ты увидишь знак: ключ к перекресткам — клеймо на их темной коже».

— Почему Бароны тоже приглашены? — спросила Энни-Рут. — И почему вообще именно они принесли нам приглашение?

— Они не давали мне консультаций по списку гостей, дети, — рявкнула мама. — Это ночь, когда пять Районов собираются вместе. Все старые неприязни и обиды на время откладываются в сторону. Всё ради веселья и братства. Я ездила на такие балы каждый год с моей собственной мамой, пока она не окаменела.

— Кто еще там, мама? — прошептала Беа.

— Все народы со всего мира. Колдуньи со свои-

ми котелками, феи с зачарованными фруктами, сукуянты с огнем и все остальные. Это место — камертон.

Беа знала, что другие особенные народы странствовали по миру, но она редко встречала их на своем пути. Некоторые из ее ранних воспоминаний включали освобождение оборотня из медвежьих когтей на лужайке их дома в Колорадо, поимку мамой бу-хага, прятавшегося у них в шкафу в Лоукантри, наблюдение за ведьмой, пришедшей за кровью, чтобы подмешать ее в свои зелья, когда они жили в Кингстоне на Ямайке.

Водный экипаж встал в очередь к доку. Швейцар в смокинге помог им сойти на мраморный пирс.

— Держитесь поближе ко мне. Я поздороваюсь с несколькими знакомыми и представлю вас, а потом мы поедем обратно. Наш водитель будет ждать, — проинструктировала их мама.

— Так разодеться ради пяти минут, — проворчала Сора.

— Что, прости? — Мама сузила глаза.

— Ничего. — Сора отвела взгляд. — Просто говорю, какие мы все, ты и сестры, красивые.

— Так-то лучше, — мама разгладила подол своего платья, выпрямила спину, расправила плечи и

развернулась. — Держитесь рядом. Особенно ты, моя пчелка. — Она бросила косой взгляд на Беа.



Вместительный бальный зал был наполнен красивейшими из людей, которых когда-либо видела Беа. Они прохаживались между обитыми бархатом игровыми комнатами, роскошными чайными салонами и балконами. На первый взгляд они все казались чрезвычайно эффектными, но при более внимательном изучении она стала замечать эксцентричные детали: многие держали бокалы с кровью и обнажали острые зубы, когда смеялись и улыбались; заостренные уши выглядывали из-под высоких нарядных головных уборов; некоторые лица мерцали, принимая различные формы, шеи и руки других окутывал рассеянный свет; были и те, рядом с кем летали тарелки с угощениями. Беа отмечала в голове каждую деталь, чтобы поделиться всем с Мэй и Птичкой, когда они вернутся домой.

Черно-белые светильники висели над ними, покрывая всех золотыми лучами света, а от музыки, которую играл духовой оркестр, Беа захотелось танцевать и найти кого-нибудь, кому

можно шепотом задать все вопросы.

Мама направилась в глубь зала. Толпа начала раздвигаться в стороны перед ней — заметившие маму приветствовали ее, кивая с признанием, уважением и, если Беа это не показалось, страхом.

«Откуда все эти люди знают маму?» — спрашивала себя Беа, пока они неторопливо шагали по освобожденной для них дорожке.

Тела расходились в длинный широкий коридор, и в самом его конце стояла одна фигура.

На Беа вдруг обрушился такой страх, что ей показалось, будто земля вот-вот уйдет у нее из-под ног. На руках у нее приподнялись волоски. Зубы удлинились, готовые укусить, а на языке выступили шипы. Каждая ее частичка приготовилась бороться или бежать.

На человеке, ожидавшем их, была самая высокая шляпа из всех, что ей доводилось видеть, окаймленная качающимися черепами. Она была сшита из роскошнейшего, чернейшего бархата и отлично подходила к его прекрасной коже. Фалды его сюртука свисали сзади, а между очень розовыми губами торчала толстая сигара, окружая его клубами дыма. Ее отец сказал бы, что он как будто только что из гроба, готовый посетить

самые великолепные из похорон.

Беа услышала, как ее мама сделала глубокий вдох.

— Добрый вечер, моя величайшая любовь, — проговорил мужчина сквозь дым своей сигары. — Ты просто загляденье. Сколько лет прошло? Наверно, около четырехсот.

«Величайшая любовь… Кто этот мужчина?» — Беа вгляделась в него. Всё больше вопросов возникало у нее в голове.

Мама поджала губы.

— Может, было бы лучше, если бы прошло пятьсот.

— И позволить тебе скучать по мне? Да ни за что.

— Всё так же полон пустой лести, как я вижу. Годы не подрезали тебе язык. — Мама переминалась с ноги на ногу. — А где же твоя жена?

— Присматривает за перекрестками, пока я в отъезде. — Его губы изогнулись, приподняв сигару, а взгляд переместился на Куки, Энни-Рут, Сору и Беа. Его темные глаза прожигали насквозь. — Не все из нас могут развлекаться.

— Мышь из дома — кошки в пляс, так, кажется, — ответила мама.

— А кто это у нас тут? — Мужчина переключил

своего внимание на Беа и ее сестер.

Мама отступила на шаг в сторону.

— Позволь мне представить нескольких из моих дочерей. Это Энни-Рут, Кармелла, Сора и Беа. Девочки, это Жан Батист Маршер.

— Снова формальности, моя Эванджелин? — спросил он, а потом повернулся к ним: — Большинство из нас зовут меня Дым. — Кольца густого дыма выплыли у него изо рта, танцуя вокруг них. Его взгляд стал еще пронзительнее, изучая их лица, словно он что-то искал — Беа никак не могла понять, что именно.

— Остерегайтесь чар Барона Тени, мои девочки, потому что они полны горячего воздуха, — сказала мама.

— Какая ты холодная. Твое сердце так зачерствело без меня? — Он обернулся назад и похлопал по плечу другого человека в высокой шляпе. — Раз уж мы заняты представлениями…

Парень, доставивший приглашение, оглянулся на них. Шляпа на нем была пониже, чем на Дыме, но кожа у него была того же оттенка и такие же прекрасные манящие глаза.

— Мой младший сын — Жак Батист Маршер, — произнес Дым, взмахнув тростью.

— Называйте меня Джей Би. — Он приподнял

шляпу. Его глаза нашли Беа, и взгляд их был таким, словно у него был секрет. Секрет, который Беа отчаянно желала узнать. — Добрый вечер.

Дым положил мощную ладонь ему на плечо, а потом снова повернулся к маме:

— Как жаль, что с нами нет Анаис.

Мама ощетинилась.

— А кто это? — спросила Беа.

Дым ухмыльнулся, приподняв брови.

— Хммм… Вижу, ты всё та же.

— Не важно, — ответила мама Беа. — Дым, пару слов наедине?

— Для тебя всё что угодно, дорогуша. Как же долго мы не виделись.

Мама стиснула зубы со злостью на лице, а потом повернулась к Энни-Рут, Беа, Соре и Куки:

— Оставайтесь здесь. Я отойду только на пару минут, а потом мы уедем. Куки, ты за старшую, пока я не вернусь. Никакого шума, вы меня услышали?

Она дождалась хора «Да, мэм», прежде чем отойти вместе с Дымом.

Беа повернулась налево, потом направо, сгорая от желания изучить всё вокруг, познакомиться с другими Вечными мужчинами и женщинами в зале. Изысканно одетые люди сновали среди

толпы; нити черных жемчужин, украшающие восхитительный гобелен. Ее сестры тут же отправились к ближайшему столу, чтобы взять бокалы для шампанского, наполненные пузырящейся кровью.

Джей Би уставился на Беа, а она на него.

— На что ты так смотришь? — спросила она.

— На тебя. — Он самоуверенно улыбнулся.

Она постаралась не покраснеть.

— Зачем? В этом зале куча народу.

Она сузила глаза в притворном раздражении, хотя он ее заинтересовал — и даже слишком.

— Я никогда прежде не встречал такой красивой Вечной женщины. Мой отец говорит, что Тёрнеры самые восхитительные.

Беа пыталась удержать зрительный контакт, отвечая ему таким же пронзительным взглядом, и не давала себе поднять взгляд на покачивающиеся черепа на его шляпе. Они открывали и закрывали свои рты, как будто хотели поделиться каким-то сообщением.

— Мне не стоит говорить с тобой.

— Тебе не стоит делать много вещей. Возможно, тебе даже не стоило быть в этом городе. Все теперь только и шепчутся о прекрасных Черных женщинах в доме на Эспланада-авеню. Тех, что

так долго отсутствовали. Некоторые хотят, чтобы вы были здесь, другие не особо.

— Я не боюсь вас… или их, — выпалила она.

Он улыбнулся.

— Я тоже вас не боюсь. Хотя мой отец говорит, что вы крадете сердца.

— Только наша младшая сестра, Птичка. Но не бойся, твое она не украдет.

— А что, если я захочу, чтобы оно досталось тебе?

Беа удивленно заломила бровь:

— И зачем тебе это?

— А почему бы и нет? Говорят, если полюбишь Вечную женщину и она полюбит в ответ, удача будет с тобой тысячу жизней. Она поможет обмануть раны и смерть. Для этого нужен всего один поцелуй.

— Ты Ходок. Барон. Ты и есть смерть.

На его губах заиграла улыбка.

— Это злосчастный стереотип. Может, я смогу рассказать тебе правду, а ты сможешь подарить мне эту вечную удачу.

— Я не пара туфель, которую можно примерить ради пробы.

— А что, если ты полюбишь меня в ответ? — От самонадеянности в его голосе у нее стало пока-

лывать кожу. Он знал ее секрет? Знал, чего она искала? Что именно мог делать Барон — читать мысли и сердца?

— Я никогда никого не любила.

— Пока что. — Он снял шляпу, поклонился и скрылся в толпе.



Беа бродила по залу, наблюдая, как целующиеся парочки выскальзывали в закрытые комнаты или прогуливались по коридорам огромного дома. Пока ее сестры общались и пробовали еду, она изучала всё вокруг, заглядывая в роскошные комнаты и поднимаясь по винтовым лестницам, пока не нашла комнату, которая удовлетворила ее любопытство.

Фиолетово-бирюзовые стены были подобны неспокойному небу ближе к полуночи. Потолки цвели розовым и мандариново-оранжевым, словно ваза с райскими фруктами. Двери были украшены инкрустацией из слоновой кости. Комнату заполняли обтянутые бархатом столешницы, и на каждой были выставлены фарфоровые наборы для игр, усыпанные золотом, бриллиантами, драгоценными камнями, с эмалевым декором

карточных рубашек. Потолок изгибался в выступах и подъемах. Игровые столы были окружены шезлонгами, стульями с высокими спинками и диванами на львиных лапах. Занавески для теплой погоды колыхались у стен, открывая вид на двери из стекла и террасу, на которую они вели.

Она проскользнула между столиками для игр, чтобы посмотреть, есть ли здесь ее любимая, что называлась карром — она играла в нее с Мэй, когда они жили в Бомбее. Она обрадовалась, обнаружив ее в дальнем углу. Крошечные красные и черные диски лежали в углублениях по периметру доски, в центре искусно расчерченного квадрата находился круг.

Она бросила быстрый взгляд на дверь. Она знала, что ей следует вернуться в зал. Мама будет искать ее и устроит взбучку за то, что она забрела куда не надо. Но она всё равно принялась протирать каждый диск — они были украшены маленькими павлинами и голубями, и она просто не смогла удержаться. Она расставила маленькие фишки для каррома по обеим сторонам, как если бы напротив нее сейчас стояла Мэй. Несмотря на то что Мэй была моложе, она всегда выигрывала, первой загоняя в лузы десять дисков.

Служанка, подталкивающая чайную тележку,

заглянула в комнату:

— Могу я предложить вам чай?

Беа кивнула.

На чайном столике из сандалового дерева женщина разложила сочащиеся, пропитанные кровью финики и кровяные пончики в сахарной пудре. Приподняв чайник, она налила в маленький стакан горячую жидкость, от которой поднимался пар. Потом достала пузырек. Кровь.

— Половину или целый?

— Целый, — ответила Беа.

Служанка открыла коробку со специями и добавила в пузырек по ложке мака, фенхеля и мускатного ореха, чтобы подсластить. Она вмешала приправленную кровь в жидкость, и та стала черной, как смоль.

— Спасибо. — Беа отпила глоток, и ее язык словно обожгло от вкуса крови.

Женщина кивнула и вышла из комнаты.

Одна из дверей на террасу открылась.

— Так, так, — услышала она голос.

Беа подняла глаза и увидела Джей Би.

— Я не знал, что тут будет кто-то еще, — сказал он.

Беа окинула его подозрительным взглядом. Притяжение от его присутствия усилилось, когда

они остались наедине.

— Ты обдумала мое предложение? — спросил он с хитрой улыбкой, показав ямочки на щеках. Он придвинулся ближе к игровой доске. В животе у Беа забурлил чай.

— Согласна на пари?

— То, что ты слышал о Вечных женщинах, неправда, — ответила Беа. — Это будет пустой тратой времени.

— Откуда тебе знать? — Он приподнял бровь.

— Я одна из них уже двести лет. Думаю, я знаю, о чем говорю.

— Ты уверена? — Он ухмыльнулся, обнажив крошечную щербинку между передними зубами. — Как ты можешь знать всё?

— Как ты можешь быть таким уверенным?

— Я никогда ни в чем не уверен. — Он сел напротив нее. — Вот что случается с тобой, когда ты видишь чью-то смерть.

Всё, что говорила мама о Баронах Тени, накладывалось одно на другое, как слои блинного торта.

«Они всегда подталкивают Вечных к остальным».

«Они оставляют свою метку».

«Они неспособны устоять перед их уничтоже-

нием».

— Ты боишься, — заявил Джей Би.

— Нет.

— Тогда давай сыграем. — Он жестом указал на доску. — Если я выиграю, мы устроим проверку. Один поцелуй. Если выиграешь ты, сможешь задать мне один вопрос. Я чувствую, как они гудят внутри тебя.

Беа подскочила, словно он мог слышать все те вопросы, что крутились у нее в голове. Она прикусила нижнюю губу. Снова бросила быстрый взгляд на дверь, зная, что ей следует вернуться в зал, зная, что ее сестры уже, наверно, в панике ищут ее. Но потом она снова встретилась с ним взглядом, и в его глазах сверкал вызов.

— С десяток женщин наверняка только и ждут возможности поцеловать тебя. И даже, наверно, Вечные. У тебя нет нужды просить об этом меня.

— Возможно. Но у меня никогда не было шанса поцеловать настолько красивую девушку, как ты.

Она покраснела.

— Эта фальшивая лесть ни к чему тебя не приведет.

— Я никогда прежде не имел удовольствия повстречать женщину Тёрнер. Не говоря уж о том,

чтобы поцеловать ее. Я просто обязан воспользоваться этим шансом.

— Мы враги.

— Это делает всё еще интереснее. — Джей Би снял свою высокую шляпу, и его прекрасные локоны упали ему на плечи. — Я никогда особо в это не верил. Да, мы существуем на противоположных сторонах жизни и смерти. Ты должна быть мертва. Я могу забрать тебя в страну мертвых в любой момент. Ты это чувствуешь.

Беа чувствовала, она не хотела признаваться в этом. Каждые несколько минут это глубокое притяжение пронизывало ее. Внутри нее грохотало предостережение. Она подняла свой стакан с чаем и сделала огромный слишком горячий глоток.

— Но ты тоже можешь на меня воздействовать. Один укус, и я лишен сил. Лишен своих способностей.

Мама никогда не говорила ей об этом. Может, она и сама не знала.

— Ставки равны, так что, ты их принимаешь?

Беа знала, что должна сказать «нет». Ее рот уже приоткрылся для отказа, но вместо этого она вытянула руку:

— Если ты настаиваешь.

Широкая улыбка осветила его лицо. Джей Би жестом предложил Беа начать первой.

Она с легкостью загнала одну из своих фишек в ближайшую лузу и победоносно улыбнулась.

— Повезло, — сказал он.

— Знаешь, вполне возможно, что я смогу загнать все свои фишки в лузы прежде, чем тебе удастся сделать хоть один бросок.

— Ага, — ответил он. — Главный риск этой игры — не дождаться своего хода и не получить даже шанса выбрать собственную судьбу. Но тебе вряд ли удастся победить таким способом. Ты склонна отвлекаться и можешь израсходовать свое везение. Мой отец говорил, что женщины Тёрнер удачливы, но он не говорил, что они не допускают ошибок.

— Я могу пуленепробиваемо концентрироваться, когда стремлюсь к своей цели.

— Я известен тем, что помешал одной или двум леди сделать то, что они были намерены.

— И как много шампанского тебе потребовалось? — поддразнила его Беа.

Джей Би рассмеялся, и ей понравилось глубокое, теплое звучание его смеха.

Она снова ощутила притяжение. Это глубокое напряжение, головную боль, пульсирующую в

висках. Предостережение.

— Мой отец был влюблен в твою мать, ты об этом знала? — произнес он.

— Не знала. До сегодняшнего вечера.

Он продолжил:

— Он был ее первой любовью. Несмотря на правила. Несмотря на ненависть между Баронами и Вечными. Он хотел жениться на ней, но она не вернулась в этот Район… как и в другие… когда нашла твоего отца.

— Им не суждено было быть вместе.

— Но они были. И довольно долго.

Мамины секреты накрыли ее с головой. Она никогда не представляла ее ни с каким другим партнером, кроме отца.

— Зачем она вообще в это играла? Или так близко подходила к смерти? — Ее мать не увлекалась азартными играми. — Он мог убить ее. Вы ведь всегда подталкиваете людей к перекресткам. Это в вашей природе. — Внутри у Беа всё опустилось, в то время как всё больше вопросов кружились в торнадо у нее в голове. Мама всегда избегала подробных расспросов на эту тему, передавая им единственное четкое послание: «Держитесь подальше от Баронов Тени!»

— Мой отец весьма могуществен. В его руках

много власти.

Беа скрестила руки на груди, уверенная, что это не займет много времени. Она собьет его с толку и отправит восвояси. Она покрутила доску и закатила в лузу еще один диск.

— Твоя очередь. Снова, — сказал он.

Кончик ее пальца пульсировал от ударов по дискам. Она прервалась, чтобы пососать его.

— Хочешь сдаться из-за боли?

Она фыркнула:

— Мечтать не вредно.

— Я не мечтаю, а хочу. Мне нужно знать, правда ли то, о чем говорил мой отец. У него есть удача, о которой мечтают все Ходоки. Вот чего я хочу. Он заколдован — и я думаю, что дело в твоей матери.

— Может, он лжет. Может, это всё блеф.

— Пусть его и называют Дымом, но он не пускает туман в глаза. Тут есть что-то еще.

Беа снова наклонилась над доской, чтобы подготовиться к следующему ходу. Она спрашивала себя, каким мог бы быть поцелуй с ним. За все эти годы у нее их было немало, но ни один из них не был так опасен. Поцелуй с врагом. Поцелуй, способный убить. Она подтолкнула еще один диск, но притяжение от его присутствия пронзило ее

тело болью. На этот раз она промахнулась мимо лузы и съежилась.

Она почувствовала его широкую улыбку и насупилась.

— Моя очередь, — сказал он, столкнув одну из своих фишек с ее и тем самым отправив сразу два своих диска в противоположные лузы. — Кажется, у нас уже ничья.

Беа состроила гримасу. Что будет, если она проиграет? Выплатит ли она свою ставку? Ее разум говорил ей, что нужно незамедлительно вернуться в зал. Ей положено общаться и знакомиться с другими, выискивая того, кто может оказаться ее вечной любовью. Но ее глупые ноги не двигались. Она словно оказалась в каком-то странном пузыре вместе с Джей Би; наэлектризованные путы крепко удерживали ее на стуле.

Джей Би сделал второй ход, с легкостью отправив еще один диск в лузу.

— Уже три против двух.

— До конца игры еще далеко, так что я бы на твоем месте особо не расслаблялась.

Не сводя с нее глаз, он загнал в лузы все оставшиеся диски одним движением пальца.

Она выпрямила спину, ошарашенная. От удивления у нее даже закружилась голова.

— Я выиграл. — Глаза Джей Би сверкали от восторга. — Пари есть пари. Ты должна мне свою ставку.

«От одного поцелуя ничего не будет», — сказала она себе. Ее собственное любопытство сводило на нет все страхи.

— Я тебя не укушу, — сказал он.

Она рассмеялась.

Он пододвинулся ближе к ней.

— И не буду подталкивать.

Прежде ей доводилось целоваться только со смертными.

— Ты обещаешь не кусаться? — прошептал он.

— Да, — ответила она.

— Можно? — спросил он, протянув к ней руки.

Его слова повисли между ними, словно серия фейерверков, готовых вот-вот разорваться.

Она кивнула. Его ладони легли на заднюю часть ее шеи. Почувствовав его кожу на своей, она вся затрепетала. Покалывание от его прикосновения напомнило ей те ощущения, что были у нее до того, как ее сердце остановилось. Прямо перед собой Беа видела глубокие тона его темной кожи. Его глаза всматривались в ее лицо, и она чувствовала, как он отмечает каждую деталь. Удары его сердца были такими громкими, что остались

единственным шумом между ними.

Смотреть на него было подобно открытию чего-то совершенного нового в мире, которое она знала уже так долго.

Он наклонился к ней.

Она закрыла глаза.

Он прижал свои губы к ее, и его язык направляло самое восхитительное любопытство.

Гробы, или Как еще можно сохранить красоту?

Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Вам наверняка знакома идея, что вампиры спят в гробах. По крайней мере, некоторые вампиры — такие, как отец всех вампиров, Граф Дракула собственной персоной, — спят в гробах. (Остальные предпочитают жуткие старые особняки или дешевые квартиры в подвалах.) В некоторых историях вампиры должны спать в своих собственных гробах с землей со своей могилы, потому что в обратном случае они ослабеют и умрут. В других — это способ оградиться от смертельно опасного для них солнечного света. И ничто не говорит: «Эй, я абсолютно бессмертен!» — так, как вид вампира, выбирающегося из собственного гроба! В чем бы ни была причина, вампиры, которым нужен их проверенный временем ящик для смерти, буквально привязаны к нему. Они не могут просто бросить его, даже если бы захотели! В своем рассказе Дониэль переосмысливает гроб

самым магическим образом — превращая его в аптеку, которая переезжает на новое место каждые несколько лет. Беа одновременно привязана к своей семье и страстно желает стать самостоятельной, даже если ради этого придется сгореть.

Как далеко вы смогли бы зайти, чтобы обрести независимость?

Первое убийство
Виктория Шваб

I

[Пятница]

У Каллиопы Бёрнс на голове облако кудряшек.

Это первое, что видит Джульетта.

Конечно же, есть еще много всего другого. Кожа у Каллиопы идеально гладкая, смуглая, в ушах — серебряные сережки-гвоздики, смех — этакое благодушное урчание, которое больше подошло бы кому-то раза в два больше нее, а еще она водит кончиком пальца правой руки по правому предплечью, когда о чем-то думает.

Всё это Джулс, естественно, тоже замечает, но первое, что она каждый день видит на уроке английского языка, когда занимает свое место на два ряда позади другой девочки, — это кудряшки. Весь последний месяц она смотрит на них, надеясь, что за ними случайно промелькнет щека, подбородок, улыбка.

Всё началось как какое-то ленивое любопытство.

Стюарт Хай — огромная школа, одно из тех мест, где любым изменениям легко остаться незамеченными. В ней почти триста одиннадцатиклассников, но в этом году лишь четверо из них — новенькие, представленные на собрании в первый учебный день. Трое из переведенных к ним были скучными и непримечательными, два качка с квадратными челюстями и робкий парнишка, не поднимающий глаз от своего телефона.

А четвертой была Каллиопа.

Каллиопа, которая открыто смотрела на собравшихся учеников, словно бросая молчаливый вызов. Каллиопа, двигающаяся по коридорам с уверенной легкостью кого-то, кто чувствует себя полностью в своей тарелке внутри своего тела.

Джульетта никогда не чувствовала себя так в своем теле, как и в любой отдельной его части, если уж на то пошло.

Через два ряда впереди темное облако кудряшек смещается, потому что девушка поворачивает шею.

— Мисс Фэйрмонт. — Голос учителя раскатывается по кабинету. — Смотрите в вашу тетрадь.

Класс хихикает, и Джулс опускает взгляд на свою контрольную, кровь медленно приливает к

ее бледным щекам. Но сосредоточиться сложно. Воздух в кабинете спертый. В горле у нее пересохло. Кто-то слишком сильно надушился, кто-то постукивает карандашом, и этот ритмичный метроном действует ей на нервы. Трое жуют жвачки, шестеро ерзают на своих стульях, и она слышит шуршание хлопка по их коже, мягкое «фшшш» их дыхания, звуки тридцати студентов, которые просто *живут*.

У нее крутит желудок, хотя она позавтракала.

Раньше ей было достаточно этого, чтобы продержаться весь день, — единственного приема пищи. Так было раньше, но теперь голова у нее начинает гудеть, а в горло словно насыпали песка.

Наконец раздается звонок, и класс погружается в ожидаемый хаос, потому что все спешат на ланч. Но Каллиопа не торопится. И, подойдя к двери, она оглядывается — это движение такое будничное, словно она просто бросает взгляд через плечо, но ее глаза смотрят прямо на Джульетту, и та чувствует, как ее пульс заводится, словно упрямый двигатель. Другая девочка не улыбается, не совсем, но уголок ее рта чуть дергается вверх, и Джулс расплывается в широкой улыбке. А потом Каллиопа выходит, и Джулс сгорает от желания

заползти под плинтус и умереть.

Она считает до десяти, прежде чем последовать за Каллиопой.

В коридоре движется поток тел.

Далеко впереди темные волосы Каллиопы, покачиваясь, уносятся прочь, и Джульетта идет за ними вслед. Она готова поклясться, что чувствует едва заметный мед лосьона другой девушки, ваниль ее бальзама для губ. Ее шаги длинные и медленные, а у Джульетты быстрые, так что расстояние между ними с каждым шагом немного сокращается, и Джулс пытается придумать, что сказать, что-то шутливое или умное, что-то, чтобы заслужить один из этих редких низких смешков, когда ее ботинок шаркает обо что-то на полу.

Браслет — потерянный, забытый. Нечто изящное, хрупкое, и Джулс, не думая, тянется за ним, сжимая пальцы вокруг цепочки. Боль, острая и горячая, пронизывает ее кожу. Она сдавленно охает и роняет браслет, на ее коже наливается красный след.

Серебро.

Она шипит и, тряся обожженными пальцами, наперерез потоку в коридоре сворачивает в ближайший туалет. Ее рука дрожит от боли, когда

она сует ее под кран.

Это помогает. Немного.

Она обшаривает свою сумку, находит бутылек с аспирином, который на самом деле не аспирин, вытряхивает две капсулы себе в ладонь, а потом сует их в рот. Они раскрываются — секунда тепла, мгновение облегчения.

Это помогает так же, как один вдох помогает тонущему человеку, проще говоря, не особо.

Жажда немного слабеет, боль стихает, и след на ее коже начинает исчезать.

Она поднимает взгляд на зеркало, убирая за уши пряди светлых волос. Она бледная версия своей сестры, Элинор.

Не такая эффектная. Не такая очаровательная. Не такая красивая.

Просто… не такая.

Она наклоняется вперед, всматриваясь в зеленые и коричневые крапинки в своих голубых глазах, разрозненные точки на щеках.

Что это за вампир такой — с веснушками?

Но вот они, словно краска, брызнувшая на бледную кожу, хотя она старательно избегает солнца. Когда она была маленькой, то могла проводить на улице по целому часу, играя в футбол или просто читая в пятнистой тени их семейного дуба. Те-

перь же ее кожу сразу же начинает пощипывать.

Добавьте это в растущий список всей прочей отстойной фигни (ха-ха).

Ее взгляд опускается ко рту. Не к зубам, отполированным до блеска, не к клыкам, приподнимающимся за резцами, а к губам. Самая дерзкая деталь в ее внешности. Единственная дерзкая деталь, по правде говоря.

Сестра сказала ей, что хорошая помада подобна оружию. Щиту против всего мира.

Она копается в сумке и вытаскивает ежевичную помаду с надписью «Сумрак».

Джулс наклоняется к зеркалу и, притворяясь, будто она Элинор, наносит помаду, аккуратно обводя линии своих губ. Закончив, она чувствует себя немного более дерзкой, немного более яркой, немного *более* в целом.

И скоро она и вправду *будет* более.

Скоро…

Дверь туалета с треском распахивается, пространство наполняется громогласным смехом кучки двенадцатиклассниц.

Одна из них бросает взгляд на Джулс.

— Красивый цвет, — произносит она с нотой искренности в голосе. Джулс улыбается, лишь едва приобнажив зубы.

В коридоре уже пусто, браслет исчез, спасенный кем-то еще. Бурная река студентов обмелела до ручейка, поток направляется в одну сторону — к столовой, и Джулс размышляет о том, чтобы пропустить ланч, или, если быть точнее, его имитацию, и забраться в какой-нибудь уголок библиотеки с хорошей книгой, когда в нее влетает Бен Уилер.

Светлая кожа Бена изрядно потемнела за время летних пробежек в парке, каштановые волосы выгорели на солнце до рыжеватого золота.

Она слышит его приближение. Или, может, чувствует его. Ощущает его за секунду до того, как он ударяется о ее плечо своим.

— Я истощен! — стонет он. — Как растущее тело должно дотянуть от завтрака до ланча? Хоббиты были правы.

Она не говорит, что видела, как он умял пачку крекеров между первым и вторым уроками, злаковый батончик между вторым и третьим. Не указывает, что в руке у него наполовину съеденная шоколадка, хотя они как раз идут на ланч. Он бегун на длинные дистанции, сплошные жилы и кости, с постоянным зверским голодом.

Она прижимается к Бену, пока они идут.

От него хорошо пахнет. Не так, что хочется

укусить, а приятно, по-домашнему.

Они дружат уже целую вечность.

В седьмом классе они даже пробовали стать друг для друга чем-то бóльшим, но как раз в это время Бен обнаружил, что он предпочитает парней, а она осознала, что предпочитает девушек, и теперь они шутят о том, кто кого обратил.

В смысле, в геев. Не вампиров. Конечно же.

Ни в том, ни в другом случае ее никто не обращал. Она родилась такой, последняя в благородной линии Фэйрмонтов. И, что касается дара крови, или проклятия, Бен ничего не знает. Ее бесит, что он не знает. Она уже сотни тысяч раз обдумывала, как ему рассказать. Но «что, если» слишком велики, слишком пугающи, риски слишком высоки.

Они доходят до столовой, наполненной скрипящими стульями, кричащими голосами, тошнотворным запахом залежавшейся перегретой еды. Джулс делает глубокий вдох, словно погружаясь под воду, и входит вслед за ним.

— Кэл! — зовет девушка, махая рукой Каллиопе через весь зал.

Кэл. Так зовут Каллиопу ее друзья. Но Кэл — грубое слово, тяжелая рука на плече, хрипучий звук в горле. Джульетте больше нравится «Каллиопа».

Четыре слога. Музыкальная мелодия.

— Как тебе такая дикая идея, — говорит Бен. — Вместо того чтобы молча чахнуть, почему бы тебе просто не признать, что ты на нее запала?

— Я на нее не запала, — бормочет она.

Бен закатывает глаза:

— А как это тогда называется, по-твоему?

— Это… — Джульетта смотрит на другую девушку и снова оказывается на кухне в то утро, словно загнанная в ловушку между своими родителями, жалея, что не может вылезти из собственной кожи.

— Мы не пытаемся на тебя надавить, — сказал ее отец, проводя ладонью по своим волосам.

— Просто однажды ты повстречаешь кого-то, — добавила ее мама. — И когда ты…

— Ты придаешь этому слишком большую важность, — перебил он. — Это же необязательно.

— Но *желательно.* — Мама бросила на него предупреждающий взгляд. — В смысле, будет лучше, если…

— О нет, только не разговор, — вклинилась Элинор.

Ее сестра пронеслась по кухне, словно теплый бриз, и она явно только пришла, а не собиралась уходить. Ее фарфоровые щеки раскраснелись,

этот сонный румянец, казалось, всегда был на ее коже, когда она возвращалась домой.

— Кулаки — это просто кулаки, — сказала она, поднимая кофейник. Она налила себе чашку темной густой жидкости. Джульетта наблюдала, как она добавила порцию эспрессо. «Напиток для пробуждения трупов», как она его называла.

Джульетта наморщила нос.

— Как ты можешь это пить?

Лицо Элинор осветила мягкая и серебряная, как лунный свет, улыбка.

— Говорит девушка, живущая на пилюлях и кошках.

— Я не пью кошек! — огрызнулась она, шокированная. Это была старая шутка, со временем потерявшая свежесть.

Ее сестра подняла руку и провела идеальным ногтем по своей щеке.

— Ты поймешь, когда найдешь ее. — Ее ладонь опустилась на грудь над сердцем. — Ты поймешь.

— Давай укуси уже кого-нибудь.

Джульетта моргает:

— Что?

Бен кивает на витрину с едой:

— Я сказал, давай купи уже чего-нибудь.

Очередь позади них начинает терять терпение. Она оглядывает выставленные сэндвичи, пиццу, жареную картошку, не понимая, почему ей вообще не всё равно. Но это неправда. Ей не всё равно, потому что девушке-человеку тоже не было бы всё равно.

Она берет пакет чипсов и яблоко и идет за Беном в конец пустого стола на краю зала.

Бен окидывает взглядом гору еды на своем подносе, словно не может решить, с чего начать.

Джулс разрывает пакет с чипсами и предлагает ему угоститься, после чего кладет пакет на стол между ними.

Во рту у нее болит. Эта боль поднимается из желудка. В горле у нее снова пересохло, и на нее накатывает внезапная отчаянная жажда, от которой ее неспособен спасти ни один водяной фонтанчик. Она пытается сглотнуть, но не может, высыпает в ладонь еще две капсулы и глотает их без воды.

— Ты так рак себе заработаешь, — говорит Бен, в то время как капсулы раскрываются у нее во рту, расцветая на языке. Мгновение медного тепла началось и тут же закончилось.

Жажда отступает — этого достаточно, чтобы сглотнуть, подумать.

Раньше лекарства и вправду работали, давая ей часы вместо минут. Но в последние несколько месяцев всё стало хуже, и она знает, что скоро пилюль будет недостаточно, чтобы притупить жажду.

Джулс надавливает ладонями на глаза. Держит, пока не появляются пятна, которые потом пропадают, оставляя лишь черноту. Милосердную, стирающую всё темноту.

— Что с тобой такое?

— Мигрень, — бормочет она, приподнимая голову. Ее взгляд перемещается над столиками, пока она с удивлением вдруг не обнаруживает Каллиопу, смотрящую прямо на нее. Ее пульс немного учащается.

— Ты могла бы с ней поговорить, — произносит Бен.

— Я говорила, — отвечает она, и это не ложь.

На уроке английского языка на прошлой неделе она сказала Каллиопе, что у той упала ручка. А еще был момент в коридоре, когда Каллиопа рассказала шутку, и Джульетта рассмеялась, хотя она разговаривала не с ней. А еще во вторую неделю учебного года был день, когда на улице лил дождь как из ведра, и Джулс предложила подвезти ее. Она уже была готова согласиться,

когда подъехали ее братья на своем пикапе, но она всё равно сказала: «Спасибо».

— Ну, у тебя будет шанс.

Ему удается привлечь внимание Джульетты.

— Что?

— Вечеринка у Алекса. Завтра вечером. Все идут.

Алекс — игрок школьной команды по футболу, «лиса со стальной челюстью», а также предмет обожания Бена на данный момент — к несчастью, потому что, судя по всему, Алекс гетеросексуален.

Бен машет рукой каждый раз, когда она об этом упоминает.

— Люди не гетеросексуальны, — говорит он. — Они просто плохо осведомлены. Итак, вечеринка?

Джулс уже готова сказать, что не ходит на вечеринки, когда замечает искривленное отражение в банке из-под газировки Бена — на чистом холсте пара губ ежевичного цвета.

— Во сколько?

— Заберу тебя в девять, — говорит Бен. — И тебе лучше сделать свой ход. Каллиопа Бёрнс не будет ждать вечно.

II

[Суббота]

Джульетта останавливается рядом с комнатой сестры.

Она уже готова постучаться, когда дверь распахивается и появляется Элинор, очевидно, собирающаяся уходить. Она окидывает Джулс взглядом с головы до ног и обратно, замечая колготки с блестками, короткое черное платье, лак на ногтях — уже смазанный, потому что она никогда не может дождаться, пока он высохнет.

— Куда-то собралась?

— На вечеринку, — отвечает Джульетта. — Не могла бы ты, не знаю… — Она жестом указывает на себя, словно Элинор владеет каким-то волшебством превращений, а не просто хорошим вкусом. — Помочь мне?

Элинор смеется мягким, как дыхание, смехом, не глядя на часы. Рэгги подождет. Она подталкивает ее к туалетному столику.

— Садись.

Джулс опускается на мягкий стул перед зеркалом с подсветкой, всматриваясь в ряд помад, расставленных у заднего края, в то время как

Элинор встает позади нее. Они обе выделываются, конечно же; она никогда не понимала логики этого мифа. Джульетта изучает свою сестру в отражении — та на три года старше, и, когда они рядом, разница очевидна.

Волосы Элинор светло-серебристые, глаза глубокого оттенка синего — цвета летних ночей, в то время как у Джульетты волосы тусклые, скорее похожие на солому, чем на лунный свет, а глаза грязно-голубого оттенка. Но это еще не всё. У Элинор такая улыбка, при виде которой хочется улыбнуться в ответ, а ее голос хочется слушать и слушать. Она всё то, чем Джулс хочет быть, всё, чем она надеется стать. После.

Она помнит прежнюю Элинор, конечно же. Прошло всего несколько лет, и правда в том, что Элинор всегда была изящной, красивой. Но, вне всяких сомнений, сейчас стала еще *более*. Словно ее первое убийство взяло то, кем она была, и выкрутило звук до предела, сделав всё острее, сильнее, заметнее.

Джульетта задается вопросом, какой станет она, когда звук будет выкручен на полную катушку, какие ее части станут громче. Она надеется, что это не будет голос в ее голове, сомневающийся во всем, и не нервная энергия, которая

словно завладевает ее конечностями. Тогда ей уже повезет.

Пальцы Элинор скользят по ее волосам, и она чувствует, как ее плечи расслабляются, напряжение тает. Она не знает, вампирская ли это сила или просто сестринская.

— Эл, — говорит она, прикусывая щеку. — На что это было похоже?

— М? — произносит ее сестра мягким, воркующим голоском, проверяя, достаточно ли нагрелись щипцы для завивки.

— Твое первое убийство.

Это слово не производит эффекта оглушительного хлопка. Мир не цепенеет и не замирает. Элинор не прекращает делать то, что делает. Она просто произносит:

— А.

Словно ей вдруг всё становится ясно про Джулс.

— Это и вправду так важно?

Элинор задумывается, а потом медленно пожимает плечами:

— Это важно настолько, насколько ты сама считаешь. — Она накручивает прядь волос Джулс, закалывая остальные шпилькой. — Кто-то верит, что это просто вход, что не имеет значения,

какой именно ты выберешь, ведь ты просто пройдешь через него. — Она творит свое волшебство, превращая непослушные волосы Джулс в аккуратные локоны. — А кто-то считает, что дверь определяет то место, что находится за ним. Что это формирует тебя.

— А что думаешь *ты*?

Элинор откладывает щипцы для завивки в сторону, разворачивает Джулс к себе и одним пальцем приподнимает ее подбородок.

— Я думаю, лучше, если это имеет значение.

Мягкая кисть скользит по ее скулам.

— Для папы это ничего не значило, — говорит Джулс, но Элинор щелкает языком:

— Конечно, значило. Он взял своего лучшего друга.

У нее внутри всё перевернулось. Она этого не знала.

— Но он говорил…

— Люди много чего говорят. Но не всё из этого правда. — Элинор макает тонкую кисточку в бутылек с жидкой подводкой. — Закрой глаза. — Джулс закрывает, чувствуя щекотание там по линии роста ресниц. — Мама пошла по другой дороге, — продолжает Элинор. — Она взяла парня, который не принимал отказа. Это были послед-

ние слова на его губах, когда он умирал. — Она издает короткий тихий смешок, словно рассказывая шутку.

Джульетта открывает глаза.

— А что насчет тебя?

Элинор улыбается, ее идеальные красные губы слегка приоткрываются.

— Малколм, — мечтательно произносит она. — Он был красивым. И печальным. — Она смотрит в зеркало мимо Джулс. — Он не боролся, даже в самом конце, и выглядел таким умиротворенным, когда всё закончилось. Словно спящий принц. Некоторые люди хотят умереть молодыми. — Она моргает, возвращаясь к себе. — Но есть и те, кто оказывает сопротивление. Самое важное — ни в коем случае не дать им уйти.

Джулс опускает взгляд на коллекцию губных помад на туалетном столике, тянется к коралловому, но Элинор отводит ее пальцы на два тюбика правее, к глубокому оттенку — ни красному, ни синему, ни фиолетовому. Она переворачивает тюбик и читает надпись на дне:

«Останавливающая сердца».

Элинор берет помаду и наносит ее рукой профессионала. Закончив, она отодвигается, наклонив голову в сторону, словно мраморная

скульптура.

— Вот.

Джульетта изучает свое отражение.

Девушка в зеркале изумительна.

Волосы ниспадают бледными волнами. Голубые глаза подведены черным, острые стрелки у внешних уголков делают ее взгляд кошачьим. Темные губы — что-то дикое.

— Как я выгляжу? — спрашивает она.

Ее сестра улыбается во все зубы.

— Готовой.



На двери висит табличка «Заходите», но Бену всё равно приходится тащить ее через порог.

Вечеринки — это именно то, что Джульетта ненавидит.

Громкая музыка и полные людей комнаты, еда, которую она не может есть, алкоголь, который она не может пить, и другие «прелести» нормальной жизни, которой у нее никогда не будет. Но она выпила полную чашку жидкости из кофейника, прежде чем уйти, и, по крайней мере, солнце уже село, по большей части забрав ее головную боль. Мир в темноте мягче, по нему

легче двигаться.

И всё же единственное, что заставляет ее войти — кроме непримиримого, невозможного Бена, — мысль, страх, надежда, что Каллиопа где-то в этом доме.

Но ее нигде не видно.

— Она появится, — говорит Бен, и ей хочется ему верить, как хочется пойти домой и одновременно хочется быть здесь. Ей хочется быть более… хочется выпить стопку в баре, хочется сделать что-то — что успокоит ее нервное сердце.

Она прикусывает губы, пробуя на вкус темно-красную краску под названием «Останавливающая сердца», и соглашается остаться. Может, она найдет кого-то еще, может, это не имеет значения, может, первый — это просто первый.

Десять минут спустя десяток людей поднимается в одну из верхних комнат, где Бен проводит игру «Признание или задание». Она не знает, делает ли он это ради нее или ради себя, потому что он выглядит крайне опечаленным, когда Алекс выбирает правду, а потом *он* выбирает действие, и теперь он пьет пиво, делая стойку на руках, бросая вызов законам физики. Джулс смеется и трясет головой, когда входит Каллиопа.

И, заметив Джулс, она улыбается. Это не широ-

кая улыбка друзей, повстречавшихся в толпе. А что-то скрытое и тихое, появилось и пропало, но ее сердце от этого начинает биться быстрее.

Она останавливается в нескольких футах, так что они в одной части комнаты, рядом, и так даже лучше, потому что Джулс не приходится смотреть на нее, не приходится выдерживать силу ответного взгляда другой девушки.

Бен заканчивает и поднимает руки вверх, как гимнаст, сходящий с помоста под бурные аплодисменты.

А потом он смотрит на Джулс и улыбается.

— Джульетта, — говорит он, в его глазах сверкает власть, и она знает, что он собирается сказать, по крайней мере, в общих чертах, и очень хочет, чтобы он этого не делал, хотя ее сердце колотится в груди.

— Я даю вам с Каллиопой задание провести вместе шестьдесят секунд в чулане.

Комната наполняется свистом и улюлюканьем, и Джулс уже собирается начать протестовать, отшутиться, что не собирается снова лезть в чулан, что, если он хочет, чтобы они поцеловались, они могут сделать это прямо здесь, перед всеми, при свете. Но у нее нет на это времени, потому что ее руку обхватывает рука Каллиопы, вытаскивая

из толпы:

— Пошли, Джульетта.

И звучание ее имени, произнесенного другой девушкой, такое правильное, такое совершенное, что она следует за Каллиопой, позволяя ей увести себя в чулан. Дверь захлопывается, погружая их обеих в темноту.

Темнота. Это понятие относительное.

В щель под дверью проникает свет, и глаза Джульетты используют эту узкую полоску, чтобы обрисовать детали забитого вещами чулана. Куртки, занимающие девяносто процентов пространства, гора коробок, сложенных у их ног, вешалки, упирающиеся ей в затылок. И Каллиопа — не ее затылок и не брошенный украдкой взгляд. Она прямо здесь. Скос ее щеки, изгиб ее губ и пристальный взгляд карих глаз, одновременно теплый и пронзительный.

— Привет. — Ее голос низкий и уверенный.

— Привет, — шепчет Джульетта, пытаясь сделать свой голос похожим на голос сестры, с ее неземной непоколебимостью, но всё выходит совсем не так, не с придыханием, а как будто со свистом и писком.

Каллиопа смеется, но не над ней, а над всем этим. Забитым чуланом. Близостью их тел. И

на этот раз другая девушка тоже, кажется, нервничает. Она напряжена и словно сдерживает дыхание.

Но она не отстраняется.

Джулс колеблется, размышляя, стоит ли им приблизиться друг к другу или разойтись подальше.

Бен не сказал, что им делать.

Шестьдесят секунд — это не так уж и много.

Шестьдесят секунд — это целая вечность.

От Каллиопы хорошо пахнет, что само по себе неудивительно, но дело не в ее лосьоне для тела или блеске для губ.

Это *ее* запах.

Ощущения Джулс вспыхивают и сокращаются, пока не остается только запах кожи другой девушки, ее пота, ее крови. Крови — и чего-то еще, что она не может определить, что заставляет глухо звонить у нее в голове предупреждающие колокола.

А потом Каллиопа целует ее.

Ее губы такие мягкие, они приоткрываются на губах Джулс, но никакие фейерверки не взрываются. Мир не останавливается. Она на вкус не как волшебство или солнечный свет. Это вкус виноградной газировки, что она пила, свежего

воздуха, сахара, чего-то простого и человеческого. Люди говорят, что весь мир будто отдаляется, но разум Джульетты продолжает свою работу, отмечая каждую секунду, ладонь Каллиопы на ее руке, ее губы на губах Джулс, вешалку с курткой, впившуюся ей в шею, и она не понимает, как люди могут просто целоваться, жить в этом моменте, ведь Джулс болезненно ощущает каждое мгновение *здес*ь.

Ее десны ноют от зубов, вытягивающихся из них. И в эту секунду, между клыками и укусом, она думает о том, что предпочла бы ходить в кино, предпочла бы наслаждаться ароматом волос Каллиопы, ее тихим смехом, предпочла бы оставаться в этом чулане и продолжать целовать ее.

Просто две обнимающиеся человеческие девушки.

Но она так голодна, ее рот так горит, и она не человек, и она хочет стать чем-то *более*.

Губы Джульетты опускаются к шее другой девушки.

Ее зубы находят кожу. Она рвется так легко, и Джулс чувствует первые сладкие капли крови, когда промеж ребер ей в грудь вонзается конец деревянного колышка.

I

[Пятница]

Губы Джульетты — произведение искусства.

Это первое, что замечает Кэл.

Не их контур, если быть точнее, — не изгиб нижней губы, не клинышек над верхней, — а то, как она их красит. Сегодня в школе ее губы были цвета ежевичного сока — не совсем фиолетовые, не совсем розовые, не совсем синие. Вчера они были коралловыми. На прошлой неделе Кэл насчитала винный, фиалковый, а один раз даже нефритовый.

Эти цвета так выделялись на фоне ее белоснежной кожи.

Кэл знает, что ей не стоит проводить столько времени за разглядыванием губ другой девушки, но…

Ей в висок прилетает обеденная булочка.

— Какого черта! — рявкает она.

— Ты умерла, — объявляет Аполлон.

Тео поднимает нож.

— Скажи спасибо, что она была без масла.

Кэл сердито зыркает на старших братьев, которые возвращаются к закидыванию в себя еды.

Она никогда не видела, чтобы кто-нибудь еще ел так, как они. Но при этом сложены они, как боги, в честь которых были названы. Сложены, как герои. Сложены, как папа.

Он в дороге, в дальней поездке — так они называют охоту на расстоянии. А еще он водитель грузовика. Это хорошее прикрытие, но она по нему скучает. По его широким рукам, его медвежьим объятиям. По тому, как он всё еще может взять ее на руки, как делал это раньше, когда она была маленькой. Она чувствует себя в полной безопасности в его объятиях. Кэл любила обводить черные полосы, обвивавшие его предплечья, чувствуя, как кожа приподнимается под ее пальцами. По одной за каждое убийство. Она рисовала линии маркером на собственных руках, представляя, как заработает свой первый знак. Первое убийство.

Ей не нравится, когда он отсутствует так долго. Она знает, что всегда есть вероятность…

На этот раз она видит, как в нее летит булочка, ловит ее в воздухе и уже собирается бросить обратно, но мама хватает ее за запястье. Каллиопа смотрит на правое предплечье мамы, обвитое тонкими нитями чернил.

— Не за столом, — говорит она, выхватывая

булочку из пальцев Кэл. И Кэл не тратит время на то, чтобы объяснить, что ее братья начали кидаться первыми — она знает, это не имеет значения. Правило номер три: «Не попадись».

Тео ей подмигивает.

— Где твоя голова? — спрашивает мама.

— В школе, — отвечает Кэл, и это не ложь.

— Осваиваешься? — спрашивает мама, но Кэл знает, что она имеет в виду «вливаешься в коллектив», а это совсем другое. Она знает, что переезды с места на место — часть работы. Она побывала в дюжине школ за вдвое меньше лет, и каждый раз предупреждения одни и те же. Просто вливайся. Но для старшей школы этот совет звучит неоднозначно.

Вливаться — значит выделяться. Знать себя и владеть собой, и Кэл именно это и делает, но, слава богу, они уже слишком взрослые для «покажи-и-расскажи», потому что она более чем уверена, что палка с заточенным концом и нити серебра у нее в сумке вряд ли могут вызвать у кого-то восторг.

— Кэл влюбилась, — произносит Аполлон.

— Не смей, — бормочет она. Она не влюбилась в Джулс. Джулс ее цель. И, ладно, возможно, первыми ее привлекли эти губы цвета гранато-

вых зерен. Может, на короткое мгновение были какие-то зачатки влюбленности, но потом она заметила, как девушка всё время прячется в тени, испуганно морщась даже от едва различимого проблеска солнца между облаками. Как она едва прикасается к своей еде. На прошлой неделе она нашла в сумке Джулс бутылек с капсулами, вскрыла одну над раковиной в туалете и увидела вытекшую из нее темно-красную субстанцию. А сегодня, в коридоре, она уронила серебряный браслет, подождала за углом и наблюдала, как девушка схватила его и тут же выронила, когда серебро коснулось ее кожи.

И теперь она уверена.

Джульетта Фэйрмонт, вампир.

Тео встает, чтобы помыть тарелку.

— Жуй, скелетина, — говорит он, пиная ее стул.

— Не называй меня так.

— Да тебя сможет завалить даже призрак, просто пустив шептуна.

Пальцы Кэл сжимаются вокруг ее ножа.

— Тесей Бёрнс, — предупреждает мама, но теперь встает и Аполлон, и Кэл чувствует движение в комнате, туго скрученную, как провод, энергию.

— Куда вы идете? — спрашивает она.

— На охоту, — отвечает Тео таким тоном, как другие могли бы произнести «в аптеку», «на рынок» или «в торговый центр». Как будто это пустяк. Ничего такого. Просто еще один вечер.

Сердце Кэл начинает биться быстрее. Она знает, что лучше не спрашивать, можно ли ей с ними. Вопрос требует ответа, а ответ обычно «нет». Лучше выбирать утверждения.

— Я иду с вами, — произносит она, уже на ногах, забирая ботинки из коридора. Она приучила себя держать всё необходимое внизу. В прошлый раз она побежала наверх в свою комнату, чтобы взять вещи, а когда спустилась, они уже ушли.

— Ты сделала уроки? — спрашивает мама.

— Сегодня пятница.

— Я не об этом спросила.

Кэл продолжает завязывать шнурки. Ее братья выходят за дверь.

— Математику и физику — да. Английский — нет, но я сделаю его завтра же утром.

Мама колеблется. Передняя дверь захлопывается. Кэл переминается с ноги на ногу.

Наконец мама вздыхает:

— Ладно. — Она говорит что-то еще, что-то о необходимости быть осторожной, но Кэл слышит

ее лишь мельком, выскакивая за дверь. Движок ревет, и она уже почти готова увидеть задние огни пикапа, два красных глаза, сверкающих на уезжающем прочь автомобиле.

Но он здесь, на холостом ходу на проезде, и Кэл вся сияет, потому что они подождали.

— Кончай улыбаться, — говорит Тео. — И залезай уже.



Сидящий впереди нее Тео обхватывает пальцами руль, и с заднего сиденья Кэл может безопасно рассматривать татуировки, обвивающие его правое предплечье, отраженные в полосах вокруг бицепса Аполлона. Кэл проводит кончиком пальца по внутренней стороне своего локтя, считая недели до своего семнадцатилетия.

Аполлону было пятнадцать, когда он совершил свое первое убийство, попав в подменыша из арбалета с расстояния в тридцать футов.

Тео было двенадцать. Она никогда не забудет, как он улыбался, весь покрытый маслянистой пленкой запекшейся крови, волочась за отцом к их кемпингу во время семейной поездки. Они ушли вдвоем, чтобы изучить знаки на тропе, и

столкнулись со взрослым вендиго. Папа с мамой тогда серьезно поссорились, но Тео продолжал улыбаться, подняв над головой громадную лапу с когтями — приз, который отец позволил ему кинуть в костер. У него было строгое правило насчет сохранения таких вещей. Единственными трофеями, которые он одобрял, были черные татуировки — обезличенные напоминания о былых победах.

Их тела можно было читать, как карту. Как книгу учета.

А ее тело всё еще было чистым.

— Просыпайся, скелетина.

Кэл моргает, в то время как Тео глушит двигатель, гасит фары. Она щурится, вглядываясь в темноту, и подавляет низкий стон при виде кладбищенских ворот.

Они припарковались возле погоста, где не может быть диких чудовищ, показывающихся в лесах или барах — местах, где много еды. Это также не гнездо вампиров — они предпочитают скрываться в особняках, а не мавзолеях.

Нет, кладбище значит, что они будут охотиться на *гулей*.

Кэл ненавидит гулей.

По правде говоря, ей вообще не особо нравятся

мертвяки. Зомби, призраки, духи — их пустота, их ничтожность действуют ей на нервы. Тео говорит, что на них легче всего охотиться, потому что они не просят. Не умоляют. Не пытаются воззвать к жалости.

Но они также и не останавливаются. Они — это пустота, ненасытность, беспощадность. Они не чувствуют ни боли, ни страха. Они не устают. Они приходят снова и снова.

Кэл жалеет, что они поехали не за оборотнями или подменышами — черт, да она бы лучше вышла против демона, чем мертвяка, но это не всё равно что выбрать специальность в колледже.

Охотники не выбирают цели.

Они охотятся на то, что требует истребления.

«На что, не на кого», — звучит у нее в голове голос отца. Никогда не думай о них как о «ком-то». Никогда не думай о них как о «них», только как об «оно», только как о цели, только как об угрозе в темноте.

Они выходят из машины, и Тео кидает ей бронежилет и пару щитков на локти, охотничью замену детским надувным нарукавникам для бассейна. За ними следует снаряжение.

Лопаты, бревна, стальные шипы — их можно хранить в багажнике, потому что их легко при-

нять за обычный фермерский инвентарь.

Остальные инструменты они хранят в потайном отделении под задним сиденьем.

Сиденье снимается, как крышка гроба, открывая серебряные кресты и железные цепи, стальную гарроту и набор кинжалов — всё это определенно нельзя принять за сельскохозяйственное оборудование. Она балансирует на ступеньке, разглядывая запасы оружия.

Кэл собирает собственный набор, храня его в багажнике ее побитого пятидверного авто, в старом ящике для инструментов, прикрытом кипой хозяйственных сумок, потому что если отец чему и научил ее, так это тому, что нужно быть всегда готовой к чему угодно. От охотников всегда веет их работой, этот призрачный сигнал могут учуять монстры.

Чем больше ты охотишься, тем заметнее становишься для тварей, на которых охотишься.

Это хорошо, если ты используешь себя в качестве приманки, но чуть менее замечательно, если ты не на работе.

Каждый из них берет по рации. Тео выбирает самурайский меч, Аполлон — топор, выглядящий весьма массивно даже в его руке, а потом бросает Кэл монтировку.

Она ударяет ее по руке так, что остается синяк, но Кэл не подает виду.

— Насколько я помню, — говорит она, — убить гуля можно только попаданием в голову.

— Верно.

— Эм, ну, монтировка не особо подходит для отсечения головы.

— Еще как подходит, — говорит Аполлон. — Если хорошенько замахнуться.

— Монтировка только ради предосторожности, — говорит Тео, протягивая ей бинокль. — Ты на стреме.

«На стреме». Охотничий эквивалент «останься в машине».

— Да ладно тебе, Тео.

— Не сегодня, Кэл.

Аполлон улыбается.

— Эй, если будешь себя хорошо вести, мы разрешим тебе сделать контрольный.

— Ага, спасибо, — сухо произносит она, кто же не любит пробивать череп стальным ломом. Она вытаскивает из набора кинжал, сует его в задний карман и следует за ними, чувствуя себя щенком, кусающим за пятки, пока они идут ко входу на кладбище. Аполлон за секунды вскрывает замок, и железные ворота распахиваются с

тихим стоном.

Разум Кэл снова проделывает с ней эту штуку: словно отделяется от ее тела, растягивается, пока она не видит всю округу со стороны. И она знает, что выглядит не так: три чернокожих подростка, увешанных самодельными доспехами, шагают по кладбищу с пиками и мечами.

«Нет, офицер, всё в порядке. Мы тут просто охотимся на монстров».

У папы есть связи в управлении шерифа, друг семьи, которого он спас во время туристического похода, когда они были детьми. Но память — слабое прикрытие перед лицом проблемы, и никто не хочет проверять оставшуюся силу этой старой нити.

— Кэл, — рявкает Тео, который всегда замечает, когда ее разум блуждает. — Залезь повыше.

Она забирается на надгробную скульптуру, одного из огромных ангелов, которых устанавливают люди, желающие выделиться в неглубоком потоке надгробных камней.

«Это всё равно что лезть на дерево», — думает она, закидывая ногу на крыло. Она встает в полный рост на старой каменной скульптуре, пока ее братья рыскают между памятниками и ждут, когда она просканирует темноту. Эта ночь

безветренна, кладбище расстилается внизу, серое и неподвижное, и всего через несколько секунд она замечает какое-то движение слева от себя.

Жуткая фигура сидит на краю открытой могилы, обгладывая человеческую голень, с которой всё еще свисают обрывки брюк.

Кэл жалеет, что не пропустила ужин.

В поле ее зрения возникает второй гуль, двигающийся между могилами. Он похож на человека или, по крайней мере, на то, что раньше было человеком, но шатается, словно марионетка на неровных нитях. Гули выглядят как трупы в изорванных одеждах, хлопающих по иссохшимся конечностям — но, конечно, одежды на них нет, это полоски кожи, плоти и мышц, свисающие со старых костей.

Кэл шепчет в рацию:

— Я их вижу.

Голос Тео хрипит:

— Сколько?

Она сглатывает.

— Двое.

Она направляет их вперед, каждого к своей цели. Через ряд, две могилы вниз, словно играя в морской бой. Она задерживает дыхание, когда ее братья приближаются к тварям. Они подходят

очень близко, но гули осторожнее, чем кажутся. Тот, что жует голень, вскакивает на ноги. Тот, что бродил, поворачивается — движение дерганое, но нереально быстрое, и начинается бой.

Тео замахивается мечом, но гуль уворачивается и бросается вперед, с шишковатыми руками и лязгающими зубами. Через несколько рядов от них Аполлон бросает топор, но теряет равновесие, и удар выходит слишком низким. Топор пролетает через желудок гуля, застревая в его позвоночнике. Нет — в надгробном камне позади него. Он вытаскивает лезвие, опрокидываясь на спину от силы этого движения, но тут же вскакивает на корточки.

Она наблюдает за братьями, восхищаясь грацией Тео, которую сложно ожидать от человека его размеров, восхищаясь Аполлоном, воплощением скорости и силы. Но вдруг краем глаза замечает какое-то движение. Это не братья и не гули, с которыми они дерутся. Движение где-то на могилах справа.

Ободранная фигура двигается в темноте слишком быстро.

И Кэл понимает, что она ошиблась. На кладбище не два гуля.

Их здесь три.

Третий был в два раза больше двух других, гниющая масса конечностей и зубов.

И эта тварь направлялась к Тео.

Тео, который был слишком занят, пытаясь расправиться со своим собственным монстром, чтобы заметить нового.

Кэл не думает.

Она спрыгивает с крыла ангела, ударяясь о землю, и боль пронизывает ее лодыжки, пока она бежит к ним.

— Эй! — кричит она, и гуль оборачивается к ней как раз тогда, когда она замахивается монтировкой ему в голову. Раздается хруст, и лицо твари слегка дергается, когда железо касается его черепа. И на секунду — только на секунду — кровь в венах Кэл разгоняется, она чувствует себя охотником.

Но потом гуль улыбается — ужасной ухмылкой с разинутой челюстью.

Кэл отшатывается назад, уворачиваясь от его лап, и вспоминает про кинжал. Она вытаскивает его из кармана, срывая ножны зубами, в то время как гуль бросается к ней.

Она всаживает лезвие в шею твари, но кинжал недостаточно длинный, чтобы перерезать ему горло. Он застревает где-то в позвонках, и она

выпускает его из рук, а пальцы гуля царапают ей кожу.

Она делает шаг назад, но ее ботинок цепляется за разбитую могилу, она падает, и гуль оказывается на ней. Он так близко, что она чувствует сладковатое зловоние гнили, и на нее накатывает страх — внезапный, скручивающий. Он накрывает ее, словно волна, и ей приходится подавить желание закричать.

Тварь скрежещет зубами и издает жуткий лязг, захлопывая челюсть. Кэл запихивает гулю монтировку промеж зубов, отталкивая его голову назад, в то время как его пальцы впиваются в ее тело, оставляя отпечатки его последней трапезы. Она брыкается, пытаясь сбросить его, но гуль сильный, невероятно сильный для кого-то из жил и костей, и страх отдается громким свистом у нее в голове, жаром в крови, ее руки соскальзывают с монтировки, она сейчас умрет, она сейчас умрет, она сейчас…

Меч Тео перерезает шею монстра, и лезвие проходит так близко, что Кэл чувствует ветерок на своем лице.

Голова гуля катится по заросшей сорняками траве.

Тело монстра обрушивается кучей жил и ко-

стей, а потом рядом оказываются ее братья, на коленях, — стены, защищающие от ужаса мира, расстилающегося за их спинами. Кэл поднимает монтировку и крепко сжимает ее, чтобы остановить дрожь в руках.

— С тобой всё хорошо, с тобой всё хорошо, — говорит Тео, тихо и ритмично.

Аполлон встает, поднимая топор, и легким шагом направляется к отделенной голове гуля.

Кэл сглатывает.

— Конечно, со мной всё хорошо, — произносит она, пока Аполлон бросает топор на череп монстра. Он взрывается, как гниющая тыква, под лезвием топора.

Кэл не рвет. Это кажется победой.

Это кажется поражением.

Безнадежным. Совершенно безнадежным.

Аполлон опускается на колени, чтобы выдернуть кинжал из того, что осталось от горла гуля.

— Надо было дать мне меч, — бормочет она, пока Тео поднимает ее на ноги.



Ее братья оживленно болтают всю дорогу домой.

Они на взводе, в состоянии эйфории после охоты. Кэл тоже на взводе, но совсем по другим причинам. Из-за того, что не заметила сразу третьего гуля, что набросилась на мертвяка с пятидюймовым ножом и монтировкой, что оступилась, что почти сдалась, что позволила страху одолеть себя.

Аполлон не устраивает ей разнос. Тео не читает лекцию. Они не отчитывают ее. Они вообще *ничего* не говорят об этом и, возможно, тем самым пытаются облегчить всё для нее, но это не работает. Она чувствует себя наказанным ребенком и всю дорогу задается вопросом, как тот же ребенок, расскажут ли они маме.

Она ждет их в гостиной.

— Как всё прошло?

И Кэл уже готова, что они ее сдадут, скажут, что всё было прекрасно, пока им не пришлось спасать ее жалкую задницу. Но Тео просто кивает, Аполлон же улыбается и произносит: «Гули — старинная забава», — не в силах удержаться от дурацкой шутки. А потом мама смотрит прямо на Кэл, словно способна прочитать правду по ее лицу, но Кэл уже давно знает, что правда — это не то, что выставляют напоказ.

— Всё хорошо, — говорит она, и слова падают у

нее внутри, словно камни.

Мама улыбается и возвращается к просмотру телевизора, а Кэл идет к лестнице, ее братья следуют за ней. Когда она поднимается наверх, Тео касается ее локтя:

— Ты в порядке?

Это всё, что он говорит. Всё, что он скажет.

— Конечно, — отвечает она, стараясь придать голосу непринужденность, и проскальзывает в свою комнату.

Несколько мгновений спустя она слышит жужжание татуировочного пистолета, доносящееся с другого конца коридора, а еще смех, которым ее брат прикрывает боль.

Она высвобождается из завязок и застежек самодельных доспехов и скривляет лицо, замечая дыру на любимых джинсах. Сама виновата, нужно было переодеться, нужно было надеть что-то, что не жалко. Кэл раздевается и осматривает себя — не повреждена ли кожа, нет ли признаков ран. Но на ней лишь несколько царапин да темнеющий синяк.

«Везучая», — думает она.

«Тупица», — отвечает сама себе, глядя на свои руки, под ногтями которых плотно набилась кладбищенская земля. Она идет в ванную и пы-

тается оттереть с кожи грязь с погоста. Бежит вода, и в ее белом шуме она снова проигрывает всё в голове: отползание по поросшей сорняками траве, уханье сердца, страх, паника, шок от удара плечами о камни, непреодолимое желание вскинуть руки, но не для того, чтобы бороться, а чтобы спрятаться, скрыться.

Внутри у нее всё переворачивается, к горлу подступает желчь.

Бёрнсы охотники, а охотники не убегают.

Они борются.

Руки Кэл уже саднят к тому времени, как она выключает кран.

Ее кинжал лежит без ножен на одеяле, и она знает, что мать устроит ей взбучку за то, что оставила оружие на виду, так что она берет его, опускается на колени рядом с кроватью и вытаскивает кожаный сундук, что стоит под ней. Она кидает кинжал к серебряным крестам, тонким, как иглы, лезвиям, коллекции деревянных кольев.

Кэл проводит по ним ладонью, задерживая ее на последнем — барабанной палочке с заостренным концом. Она поднимает ее, потирая большим пальцем инициалы, вырезанные ею на дереве.

ДФ.

Джульетта Фэйрмонт.

В конце коридора прекращает жужжать татуировочный пистолет. Вместе с ним умолкает и смех. Каллиопа вертит между пальцами деревянную палочку и решает, что готова заслужить свою первую отметку.

II

[Суббота]

Есть монстры, которых можно убивать на расстоянии, но есть и такие, с которыми приходится встретиться лицом к лицу.

Кэл говорит себе, что именно поэтому они сейчас здесь, в чулане. Говорит себе, что именно поэтому она оказалась в объятиях этой девушки. Поэтому целует Джульетту Фэйрмонт.

Джульетту, которая вовсе и не девушка, а монстр, цель, угроза в темноте.

Джулс, чьи губы на вкус как летние ночи и грозы. Потрескивание озона и обещание дождя. Это то, что так любит Кэл. И в этом вся суть, она уверена, весь трюк. Потому что это не по-настоящему, это просто еще один способ поймать добычу.

Вот как видит ее Джульетта.

Как добычу.

«Помни об этом», — говорит Тео.

«Это охота», — добавляет Аполлон.

И на самом деле ей не нужны голоса братьев в ее голове, не сейчас, когда Джульетта прижимается к ней, теплая, как любое живое создание. Ее сердце громко колотится в груди, и она говорит себе, что это всего лишь эйфория перед убийством, а не тепло губ другой девушки или тот факт, что она мечтала и о том, и о другом.

Об убийстве Джульетты.

О поцелуе с Джулс.

И даже когда ее пальцы сжимаются вокруг колышка, она спрашивает себя, что бы было, если бы они остановились на этом, если бы вышли из чулана рука об руку. Если бы вернулись на вечеринку. Если, если, если. Ей необязательно это делать. Это несанкционированная охота.

Ее семья никогда не узнает.

Она могла бы просто — что? Что ей делать? Привести Джульетту домой на ужин? Представить ее семье?

Нет. В этом нет будущего. Не для них.

Но оно есть для нее. То, в котором она получит свою первую татуировку. В котором заработает себе место рядом с братьями. В котором ее отец

вернется домой с охоты, увидит тонкую черную полоску чуть ниже локтя на ее руке и поймет, что больше ему не придется волноваться.

А потом другая девушка опускает губы к ее горлу и едва заметно надавливает зубами. Яркая вспышка боли, и кости Кэл знают, что делать. Она вытаскивает колышек и вонзает его конец между ребрами вампира.

Кэл слышит мягкий, едва слышный вздох Джульетты и замирает. Всего на секунду, но вампиру достаточно этого времени, чтобы вскинуть руку и ухватиться пальцами за деревянный колышек.

Джульетта отшатывается, приоткрыв рот от удивления, и даже в темноте Кэл видит ее зубы.

— Время вышло! — выкрикивает голос, и дверь распахивается.

Они отстраняются друг от друга, резкий свет прорезает щель между ними, клыки Джульетты исчезают, а Кэл незаметно прижимает колышек к предплечью и делает единственное, что может.

Она бежит.

Комната наполняется гиканьем и восторженными воплями, в то время как Кэл выскакивает из чулана и мчится мимо толпы в коридор. Пульс грохочет у нее в ушах.

Черт, черт, черт.

Первое правило охоты, самое важное, — заканчивать там, где начал. А она этого не сделала. Единственное, что у нее было, — контроль над положением, преимущество неожиданности.

Но теперь Джульетта знает.

Она *знает*.



Джулс не знает, что только что произошло.

Она щурится от резкого света, но, когда к ней возвращается зрение, Каллиопы уже нет.

Каллиопы, которая только что пыталась ее убить.

Она всё еще чувствует конец деревянного колышка между ребрами, его остроту, подобную камню, брошенному в гладкое стекло их поцелуя. Поцелуй. И только вкус крови.

А теперь Кэл нет, а у нее в голове звучит голос сестры.

«Ни в коем случае не дай им уйти».

Черт.

Джулс выскальзывает из чулана, прижимая одну руку к груди, чтобы закрыть дыру, а другую ко рту, хотя ее клыки уже снова втянулись. Комната наполнена свистом и смехом, но за

громкими резкими звуками она слышит кровь. Кровь, пульсирующую в них. Кровь, грохочущую, как барабан, у нее в голове. Кровь Кэл, текущую под поверхностью ее теплой кожи, так близко, что Джулс могла попробовать, могла попробовать ее…

А теперь она ушла.

И она знает тайну Джульетты.

Она *знает*.

— Мне пора идти, — говорит она, проталкиваясь через толпу.

— Но сейчас твоя очередь.

Но Джулс не останавливается, не может остановиться. Она выбегает за дверь, в коридор, на лестничную площадку. Смотрит вниз на волну учеников на первом этаже, сканирует кучки голов в поисках облака кудряшек, и…

Вон там.

Там она, направляющаяся к входной двери. Ее рука на ручке, одна нога поднимается над порогом, но она останавливается и смотрит назад. Джульетта хватается за деревянные перила, в то время как взгляд девушки поднимается по лестнице и находит ее.

И задерживается.

На мгновение все звуки вечеринки стихают,

и она слышит только кровь. Свою кровь, медленную и упрямую, и кровь Кэл, клокочущую и быструю. На мгновение они обе снова оказываются в чулане, прижавшись губами и переплетясь конечностями, до того, как всё изменилось, до того, как поцелуй стал убийством.

Кэл смотрит на нее через бездну пространства. Джулс смотрит в ответ, задерживая дыхание, и она знает, что другая девушка делает то же, знает, что они обе ждут, чтобы посмотреть, кто сломается, кто двинется, кто побежит, кто будет преследовать.

Губы Каллиопы изгибаются в мрачной улыбке.

И Джулс смотрит на нее, улыбаясь в ответ, и думает…

Да начнется охота.

Поцелуй / Женись / Убей, или Злодеи, которых мы любим любить

Зорайда Кордова и Натали С. Паркер

Хотя не все вампиры могут похвастаться очарованием (взять, например, увядающую форму Носферату), романтический шарм вампиров — сказка, старая как мир. Они могущественны, темны, опасны, и хотя их укус может убить, он также может и заворожить. Может, они просто первые из плохих парней. Довольно сложно представить построение романтической жизни с кем-то, кто никогда не постареет или может, совершенно случайно, выпить твою маму либо сделать что-то подобное. И всё же роман с вампиром — популярная часть вампирской мифологии. Но как бы часто мы ни встречали роман, разыгрывающийся между вампиром и человеком, или вампиром и охотником, чрезвычайно редко находится такой, где они потом живут долго и счастливо. Охотники, как и люди, обычно вступают в отношения со слишком малой властью,

но здесь Виктория усложняет идею, что вампиры — злодеи по своей сущности, представляя охотника с сильной семейной традицией, ставя их на равное — и смертельное — основание.

А что думаете вы? Кто настоящий злодей: охотник или вампир?

Благодарности

Этой антологии не было бы без самых ценных игроков ночи: вампиров, живущих в умах, сердцах и фантазиях стольких людей. Но им не могут достаться все лавры. Так что мы бы хотели поблагодарить:

Лору Перкинс за то, что она фантастический адвокат и агент.

Нашего редактора, Уэсли Тёрнер, за то, что разделила наши взгляды на этот проект и проходила с нами каждый этап с безупречным изяществом и проницательностью.

Феноменальные команды «Импринта» и «Макмиллана», продолжающие поддерживать эту работу, включая: Эрин Штайн, Хейли Юзвак, Кэйлу М. Овербей, Синтию Ллигуичужка и многих других.

Адриану Беллет и Джиз Ванилла за оформление обложки, которое превзошло все наши самые дикие надежды.

Наших авторов: Тессу, Дониэль, Марка, Лору, Джули, Викторию, Самиру, Хэйди, Ребекку и Кайлу. Ваши рассказы — всё, о чем мы только

могли мечтать, когда задались целью собрать эту коллекцию.

И самое важное — тебя, дорогой читатель, за то, что разделяешь нашу любовь к бессмертным.

С наилучшими пожеланиями,
Зорайда и Натали

Об авторах

Самира Ахмед — автор таких бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс», как «Love, Hate & Other Filters» («Любовь, ненависть и другие фильтры»), «Internment» («Интернирование) и «Mad, Bad & Dangerous to Know» («Безрассудно, плохо и опасно знать»). Ее рассказы и стихи появлялись в антологиях, включающих «Take the Mic», «Color Outside the Lines», «Ink Knows No Borders», «Who Will Speak for America», «This is What a Librarian Looks Like» и «Universe of Wishes». Окончив Чикагский университет, Самира преподавала английский язык в старшей школе, работала в образовательных общественных организациях и проводила время в разъездах, участвуя в политических кампаниях. Она родилась в Бомбее, в Индии, и росла в Батавии, в штате Иллинойс, в доме, где пахло жареным луком, специями и ароматическими смесями из сухих цветов. Она жила в Чикаго, Нью-Йорке и на Кауаи, где потратила год на поиски идеального манго. Посетите ее сайт samiraahmed.com или найдите в Твиттере и Инстаграме @sam_aye_ahm. Загадочный лю-

бимчик-кровосос Самиры — Спайк.

Дониэль Клейтон — соавтор серии книг «Tiny Pretty Things» («Хрупкие создания»), а также автор бестселлера «The Belles» («Прекрасные») по версии «Нью-Йорк таймс». Она выросла в Вашингтоне, округ Колумбия, в пригороде со стороны Мэриленда, и провела бóльшую часть детства под столом своей бабушки со стопкой книг. Бывший учитель и библиотекарь в средней школе, Дониэль также является сооснователем «Cake Literary» — компании творческого развития, привлекающей внимание широкого спектра читателей к совершенно разным книгам — и исполнительный директор некоммерческой организации «We Need Diverse Books». Она обожает путешествовать и проводит много времени за пределами США, но считает своим домом Нью-Йорк, где ее обычно можно застать за охотой на лучший кусочек пиццы. Посетите ее сайт dhonielleclayton.com или найдите в Инстаграме и Твиттере @brownbookworm. Любимый вампир Дониэль — Граф фон Знак с улицы Сезам.

Зорайда Кордова — автор множества романов в жанре фэнтези для детей и подростков, последние из которых — получившие награды «Brooklyn Brujas» («Бруклинские ведьмы»),

«Incendiary» («Мятежница»), «Star Wars: Galaxy's Edge: A Crash of Fate» («Звездные войны: На краю Вселенной: Крах судьбы»). Зорайда родилась в Эквадоре и выросла в Куинсе, в Нью-Йорке. Если она не работает над следующим романом, то планирует новое приключение. Посетите ее сайт zoraidacordova.com. Ее любимым вампиром навсегда останется Ангел… но Деймон Сальваторе дышит ему в спину.

Тесса Греттон — автор романов для взрослых в жанрах научной фантастики и фэнтези «The Queens of Innis Lear» («Королевы Иннис Лира») и «Lady Hotspur» («Леди Хотспур»), а также нескольких подростковых серий и рассказов, переведенных на двадцать два языка. Ее последние молодежные книги — самобытные сказки «Strange Grace» («Незнакомая Грация») и «Night Shine» («Ночное сияние»). Хотя она успела пожить в разных частях мира, сейчас она со своей женой обитает на окраине прерии. Посетите ее сайт tessagratton.com. Любимый вампир Тессы — Гильда из «Рассказов Гильды» Джевелл Гомес.

Хэйди Хэйлиг — автор завоевавшей всеобщее признание серии «The Girl From Everywhere» («Навсе… где?»), а также серии «Shadow Players» («Играющие в тени»). Ее книги вошли в «Indies

Next List», а также в списки рекомендованного чтения Андре Нортон и «Locus». В прошлом она также была сценаристом музыкального театра. Посетите ее сайт heidiheilig.com или найдите в Твиттере @heidiheilig. Любимый вампир Хэйди — главный герой «Сказания о старом мореходе» Сэмюэла Колриджа.

Джули Мёрфи живет в Северном Техасе с мужем, который любит ее, собакой, которая ее обожает, и кошкой, которая относится к ней терпимо. После нескольких чудесных лет в мире библиотеки теперь Джули занимается только писательством. Когда она не пишет книги и не предается воспоминаниям о восхитительных днях за столом информации, ее можно застать за просмотром телевизионных фильмов, охотой на идеальную пиццу с сыром либо планированием следующего путешествия. Она автор «Side Effects May Vary» («Побочные эффекты могут быть разными), «Ramona Blue» («Рамона Блю»), «Dear Sweet Pea» («Дорогая Милашка»), «Faith Taking Flight» («Фэйт отправляется в полет»), «Puddin'» («Пудинг») и «Dumplin'» («Пышечка»), по которой был снят фильм для Netflix. Вы можете посетить ее сайт imjuliemurphy.com. Или найти ее в Твиттере и Инстаграме как @andimjulie. Любимый

вампир Джули — Эдвард Каллен, и ей ни капельки не стыдно.

Марк Оширо — отмеченный наградами автор «Anger Is a Gift» («Гнев — это дар») и «Each of Us a Desert» («Каждый из нас — пустыня»). Когда он не пишет, не редактирует или не путешествует, он разрабатывает онлайн-Вселенную «Марк делает свое дело» и пытается поймать всех бездомных собак в мире. Вы можете посетить его сайт markoshiro.com или найти в Инстаграме и Твиттере как @MarkDoesStuff. Любимые вампиры Марка — Блэйд и Ангел.

Натали С. Паркер — автор и редактор нескольких книг для молодежи, включая получившую всеобщее признание трилогию «Seafire» («Морской огонь»). Ее работа была включена в список лучших книг по версии National Public Radio, Indies Next List, список для чтения TAYSHAS и подборки Junior Library Guild. Натали выросла в семье моряка и жила в прибрежных городах от Вирджинии до Японии. Теперь она живет со своей женой в прерии в Канзасе. Посетите ее сайт nataliecparker.com. Ее вампирская королева — Кэролайн Форбс.

Ребекка Роанхорс — автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс», отмеченный награ-

дами Hugo, Nebula, Locus и Astounding. В число ее романов входят «Trail of Lightning» («След молнии»), «Storm of Locusts» («Буря саранчи»), «Star Wars: Resistance Reborn» («Звездные войны: возрождение Сопротивления») и подростковый роман «Race to the Sun» («Погоня к солнцу»). Ее последний на данный момент роман для взрослых, «Black Sun» («Черное солнце»), вышел осенью 2020 года. Ее рассказы для молодежи можно найти в сборниках «Hungry Hearts», «A Phoenix First Must Burn» и «A Universe of Wishes». Она живет в северной части Нью-Мехико с мужем и дочерью. Посетите ее сайт rebeccaroanhorse.com или найдите в Твиттере как @RoanhorseBex. Любимый вампир Ребекки — Жан-Клод из серии «Анита Блейк: охотник на вампиров», но «Парни Кровавой реки» — ода фаворитам ее детства, Майклу и Дэвиду из «Пропащих ребят».

Лора Руби пишет художественную литературу для детей, подростков и взрослых, включая молодежный роман «Bone Gap», финалист Национальной книжной премии США и призер Printz Medal. Работает преподавателем программы по подготовке магистров в Университете Хэмлайн. Посетите ее сайт lauraruby.com или найдите в Инстаграме или Твиттере как @thatlauraruby.

Любимый вампир Лоры — девушка из фильма «Девушка возвращается одна ночью домой».

Виктория Шваб — автор бестселлеров № 1 по версии «Нью-Йорк таймс» и Indie. Она написала больше двадцати книг, включая «Vicious» («Зло), серию «Shades of Magic» («Оттенки магии») и «This Savage Song» («Эта свирепая песня»). Ее работы получили признание критиков, были выделены «Энтертейнмент Уикли» и «Нью-Йорк таймс», переведены больше чем на двадцать языков, экранизированы для кино и телевидения. Газета «Индепендент» назвала ее «истинной преемницей Дианы Уинн Джонс. Посетите ее сайт veschwab.com и найдите в Твиттере как @veschwab. Любимый вампир Виктории, конечно же, Лестат.

Кайла Уэйли — автор эссе и романов, живущая в пригороде Атланты. Ее работы появлялись в «Catapult», «The Toast» и «Michigan Quarterly Review», а также в антологиях «Here We Are: Feminism for the Real World» и «Unbroken: 13 Stories Starring Disabled Teens». Она получила степень магистра в Университете Тампы и была старшим редактором в «Disability in Kidlit». Посетите ее сайт kaylawhaley.com и найдите в Твиттере как @PunkinOnWheels. Любимый вампир Кайлы —

Клодия, особенно в исполнении Кирстен Данст.